СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ
И
ѲОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ,

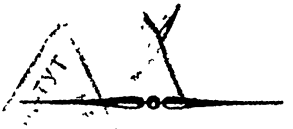
КАКЪ ПРОПОВѢДНИКИ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ФИЛОСОФСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ,

КАНДИДАТОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЮРІЕМЪ САМАРИНЫМЪ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1844.

По опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета печатать дозволяется. Апрѣля 5-го дня 1844 года.

За Секретаря Совѣта Иванъ Масловъ.

374
39

Дѣятельность Стефана Яворскаго и Θеофана Прокоповича была такъ многосторонна, труды ихъ такъ многочисленны и важны, что съ перваго взгляда открывается возможность изучать ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Догматическое ученіе того и другаго, изложенное въ ихъ ученыхъ, богословскихъ сочиненіяхъ, представляетъ богатый предметъ для изслѣдованія.

Ихъ дѣятельность какъ Іерарховъ, ихъ участіе въ управленіи Церковью, тѣсно связанное съ нашею политическою исторіею, заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Наконецъ, съ точки зрѣнія литературной, отстранивъ вопросъ о содержаніи ихъ сочиненій, можно обратить исключительное вниманіе на форму, на образъ изложенія, на слогъ, на языкъ. Въ этомъ отношеніи, всего важнѣе ихъ проповѣди и торжественныя слова.

Полная характеристика Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича требуетъ всѣхъ этихъ трудовъ. Разнообразные по содержанію, они представили бы нѣчто цѣлое. Мы нашли бы въ нихъ внутреннее единство мысли, той мысли, которой служили и были постоянно вѣрны Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Эта мысль даетъ каждому изъ нихъ то основное, коренное опредѣленіе, которому подчиняются и изъ котораго вытекаютъ всѣ прочія. Ее доказываютъ они въ своихъ богословскихъ трудахъ, ее прилагаютъ къ жизни въ своей практической дѣятельности; наконецъ, она отражается въ стилѣ ихъ проповѣдей.

Только въ этомъ послѣднемъ ея проявленіи мы будемъ ее изучать.

Отстранивъ задачу о полной характеристикѣ, ограничивъ свой предметъ, мы старались обработать его въ духѣ цѣлаго, такъ чтобы трудъ нашъ могъ войти въ полную характеристику и съ нею согласоваться.

И такъ, задача этой диссертаціи есть характеристика Стефана Яворскаго и Ѳеофана

Прокоповича, какъ проповѣдниковъ. Идеи, составляющія содержаніе проповѣдей и торжественныхъ словъ, должны быть изучаемы отдѣльно; мы примемъ ихъ, какъ данныя, не будемъ ни повѣрять ихъ, ни обсуживать; но постараемся опредѣлить характеръ изложенія, слогъ, языкъ, вообще то, что составляетъ сущность проповѣди.

Прежде нежели мы приступимъ къ нашему предмету, мы должны предварительно опредѣлить, что такое проповѣдь и чего должно отъ нея требовать.

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ, болѣе общимъ вопросомъ: о краснорѣчіи вообще.

Если краснорѣчіе, въ области литературы, (принимая это слово въ смыслѣ совокупности всѣхъ словесныхъ произведеній), занимаетъ мѣсто сферы самобытной, отъ другихъ независимой и заключающей въ себѣ самой свое оправданіе; и если краснорѣчіе можетъ и должно быть предметомъ особенной науки, то общіе его законы, дѣленіе его на различные роды и

частные законы этихъ родовъ, должны быть необходимы и вытекать изъ существа самого краснорѣчія. Тогда, изъ общаго опредѣленія краснорѣчія, мы выведемъ опредѣленіе проповѣди.

Въ противномъ случаѣ, если краснорѣчіе, само въ себѣ взятое, такой самобытности и живой цѣльности не имѣетъ, если составные элементы его, органически между собою не связанные, распадаются и отходятъ къ другимъ сферамъ; то мы должны будемъ отказаться отъ требованія вывести опредѣленіе и частные законы проповѣди изъ существа краснорѣчія, и обратиться въ другую сторону.

Въ обоихъ случаяхъ, для насъ необходимо рѣшить вопросъ о краснорѣчіи вообще.

До сихъ поръ, многіе ученые вводятъ краснорѣчіе въ область искусства и опредѣляютъ ему мѣсто подлѣ поэзіи, какъ одному изъ родовъ художественныхъ произведеній въ словѣ.

Это мнѣніе, съ перваго взгляда, представляется довольно вѣроятнымъ. Между краснорѣчіемъ и поэзіею, повидимому, много общаго.

Ораторъ, равно какъ и проповѣдникъ, заимствуетъ содержаніе своего слова, беретъ фактъ изъ дѣйствительности его окружающей; но онъ не ограничивается признаніемъ этой дѣйствительности или ея изображеніемъ, въ ея случайности. Онъ не покоряется ей, а стремится пересоздать ее согласно съ идеею, съ законами религіозными или государственными. Если же онъ и признаетъ ее, то это только потому, что самъ онъ видитъ и другимъ открываетъ въ ней это полное, уже осуществившееся согласіе. (1) Далѣе, общіе законы, удерживая характеръ отвлеченности, составляютъ живой интересъ оратора, его личное убѣжденіе. Это убѣжденіе онъ старается передать во всей его силѣ другимъ. При этомъ, развитіе содержанія и образъ изложенія находятся въ его власти и отъ него зависятъ. Все это даетъ краснорѣчію видъ свободнаго творчества.

Наконецъ, ораторъ обращается не къ одной способности пониманія. Мало того, если слушатели съ нимъ согласятся; холодное, равнодушное признаніе истины недостаточно; ораторъ долженъ возбудить живое сочувствіе къ общимъ на-

(1) Таковы рѣчи похвальныя, панегирики, и т. п.

чаламъ, составляющимъ содержаніе его слова. Поэтому, онъ дѣйствуетъ на всего человѣка, на способность созерцать и чувствовать. Паоосъ, художественный элементъ и поэтическое выраженіе доступны оратору. Всѣми этѣми свойствами краснорѣчіе подходитъ къ художественному произведенію.

Но не смотря на это сходство, для поверхностнаго взгляда обманчивое, въ существенныхъ свойствахъ краснорѣчіе и искусство далеко расходятся.

Каждая ораторская рѣчь, равно какъ и всякое художественное произведеніе, можетъ быть разложена на два элемента: на идею и форму, на общее и частное. Присутствіе этихъ элементовъ въ художественномъ произведеніи явно и всѣми признано.

Въ ораторской рѣчи они также присутствуютъ. Общее является въ видѣ отвлеченныхъ началъ, догматовъ, нравственныхъ предписаній, государственныхъ законовъ, и пр.; частное заимствуется изъ жизни, какъ готовый фактъ. Иногда это одно опредѣленное событіе, иногда

картина всей жизни, схваченная въ извѣстную минуту, иногда лице, въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательное, иногда наконецъ цѣлая группа лицъ подъ извѣстнымъ опредѣленіемъ.

И такъ составныя начала художественнаго произведенія въ словѣ и ораторской рѣчи однѣ и тѣже; но присутствіе этѣхъ двухъ началъ, въ ихъ раздѣльности, еще не составляетъ искусства.

Общее существуетъ само по себѣ, въ своей отвлеченности, въ сферѣ религіи — какъ догматъ, въ сферѣ науки — какъ мысль, въ сферѣ государства — какъ законъ.

Частный фактъ, который берется изъ дѣйствительности, занимаетъ свое мѣсто въ ряду жизненныхъ явленій, въ сферѣ случайности.

Ни въ общемъ, ни въ частномъ, нѣтъ еще того, что составляетъ сущность искусства. Эта сущность заключается въ отношеніи элемента общаго къ элементу частному, въ ихъ живой неразрывности. Общее изъ себя условливаетъ свое проявленіе, органическую форму, въ ко-

торую оно свободно облекается и становится живымъ явленіемъ. Черезъ это понятіе теряетъ характеръ отвлеченной общности, и фактъ освобождается отъ своей случайности и становится необходимою формою, достойною носить въ себѣ идею.

Проникаясь взаимно, срастаясь, элементъ общій и элементъ частный примиряются въ третьемъ. Это третье есть фактъ искусства, художественное произведеніе. Въ немъ исчезаетъ противоположность общаго и частнаго; обѣ стороны становятся нераздѣльны, такъ, что развлечь ихъ, значитъ убить художественное произведеніе.

Это воплощеніе идеи въ формѣ, это примиреніе двухъ противоположностей въ живомъ явленіи, есть сущность искусства, есть то, что принадлежитъ ему исключительно, и что даетъ ему право быть самобытною сферою. Только тѣ произведенія въ словѣ могутъ имѣть мѣсто въ этой сферѣ, которыя этому условію удовлетворяютъ.

Спрашивается: ораторская рѣчь можетъ ли быть отнесена сюда?

Въ ораторской рѣчи являются, какъ мы сказали, два элемента: общее и частное. Потребность ихъ примиренія выражается въ рѣчи; но само примиреніе въ ней не совершается. Оно остается для нея внѣшнею цѣлью, которой она служитъ, но которой достиженіе не отъ нея зависитъ. Въ самой же рѣчи, общее и частное удерживаются въ ихъ отвлеченности, въ раздѣльности. Ораторъ, съ одной стороны, полагаетъ общее понятіе, догматъ вѣры или законъ нравственный; съ другой, выводитъ частное явленіе (общественное учрежденіе, или историческое событіе, или наконецъ человѣка), въ которомъ заключается противорѣчіе съ общимъ, и своимъ словомъ старается убѣдить въ необходимости положить этому противорѣчію конецъ.

Такимъ образомъ общее и частное являются каждое само по себѣ, въ раздѣльности, въ отчужденіи другъ отъ друга, и при этомъ отношеніи обѣ стороны остаются. Ихъ примиреніе, то, что въ художественномъ произведеніи является какъ уже совершенное, въ краснорѣчіи составляетъ только субъективную цѣль оратора, достигаемую не въ словѣ, а только по-

средствомъ слова и внѣ его, въ дѣйствительной жизни.

И такъ ораторъ не творитъ, а подводитъ, сравниваетъ, противополагаетъ. Сущность краснорѣчія заключается не въ свободномъ развитіи понятія въ непосредственномъ единствѣ его съ реальностью, а въ ихъ разъединеніи и въ требованіи единства.

Такимъ образомъ краснорѣчіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть только стремленіе къ тому, что въ искусствѣ представляется уже осуществленнымъ, разумѣется, въ другой сферѣ.

Далѣе, въ краснорѣчіи художественный элементъ отнюдь не составляетъ единственнаго и высшаго интереса оратора. Внѣ своего произведенія въ словѣ, онъ задаетъ себѣ цѣль и къ ней устремляетъ всѣ свои силы и средства. Форма произведенія, построеніе частей и образъ выраженія служатъ ему только, какъ приличныя орудія. Слушатели должны быть тронуты и потрясены также не ради самихъ себя; убѣжденіе и вообще то чувство, которое стремится возбудить въ нихъ ораторъ, въ свою очередь,

имѣетъ значеніе только средства, побужденія къ дѣлу, задуманному ораторомъ. Такимъ образомъ и для нихъ слово является несвободнымъ, не въ себѣ самомъ замкнутымъ, полнымъ произведеніемъ, а случайнымъ орудіемъ, пружиною, приводящею въ дѣйствіе ихъ воли.

И такъ ораторская рѣчь есть плодъ не свободнаго творчества, но результатъ расчета.

Изъ всего этого усматривается, что сущность краснорѣчія заключается не въ художественномъ творчествѣ, не въ свободномъ возникновеніи художественнаго произведенія; но въ законѣ сообразности съ цѣлью (Zweckmässigkeit), въ случайномъ отношеніи понятія и реальности, условленномъ личнымъ намѣреніемъ оратора. Свобода творчества замѣняется служеніемъ практической цѣли, выходящей изъ области литературы вообще.

И такъ краснорѣчію нѣтъ мѣста въ области искусства; ораторская рѣчь не есть и не должна быть художественнымъ произведеніемъ (1).

---

(1) См. Эстетику Гегеля. Т. 3. Гл. 3. Das poetische und prosaische Kunstwerk.

Этимъ рѣшается вопросъ о краснорѣчіи вообще, какъ о сферѣ самобытной, изъ себя условленной. Составные элементы его, отвлеченно общее и частное явленіе, не проникаясь взаимно, не сливаясь въ одно живое цѣлое, пребываютъ въ раздѣльности и отходятъ къ другимъ сферамъ. Поэтому содержаніе краснорѣчія не принадлежитъ ему. Само краснорѣчіе, какъ искусство, какъ соединеніе этихъ элементовъ, существуетъ не само по себѣ и не ради себя, а только какъ средство, служащее общимъ началамъ и явленіямъ жизни.

Отсюда мы выводимъ, что напрасно даютъ мѣсто краснорѣчію въ области изящной словесности и напрасно изученіе краснорѣчія возводятъ на степень науки.

Такъ какъ оно есть не болѣе какъ средство, служащее къ достиженію до безконечности разнообразныхъ, но для него постоянно внѣшнихъ цѣлей; то законы и свойства его должны условливаться характеромъ этѣхъ цѣлей, слѣдовательно измѣняться вмѣстѣ съ ними.

Поэтому также не можетъ быть строгаго, необходимаго дѣленія краснорѣчія на ро-

ды. Ихъ можетъ быть столько же, сколько можетъ быть общихъ началъ и частныхъ случаевъ, которымъ оно служитъ.

И такъ краснорѣчіе изучать должно не само въ себѣ, не краснорѣчіе какъ таковое, а краснорѣчіе какъ средство, служащее той, или другой цѣли и сю условленное. Можно разсматривать, какое значеніе имѣетъ рѣчь, служащая религіознымъ интересамъ, рѣчь, какъ орудіе гражданской дѣятельности, и пр.

Отрицательное рѣшеніе вопроса о краснорѣчіи вообще указываетъ намъ на то, какимъ образомъ можетъ быть рѣшенъ частный вопросъ о краснорѣчіи духовномъ.

Приступая къ этому второму вопросу, прежде нежели мы разсмотримъ значеніе проповѣди въ ней самой, мы должны представить слѣдующія замѣчанія, доступныя при взглядѣ на нее извнѣ.

Между всѣми родами краснорѣчія первенство неоспоримо принадлежитъ краснорѣчію духовному. Оно принадлежитъ ему, во-первыхъ,

по характеру элемента общаго, составляющаго его основное содержаніе; во-вторыхъ, по свойству элемента частнаго, во сколько онъ подъ это общее подводится.

Краснорѣчіе духовное служитъ вѣчнымъ, абсолютнымъ истинамъ, догматамъ вѣры и нравственнымъ законамъ, свыше открытымъ человѣчеству. Не случайный и часто измѣняющійся законъ гражданскій, условленный внѣшними, жизненными потребностями общества, не преходящія судьбы того или другаго народа даютъ ему значеніе, а вѣчно и безусловно истинное.

Поэтому сфера, оглашаемая словомъ проповѣдника, обнимаетъ всѣ времена и всѣ народы. Проповѣдь, къ кому бы въ особенности она ни была обращена, относится вообще ко всѣмъ; ея сила и значеніе не ограничивается ни извѣстнымъ кругомъ времени, ни извѣстною мѣстностью. Слово духовное раздается по вселенной и ему внемлетъ все человѣчество; ибо для всѣхъ звучитъ божественный благовѣстъ, и всякаго человѣка, всегда и во всякомъ мѣстѣ, обязываетъ законъ божественный.

И такъ высокое значеніе даетъ духовному краснорѣчію идея, которой оно служитъ. Характеръ же и цѣль этого служенія опредѣляются необходимымъ, и отъ самаго краснорѣчія независимымъ, отношеніемъ откровенія къ человѣчеству. Но такъ какъ это отношеніе выражаетъ собою Церковь, такъ какъ Церковь есть это самое отношеніе, какъ осуществленное; то мы полагаемъ вопросъ о проповѣди въ слѣдующей формѣ: какое мѣсто занимаетъ проповѣдь въ сферѣ Церкви, какое назначеніе даетъ Церковь проповѣди?

Церковь, при взглядѣ на нее извнѣ, представляется множествомъ лицъ, одинаково вѣрующихъ. Но это множество есть не случайный аггрегатъ; оно образуетъ собою цѣлое, живой организмъ, духовное тѣло. Частныя лица получаютъ въ немъ значеніе живыхъ членовъ; ихъ отношеніе къ цѣлому организму есть отношеніе внутренняго, свободнаго и постояннаго подчиненія.

Вступая въ Церковь, каждое лице отрекается служить самому себѣ и жить для себя; оно приноситъ въ жертву свою исключительную лич-

ность и даетъ обѣтъ пребывать въ постоянномъ единеніи вѣры и любви съ Церковью — жить для всѣхъ одною, благодатною жизнью со всѣми.

Вѣра въ догматы Церкви и жизнь, согласная съ законами Церкви, вотъ два условія, неразрывно между собою связанныя, которыхъ соблюденіе пересоздаетъ личность и возводитъ каждое лицо на степень члена Церкви, причастнаго искупленію.

И такъ догматы и нравственные законы, существуя сами по себѣ, въ своей отвлеченности, и образуя собою одну сторону Церкви, въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, ея членамъ, составляющимъ другую ея сторону, сторону жизни, имѣютъ постоянно и безусловно обязательную силу. Догматы должны быть ихъ вѣрою, нравственные законы должны управлять ихъ жизнью. Этимъ условливается единство Церкви, какъ живаго организма.

Но Церковь, будучи въ каждую минуту своего бытія сама въ себѣ этимъ полнымъ и живымъ организмомъ, въ отношеніи ко всей совокупности частныхъ лицъ, образующихъ человѣчество, никогда на землѣ вполнѣ не осуществляется.

Она отверста для всѣхъ, всѣ люди призваны къ наслѣдію жизни, но далеко не всѣ внемлютъ призыву. Многіе упорно пребываютъ внѣ Церкви.

Даже тѣ, которыхъ она признала своими членами, часто отъ нея отторгаются и нарушаютъ въ себѣ ею данное и ими принятое опредѣленіе.

Сама Церковь, не простирая своего дѣйствія за предѣлы самой себя, не можетъ имѣть дѣла съ невѣрными. Членовъ своихъ, признавшихъ ее, и послѣ того словомъ или дѣломъ отъ нея отрекшихся, она исключаетъ изъ своей сферы, ставитъ внѣ себя.

Но не даромъ Церковь называетъ себя каѳолическою; возможность открыта невѣрнымъ вступить въ нее и грѣшникамъ, отъ нея отпавшимъ, возвратиться въ ея лоно. Это свойство Церкви выражается, въ отношеніи къ пребывающимъ внѣ ея лицамъ, *посредничествомъ между ними и Церковью.*

Въ самомъ словѣ: посредничество, лежитъ понятіе о третьемъ, середнемъ между двумя разобщенными началами, въ этомъ случаѣ —

Церковью и пребывающимъ внѣ ея человѣчествомъ. Это третье должно необходимо принадлежать къ Церкви и быть ея законнымъ, ею избраннымъ представителемъ; съ другой стороны, будучи предназначено дѣйствовать на частныя лица, оно само должно быть лицемъ. *Живой посредникъ* между церковью и частными лицами есть *проповѣдникъ*; *самое дѣло посредничества* есть *проповѣдь*.

Проповѣдуетъ не Церковь; но Церковь, признавая необходимость и святость проповѣди, благословляетъ избранныхъ на великое дѣло посредничества. Проповѣдь составляетъ одну изъ существенныхъ обязанностей святительскаго сана.

Мы вывели значеніе проповѣдника и проповѣди изъ отношенія частныхъ лицъ къ Церкви, во сколько это отношеніе есть дѣло человѣческое.

Но все благое творитъ не самъ человѣкъ, какъ лицо, а Духъ Божій, въ немъ живущій.

Обращеніе человѣка къ истинѣ и внутреннее покаяніе есть дѣло благодати, вѣнчающе-

еся въ таинствѣ отпущенія грѣховъ. Принять благодать или отвергнуть ее, вотъ что лежитъ во власти всякаго человѣка.

Поэтому, назначеніе проповѣди мы полагаемъ въ томъ, чтобы побѣдить и отстранить въ человѣкѣ все то, что препятствуетъ дѣйствію благодати. Въ этомъ отношеніи, дѣло проповѣди есть чисто отрицательное; кромѣ того, она можетъ быть однимъ изъ орудій положительнаго дѣйствія самой благодати.

И такъ проповѣдникъ есть лице, самою Церковью избранное, и получившее отъ нея призваніе быть посредникомъ между нею и частными лицами. Проповѣдь есть орудіе этого посредничества.

Мы сказали, что она можетъ относиться къ невѣрнымъ и къ членамъ Церкви. Отсюда два рода проповѣдей. Отстранивъ первый, будемъ говорить о второмъ.

Здѣсь выражается значеніе проповѣдника непосредственно; его можно созерцать. Окончивъ Божественую службу, Святитель выходитъ на

средину храма, и становится на амвонъ. За нимъ алтарь, на которомъ совершилось приношеніе безкровной жертвы; передъ нимъ - собранные члены Церкви.

Таже двойственность является въ самой проповѣди. Общее содержаніе заимствуется изъ догматическихъ и нравственныхъ началъ Церковнаго ученія; случай, на который проповѣдь говорится, изъ жизни. Проповѣдникъ представляетъ отношеніе этихъ двухъ элементовъ, дѣйствительное и идеальное, то, которое есть, и то, которое должно быть. Характеръ дѣйствительнаго отношенія опредѣляетъ самая потребность проповѣди. Необходимость посредничества свидѣтельствуетъ о разторженіи единства. Частныя лица не имѣютъ той вѣры, которой требуетъ отъ нихъ Церковь, и въ жизни своей нарушаютъ ея законы.

Убѣжденія и дѣла людей, какъ оскорбляющія догматы и законы Церкви, вотъ предметъ и содержаніе всякой проповѣди. Поэтому, можно начертить слѣдующую схему проповѣди. Двѣ части входятъ въ нее: догматическая и нравственная. Та и другая имѣетъ двѣ стороны: отрицательную и положительную.

Первая часть можетъ содержать въ себѣ *опроверженіе* ложныхъ мыслей, суевѣрій, сомнѣній, и пр. затемняющихъ чистоту вѣры, и *изъясненіе*, *напоминаніе* догматовъ Церкви.

Вторая, *обличеніе* пороковъ и *наставленіе* въ добрыхъ дѣлахъ.

Само собою разумѣется, что не отъ всякой проповѣди должно требовать развитія всѣхъ этѣхъ частей, и притомъ въ равной полнотѣ. Смотря по обстоятельствамъ, вниманіе проповѣдника можетъ быть устремлено на одну изъ нихъ исключительно. Мы и не думаемъ предлагать правила для духовнаго краснорѣчія, а только обозначаемъ кругъ, ему доступный.

Отъ проповѣди въ строгомъ смыслѣ, повидимому, разнятся нѣкоторые роды, какъ то: торжественныя слова на важные случаи, надгробныя слова, похвальныя слова, и пр. Но это тѣже проповѣди, сложенныя изъ тѣхъ же двухъ составныхъ началъ, общихъ законовъ и частныхъ случаевъ; вся разница въ томъ, что проповѣдникъ не для того сближаетъ ихъ, чтобы открыть въ нихъ противорѣчіе; а напротивъ, приводитъ

къ сознанію ихъ согласіе. Онъ прославляетъ и хвалитъ какое нибудь дѣло или лице, потому что видитъ въ немъ это согласіе и желаетъ возбудить слушателей къ подражанію. Оба элемента все-таки удерживаются въ ихъ раздѣльности. Оправданіе и похвала могутъ служить средствомъ точно также, какъ и обличеніе.

Изъ всего нами сказаннаго могутъ быть выведены существенныя свойства проповѣди и главныя требованія.

Проповѣдь служитъ Церкви, воспитывая въ слушателяхъ членовъ, ея достойныхъ; поэтому въ общей, положительной части, должна господствовать и ясно представляться идея Церкви. Проповѣдникъ обязанъ говорить отъ имени Церкви, не отъ себя; всѣ его совѣты, поученія и наставленія должны вытекать изъ существа самой Церкви, а не изъ другихъ произвольно утвержденныхъ началъ. Каждому слову его даетъ вѣсъ и значеніе авторитетъ Церкви. Поэтому, къ кому бы онъ ни обращался, онъ долженъ видѣть въ слушателяхъ только членовъ Церкви. Изъ этого опредѣленія онъ выводитъ ихъ частныя обязанности.

И такъ мы признаемъ проповѣдь за недостаточную, если всѣ наставленія, правила и законы не будутъ сведены къ единству въ идеѣ единой Церкви, если не въ ней, а въ отвлеченныхъ и произвольныхъ соображеніяхъ о пользѣ, выгодѣ, приличіи, и пр. проповѣдникъ станетъ искать оправданія.

Далѣе, такъ какъ проповѣдникъ, служа Церкви, служитъ вмѣстѣ частнымъ лицамъ; то, слѣдовательно, онъ долженъ постоянно имѣть ихъ въ виду, и говорить не только при нихъ, но для нихъ. Ему необходимо изучить глубоко и живо принять въ себя всѣ условія мѣста, времени, степени образованности своихъ слушателей, ихъ свойствъ, господствующихъ склонностей, недостатковъ. Слово его должно быть таково, чтобы на нихъ именно оно могло дѣйствовать. При отсутствіи этого условія, проповѣдь получитъ характеръ отвлеченнаго и сухаго догматизма и не возъимѣетъ успѣха.

Но предположивши даже, что проповѣдникъ утвердился на незыблемомъ основаніи, и вполнѣ постигнулъ свое отношеніе къ слушателямъ, онъ все еще будетъ далекъ отъ идеала

проповѣдника, если нѣтъ въ немъ той силы, которая мирить противорѣчія, того пантія словомъ, которымъ переводится отвлеченно-общее въ живое убѣжденіе лицъ.

Догматъ, въ своей недоступности, и нравственный законъ, въ своей сокрушительной строгости, сами по себѣ не убѣждаютъ.

Убѣждать людей можетъ только лице, искренно и глубоко убѣжденное. Мало того, если слушатели признаютъ истину, какъ нѣчто для нихъ внѣшнее; нужно, чтобы родилась въ нихъ потребность истины для себя, сильное желаніе принять ее. Это усвоеніе истины всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами, всею душею, это плодотворное усвоеніе есть то, что называемъ мы убѣжденіемъ.

И вотъ почему проповѣдь должна быть словомъ отъ лица къ лицу, должна быть проникнута личнымъ характеромъ, тѣмъ, что такъ сильно и непосредственно дѣйствуетъ на лица; вотъ почему главное, существенное условіе проповѣди есть *личность проповѣдника.*

Элементъ личности долженъ быть въ духѣ самой проповѣди, въ словѣ, въ произношеніи,

въ голосѣ, въ движеніяхъ; но не должна личность проповѣдника выступать изъ проповѣди и становиться въ глазахъ слушателей рѣзкою объективностью. Это былъ бы величайшій порокъ, діаметрально противоположный нашему требованію. Личность проповѣдника не должна имѣть самостоятельнаго значенія, по себѣ; все должно быть ею растворено и проникнуто; она сама, какъ личность, не должна быть нигдѣ. Личность есть та прозрачная среда, сквозь которую проходятъ лучи вѣчной истины, согрѣвая и освѣщая человѣчество. Если же субъективность проповѣдника выступитъ впередъ и станетъ передъ слушателями въ своей рѣзкой исключительности, какъ твердое, непроницаемое тѣло; то она, какъ преграда, заслонитъ отъ нихъ общее.

Когда вниманіе предстоящихъ останавливается на проповѣдникѣ, какъ на лицѣ, и имъ поглощается, когда проповѣдникъ передъ ними объективируется, значитъ, элементъ личности лежитъ не въ самой проповѣди, не въ словѣ, а внѣ его.

Въ заключеніе этого краткаго очерка теоріи проповѣди, мы должны рѣшить вопросъ

о томъ, до какой степени ей доступенъ элементъ художественный.

Мы уже сказали, что проповѣдь служитъ внѣшней цѣли; поэтому ея построеніе, взаимное отношеніе частей и изложеніе оцѣниваются какъ средства. Художественный элементъ получаетъ мѣсто въ проповѣди также какъ средство. Изображеніе высокаго идеала духовной жизни, или наоборотъ, картина жизни грѣховной, могутъ произвести на слушателей глубокое впечатлѣніе, какого не достигаетъ сухой догматизмъ. Мы не говоримъ, чтобы поэтическое творчество, относительно самого проповѣдника, было слѣдствіемъ умысла, расчета; вдохновеніе сходитъ на него внезапно, неожиданно, и онъ безсознательно изъ области краснорѣчія переходитъ въ область искусства; но въ проповѣди художественный элементъ все же удерживаетъ характеръ средства, подчиненія внѣшней цѣли и несамостоятельности.

Описанія, изображенія, вообще эпическій элементъ доступенъ проповѣднику.

Еще естественнѣе и свободнѣе можетъ развиться въ проповѣди элементъ лирическій. По-

стоянное сознаніе недостаточности усилій человѣческихъ, потребность животворнаго дѣйствія благодати, часто выражается тѣмъ, что проповѣдникъ, прерывая глубоко надуманное теченіе своей проповѣди, бросаетъ всѣ доказательства, совѣты и обличенія, и съ мольбою взываетъ къ Богу. Проповѣдь разрѣшается въ молитву. Этотъ лирическій порывъ иногда, какъ мы сказали, прерываетъ теченіе проповѣди, но большею частью онъ ее замыкаетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, проповѣдникъ, совершивъ свое дѣло, слагаетъ съ себя характеръ посредника, и мысленно вступаетъ въ толпу своихъ слушателей; личность его исчезаетъ въ живомъ единствѣ всѣми овладѣвающаго чувства.

Менѣе другихъ, можетъ имѣть мѣсто въ духовномъ краснорѣчіи элементъ драматическій, потому именно, что здѣсь выступаютъ во всей рѣзкости говорящія лица.

Мы вывели значеніе и законы проповѣди изъ идеи Церкви. Поэтому проповѣдь можетъ быть вполнѣ собою только въ Церкви, т. е. въ Церкви Православной. Ложное понятіе о Церкви необходимо должно отозваться въ ложномъ

характерѣ проповѣди. Отсюда мы можемъ вывести a priori, что въ католицизмѣ и протестантизмѣ проповѣдь не могла достигнуть своего идеала и должна была развиться односторонно; ибо *католицизмъ и протестантизмъ представляютъ собою двѣ разорванныя, отвлеченныя стороны Церкви.*

Въ католицизмѣ предстаетъ отвлеченно понятая и въ лицѣ Папы символизированная идея церковнаго единства, носящаяся надъ человѣчествомъ и пребывающая внѣ его. Церковь разлучена съ человѣчествомъ; частныя лица относятся къ ней не какъ ея живые члены, а какъ подданные. Церковь требуетъ отъ нихъ окончательно только формальнаго подчиненія, юридическаго признанія ея власти и ея вѣдѣнія. Поэтому, такъ какъ отношеніе Церкви къ лицамъ было искажено, проповѣдь не могла достигнуть своего назначенія; самая задача проповѣди измѣнилась.

Какой же смыслъ она получила? Мы знаемъ, что католицизмъ развивался въ двухъ различныхъ сферахъ, какъ наука и какъ государство. Отвлеченное понятіе Церкви относилось

къ частнымъ лицамъ, въ области науки — какъ познаваемое къ познающимъ, въ области государства — какъ верховная власть къ подданнымъ. Поэтому проповѣдь, какъ средство, служащее къ осуществленію этого отношенія, получила также двоякій характеръ: ученаго разсужденія и ораторской рѣчи.

Проповѣдь, какъ ученое разсужденіе, есть ничто иное, какъ отрывокъ изъ богословской системы, въ которомъ тотъ или другой отдѣльно взятый догматъ доказывается и низводится на степень правильнаго, логическаго вывода.

Проповѣдь, какъ ораторская рѣчь, служила Церкви въ тѣ минуты, когда нужно было поднять цѣлыя области и народы и подвигнуть ихъ къ какому нибудь ей угодному дѣлу.

Такъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ по всѣмъ городамъ и селамъ раздавались пламенныя воззванія странствующихъ богомольцевъ. Въ позднѣйшую эпоху, когда въ странахъ католическихъ вліяніе реформаціи грозило погубить въ одно время духовное и политическое владычество Папы, когда начали отлагаться отъ него государи западные, Іезуиты стали во

главѣ демократической партіи, и страстными, зажигательными проповѣдями, призывали народъ къ возстаніямъ и цареубійствамъ. До крайней степени остервенѣнія и безстыдства проповѣдь дошла въ Парижѣ, и вообще во Франціи, въ эпоху Лиги (1).

Но мы оставимъ въ сторонѣ этотъ родъ проповѣдей, болѣе подходящій къ свѣтскому краснорѣчію, и обратимся къ проповѣдямъ въ строгомъ смыслѣ.

Рѣзко отразилось въ нихъ понятіе католиковъ объ отношеніи частныхъ лицъ къ Церкви. Служеніе отвлеченному началу, интересу Церкви понятой односторонно, отсутствіе живаго сочувствія съ массою слушателей и стараніе внѣшнимъ образомъ подчинить ихъ Церкви, вотъ ихъ общее свойство. Подъ этимъ опредѣленіемъ развивалось духовное краснорѣчіе въ западной Церкви, часто видоизмѣняясь, сообразно съ господствующими требованіями и направленіями.

---

(1) См. добросовѣстный трудъ Лабитта: de la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue.

Въ XII стол. преобладалъ въ духовномъ краснорѣчіи мистицизмъ, созерцаніе и мечтательность. Проповѣдники, большею частью монахи, обращались преимущественно къ монахамъ (1); не видать въ ихъ произведеніяхъ строгаго порядка, правильнаго построенія. Слово не покорствуетъ единой мысли и цѣли; а напротивъ, слѣдуя произвольному и необузданному порыву разгоряченной фантазіи, уносится далеко отъ жизни, и забываетъ о слушателяхъ. Мысль исчезала, подавленная множествомъ аллегорій, изысканныхъ символовъ и натянутыхъ примѣненій. Безъ внутренней связи, образы слѣдовали за образами и накоплялись въ уродливыя и пестрыя массы. Слогъ былъ вообще обиленъ, цвѣтистъ, начиненъ метафорами и украшенъ риторическими узорами.

За отвлеченностью фантазіи слѣдовала отвлеченность сухой науки. Въ XIII стол. духовное краснорѣчіе подверглось вліянію схоластики и обратилось въ сухое преподаваніе. Въ проповѣдяхъ замѣчается точность, правильность, искус-

---

(1) У духовныхъ писателей XII ст. безпрестанно встрѣчаются sermones ad Monachos.

ственная классификація доводовъ по правиламъ формальной Логики. Вездѣ выказывается худо прикрытая схема.

Въ то время проповѣди сочинялись по условнымъ правиламъ, по руководствамъ, которыхъ было издано очень много. Отъ этого онѣ получили однообразный характеръ. Духовное краснорѣчіе заключилось въ школьныя, педантическія формулы.

Эти два направленія духовнаго краснорѣчія продолжали развиваться и доходили до крайностей. Проповѣдь перваго рода, являвшая въ себѣ преобладаніе фантазіи и образовъ, писалась иногда стихами; проповѣдники позволяли себѣ вносить въ свою рѣчь всякаго рода анекдоты и сказки, заимствованныя изъ древнихъ писателей и миѳологическихъ преданій, вообще допускали много совершенно посторонняго, унижающаго достоинство проповѣди. (1) Наконецъ вошелъ

(1) При открытіи Тридентинскаго собора, Епископъ Битонтскій, Корнеліо Муссо, доказывалъ необходимость соборовъ тѣмъ, что въ Енеидѣ Юпитеръ созываетъ боговъ на совѣтъ и пр. Еразмъ Рот-

въ нее драматическій элементъ: многія мистеріи начинались или оканчивались проповѣдями, такъ что вліяніе первыхъ на вторыя легко прослѣдить.

Другая школа, порожденная схоластикою, ни сколько не уступала первой въ странностяхъ и безобразіи. Нѣкто Яковъ Сесоллъ (Jacques Cessolles), пользовавшійся въ свое время великою славою, сочинилъ книгу нравственныхъ поученій, расположенную по схемѣ, снятой съ шахматной игры. Въ Германіи, нѣсколько до Лютера, вмѣсто проповѣдей, читали въ церквахъ Аристотелевы трактаты.

Общій недостатокъ этихъ двухъ родовъ есть отчужденіе отъ жизни, отвлеченность. Поэтому дѣйствительная жизнь могла получить въ нихъ мѣсто не иначе, какъ ворвавшись въ нихъ насильно. Сближеніе проповѣдниковъ и проповѣди съ жизнью было паденіемъ проповѣди. Первый признакъ этого паденія оказался

терд. осмѣиваетъ проповѣдниковъ, доказывавшихъ необходимость воздержанія двѣнадцатью знаками зодіака, вѣры—квадратурою круга, а любви — устьями Нила, и т. д.

въ языкѣ. Въ XIII стол. множество простонародныхъ словъ и выраженій вторглись въ языкъ латинскій, и составился безобразный, смѣшанный діалектъ, извѣстный подъ названіемъ Макаронизма.

Подобное явленіе повторилось въ самомъ содержаніи проповѣдей.

По мѣрѣ того, какъ вѣра въ католическую Церковь охладѣвала, и начинало проступать сомнѣніе, слово Церкви также подвергалось видоизмѣненіямъ и искаженію. Въ эпоху безусловныхъ, религіозныхъ убѣжденій, духовенство могло упускать изъ виду дѣйствительную жизнь, пренебрегать ею и пребывать въ сферѣ, отъ нея отрѣшенной, въ высокихъ отвлеченныхъ формулахъ богословской науки и монашескаго аскетизма. Но мало по малу неудовлетворенная жизнь стала отрѣшаться отъ Церкви. Историческое развитіе, освобождаясь постепенно отъ оковъ на него наложенныхъ, мимо ея продолжало свой путь, и сама Церковь должна была, для удержанія своихъ притязаній, устремить все вниманіе на движеніе умовъ, для нее опасное. Проповѣдь изъ міра отвлеченностей сошла, противъ

воли и вопреки своему существенному характеру, въ міръ дѣйствительный, въ подробности современной жизни. Это была важная побѣда жизни надъ Церковью. Католическая проповѣдь, по существу своему отвлеченная, не выдержала соприкосновенія съ дѣйствительностью; мелочь и случайность жизни ее поработили; она не умѣла соблюсти въ ней своего достоинства.

Въ концѣ XIV и въ началѣ XV стол. въ развитіи духовнаго краснорѣчія совершилась перемѣна, которой нельзя даже назвать новымъ родомъ, а скорѣе искаженіемъ, порчею. Проповѣди наполнились пошлыми остротами, шутовскими выходками и личностями. Вездѣ господствуетъ комизмъ, и выказывается желаніе разсмѣшить. Мальярдъ, Клере, Мёно отличаются въ этомъ новомъ родѣ, genre grotesque, и находятъ толпу послѣдователей. Лопиталь полагаетъ, какъ правило, чтобы проповѣдь:

„Sit mixtum gravitate, vocet risuque jocisque.

Ко всему этому присоединялась очень естественно вольность тѣлодвиженій, безпокойное, тревожное изложеніе, вскрикиваніе, театральная мимика.

Іезуиты, въ исторіи духовнаго краснорѣчія на Западѣ, имѣютъ тоже значеніе, какое и въ развитіи доктрины; они совмѣстили въ себѣ все предшествовавшее развитіе и довели его до послѣднихъ результатовъ. Въ ихъ проповѣдяхъ можно найти и мистицизмъ и символизмъ, и накопленіе образовъ, и искусственную правильность расположенія и, наконецъ, комизмъ, шутки, остроты. Какъ господствующее свойство проповѣди Іезуитской, можно замѣтить въ ней неожиданность эффектовъ, преобладаніе страсти и рѣзко выдающуюся личность проповѣдника. Это направленіе проповѣдь приняла по неволѣ; оно было вынуждено. Когда вмѣстѣ съ вѣрою охладѣло вниманіе слушателей къ слову Церкви, понятно, что духовенство, въ замѣну внутренняго сочувствія, котораго не было между нимъ и слушателями, прибѣгнуло къ искусственнымъ, раздражительнымъ средствамъ и стало льстить современнымъ наклонностямъ и страстямъ. Проповѣдники старались приковать вниманіе слушателей уже не къ слову, а къ себѣ самимъ, вольностью тѣлодвиженій, неожиданностью эффектовъ; они будили ихъ любопытство, поражали воображеніе странностью образовъ, возбуждали смѣхъ, раздражали страсти.

Явленіе такой проповѣди понятно въ эпоху упадка католицизма. Это было послѣднее, отчаянное усиліе Церкви произвести сотрясеніе въ своихъ членахъ, для нея умершихъ (1).

Послѣ Іезуитовъ и временъ Лиги, католическая проповѣдь не явила ни одного новаго типа. Блистательное развитіе духовнаго краснорѣчія во Франціи, въ эпоху Людовика XIV, совершилось независимо отъ Церкви, подъ вліяніемъ постороннихъ для нея началъ, въ особенности древнихъ писателей и условій придворной жизни. Рѣзкія особенности католической проповѣди, какъ условленной церковью, постепенно сглаживались, и духовное краснорѣчіе, войдя въ развитіе свѣтской литературы, совершенно съ нею слилось.

Окончивши краткую характеристику проповѣди католической, мы должны предварить

---

(1) Историческое обозрѣніе католической проповѣди заимствовано нами преимущественно изъ книги Лабитта. См. также любопытные отрывки изъ проповѣдей католическихъ въ сборникѣ, подъ названіемъ: Predicatoriana, ou révélations singulieres et amusantes etc.

неминуемое возраженіе. Можно назвать нѣсколькихъ писателей, замѣчательныхъ по своимъ дарованіямъ, и которые не подходятъ подъ наше опредѣленіе ; поэтому оно вѣроятно покажется слишкомъ рѣзкимъ и одностороннимъ. Мы отвѣчаемъ на это, что исключенія, безъ сомнѣнія, должны быть допущены. Мало ли такихъ условій, которыя могли положить особенный отпечатокъ на произведенія того или другаго проповѣдника. Изученіе древнихъ образцовъ, вліяніе иностранныхъ литературъ, рѣзкая оригинальность своего дарованія, все это могло отразиться на произведеніяхъ частныхъ лицъ и поставить ихъ внѣ того общаго опредѣленія, которое давала Церковь. Многія проповѣди католическія были переводимы протестантами, и наоборотъ; рѣзкой грани въ этомъ случаѣ быть не можетъ. Но повторяемъ опять, не исключенія для насъ важны и не исторію духовнаго краснорѣчія мы пишемъ ; насъ занимаетъ проповѣдь, во сколько она условлена существомъ Церкви ; поэтому не всѣ свойства проповѣдей, католиками сочиненныхъ, должны войти въ эту характеристику, а только тѣ, которыя давала имъ Церковь, которыя были не случайны.

Въ протестантизмѣ проповѣдь получила огромное значеніе и свой особенный характеръ, также односторонній. Она была главнымъ орудіемъ реформы. Лютеръ говоритъ самъ про себя, что онъ въ проповѣдяхъ своихъ старается быть понятнымъ для всѣхъ, для простаго народа, для дѣтей, слугъ, и пр. Послѣдователи его, вѣрные этой мысли, низвели проповѣдь изъ міра фантазіи и науки въ сферу жизни и положили ея назначеніе въ томъ, чтобы дѣйствовать на нравы, проникать во всѣ отношенія и подробности жизни и освящать ее. Но протестанты, оторвавшись отъ Церкви, отрицали Церковь; отъ полнаго ея организма они отвлекли одну сторону, начала христіанской нравственности, и подчинили ихъ личному произволу въ толкованіи и тому же произволу въ приложеніи. Поэтому существеннаго элемента, безусловно общаго, они лишились, и проповѣдь не могла развиться во всей полнотѣ своей. Проповѣдникъ, не находя опоры и оправданія въ авторитетѣ, всѣми признанномъ, долженъ былъ ссылаться на свои личныя мнѣнія, на выводы своего разума. Онъ утратилъ характеръ представителя Церкви, онъ могъ говорить только отъ своего имени. Съ другой стороны, слушатели его уже не являлись ему совокупленными во едино, подъ однимъ общимъ

опредѣленіемъ членовъ Церкви; каждый изъ нихъ значилъ самъ по себѣ, какъ лице; поэтому проповѣдникъ долженъ былъ выводить свои предписанія, наставленія и совѣты, не изъ того общаго опредѣленія, а изъ мелочныхъ соображеній о томъ, что для каждаго полезно, прилично и т. д. Проповѣдь ниже и ниже спускалась въ мелочныя подробности, въ разнообразіе случайностей жизни, и теряла свою грандіозность, свой характеръ слова духовнаго.

И такъ отсутствіе элемента общаго и порабощеніе случайностямъ жизни, вотъ основный характеръ проповѣди протестантской, діаметрально противоположной проповѣди католической, но не менѣе ея односторонней.

Здѣсь уже личность проповѣдника кладетъ отпечатокъ не только на проповѣдь, какъ таковую, но даже условливаетъ самое содержаніе и переходитъ въ произволъ. Господство произвола давало возможность развиться самымъ разнообразнымъ родамъ, которыхъ нельзя даже подвести подъ категоріи, сколько нибудь общія. Иногда, особенно въ періодъ борьбы съ католицизмомъ, проповѣдь протестантская отражала въ себѣ страстный характеръ и неистовство проповѣдей като-

лическихъ. Чаще она откидывала всѣ украшенія, все изящество отдѣлки и пестроту образовъ, какъ нарядъ, ея недостойный, и принимала характеръ суроваго и сухаго наставленія.

Въ XVI и XVII ст. южная Россія сблизилась съ образованностью западной Европы. Слѣдствіемъ этого сближенія, съ нашей стороны невольнаго, былъ цѣлый рядъ подражаній и заимствованій. Иначе не могло быть. Наше духовное краснорѣчіе также испыталовліяніе западныхъ формъ.

Отъ первыхъ вѣковъ нашей исторіи дошло до насъ не много литературныхъ памятниковъ. По содержанію своему и по стилю, они составляютъ какъ бы отрасль литературы Греко-Византійской (1). Творенія Святыхъ Отцевъ нашей Церкви, принесенныя въ Россію Греческими Святителями, рано сдѣлались у насъ извѣстными въ переводахъ и породили подражанія. Наши проповѣдники держались этихъ образцовъ духовнаго витійства, и вслѣдствіе этого избѣгли тѣхъ уклоненій, мечтаній и странностей, которыя

(1) Само собою разумѣется, что мы не говоримъ здѣсь о памятникахъ національной поэзіи, а исключительно о литературѣ Церковной.

встрѣчаются почти во всѣхъ литературахъ народовъ младенческихъ. Много ли мы имѣли своихъ Русскихъ проповѣдниковъ, много ли они писали, сказать опредѣлительно мы не можемъ; по крайней мѣрѣ, проповѣдей отъ первыхъ вѣковъ дошло до насъ не много (1); укажемъ на важнѣйшіе памятники въ этомъ родѣ.

Уже въ XII вѣкѣ, Россія имѣла великаго проповѣдника, которому равнаго Европа того времени представить не можетъ. Современники цѣнили его высоко, позднѣйшія поколѣнія помнили его, читали и переписывали его творенія; наконецъ, послѣ продолжительнаго забвенія, и мы его узнали. Мы говоримъ о Кириллѣ Туровскомъ, котораго назвали наши предки другимъ златословеснымъ учителемъ (2) и поставили на ряду съ писателями, служившими ему образцами, Іоанномъ Златоустымъ и Григоріемъ Назіанзиномъ. Вліяніе Святыхъ Отцевъ нашей Церкви ясно отразилось въ твореніяхъ Кирилла. Но это было не рабское подражаніе,

(1) На это есть причины, изложенныя Профессор. Шевыревымъ въ чтеніи третьемъ введенія въ Ист. Рус. Словесности. Москвитянинъ N 3. 1844.

(2) См. Памятники XII ст., изд. Калайдовичемъ.

а свободное созданіе въ томъ же стилѣ. Видно, что Кириллъ Туровскій долго и съ любовыо изучалъ духовныхъ писателей нашей Церкви; онъ одушевлялся ими; они посылали ему вдохновеніе, какъ можетъ посылать его изящная природа, памятникъ искусства, картина, музыка. Способность воспринимать такое вдохновеніе, плодотворное, переходящее въ творчество, свидѣтельствуетъ о присутствіи самобытнаго, живаго дарованія.

До насъ дошло 15 проповѣдей Кирилловыхъ. Общій характеръ ихъ составляетъ преобладаніе поэтическаго элемента надъ дидактизмомъ. Мы рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ обдуманное построеніе и строгость въ изложеніи. Словомъ Кирилла Туровскаго движетъ религіозный паѳосъ, восторгъ. Это не столько поученія, сколько свободныя изліянія благочестивыхъ помысловъ — гимны. Есть такія проповѣди, которыя не представляютъ правильнаго стремленія къ одной цѣли, не сходятъ къ приложеніямъ, и не менѣе того вполнѣ достигаютъ назначенія проповѣди. Онѣ берутъ неожиданно сокровенныя струны души и наполняютъ ее гармоніею, которая долго отзывается въ са-

мой жизни человѣка. Къ этому роду, не многимъ доступному и весьма близко подходящему къ религіозной лирикѣ, принадлежатъ нѣкоторыя изъ проповѣдей Кирилла Туровскаго.

Подробное изученіе его твореній не входитъ въ нашу задачу; мы ограничимся указаніемъ на лучшія проповѣди, въ разныхъ родахъ: слово первое въ недѣлю цвѣтоносную, слово пятое о разслабленномъ, слово шестое въ недѣлю по пасцѣ, и пр. (1).

Отъ XIII вѣка дошли до насъ четыре проповѣди Преподобнаго Серапіона, Епископа Владимірскаго (2), замѣчательныя по ихъ простотѣ и по живому отношенію ихъ къ тогдашнему состоянію Россіи.

Кромѣ того, до насъ дошли извѣстія о другихъ проповѣдяхъ того времени, изъ коихъ нѣкоторыя не сохранились, а другія, неизданныя, лежатъ въ рукописяхъ, по разнымъ монастырямъ; такъ н. п. Нифонта Новогородска-

(1) См. памятники XII ст.

(2) См. Твор. Св. Отц. въ рус. пер.

го, около половины XII ст., Симеона Тверскаго, конца тогоже столѣтія, Кирилла Митрополита Кіевскаго, по прозванію Философа, XIII ст. и пр. (1).

Впрочемъ, такъ какъ въ Россіи, до самаго XII ст., въ церквахъ читали почти исключительно проповѣди Святыхъ Отцевъ: Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзина, Василія Великаго и позднѣе Ефрема Сирина; то своихъ проповѣдей, сочиненныхъ русскими духовными лицами, вѣроятно, было не много. Да и не было въ нихъ необходимости. Вся наша древняя Церковная литература имѣетъ характеръ проповѣди. Безпрерывный рядъ посланій Святительскихъ къ Князьямъ и народу, грамотъ поучительныхъ, наставительныхъ, обличительныхъ и пр. живо возсоздаютъ передъ нами то время, когда вся жизнь народная, семейная и гражданская, стремилась привести себя въ согласіе съ религіозными началами. При каждомъ случаѣ, сколько нибудь важномъ, испрашивался совѣтъ и благословеніе Церкви. Иннокентій замѣчаетъ вѣрно, что отношеніе нашихъ Ми-

(1) См. Слов. Дух. писат.

трополитовъ къ Князьямъ было отношеніемъ духовнаго отца къ сыну. Можно сказать, что оно повторялось во всѣхъ слояхъ общества. Поэтому проповѣдь, можетъ быть, и не часто являлась въ видѣ заранѣе написаннаго сочиненія, назначеннаго для прочтенія въ Церкви; за то она совершалась постоянно, въ самой жизни. Читая наши древніе памятники церковной и даже свѣтской литературы, узнаешь, какъ сроднилось христіанское ученіе съ жизнью каждаго, какъ глубоко оно вошло въ нее, какъ всякое событіе, даже самый обыкновенный случай, приводилъ на память текстъ изъ писанія и зараждалась въ умѣ человѣка того времени притча, поученіе, проповѣдь. Сама лѣтопись Нестора и его продолжателей можетъ быть названа длинною проповѣдью на разные тексты, по случаю прошедшихъ и современныхъ событій.

И такъ до XVI ст. проповѣдь, какъ отдѣльный родъ сочиненій, мало развивалась. Ее замѣняло живое, постоянное поученіе. Въ церквахъ читались творенія Святыхъ Отцевъ; наши Русскіе проповѣдники имъ подражали.

Въ XVI ст. началось въ Южной Россіи вліяніе католицизма и науки западной на образованіе нашего духовенства. Заведены были училища, въ которыхъ, между прочимъ, преподавалась риторика и правила, какъ сочинять проповѣди. Съ этого времени, духовное краснорѣчіе заключилось въ отвлеченныя формы науки, явилось искусствомъ, которому стали обучаться. Возникла школа проповѣдниковъ и вліяніе католицизма отразилось въ содержаніи и въ формѣ проповѣдей. Проповѣдываніе въ Южной Россіи, въ XVII ст. составляло особенную должность, которую отправляли при монастыряхъ и соборахъ духовныя лица, получившія въ Академіяхъ ученое образованіе и считавшіяся въ званіи проповѣдниковъ. Такъ Кириллъ Транквилліонъ былъ проповѣдникомъ Кіевопечерскимъ, Тарасій Земка также. Многіе изъ нихъ пользовались великою славою и ѣздили по приглашеніямъ изъ монастыря въ монастырь. Почти всѣ Митрополиты и игумены Южной Россіи того времени, занимавшіе высшія степени Церковнаго чиноначалія, съ этого начали свое поприще. Позднѣе они издавали свои проповѣди въ видѣ сборниковъ. До насъ дошли очень многіе, носящіе замысловатыя, изысканныя названія, н. п.

Антонія Родивиловскаго: Огородокъ Маріи Богородицы, Вѣнецъ Христовъ съ проповѣдій недѣльныхъ, аки съ цвѣтовъ рожаныхъ, на украшеніе Православно — Каѳолической, Святой, Восточной Церкви исплетенный. Лазаря Барановича: Трубы Словесъ и Мечь Духовный, и пр. (1). На всей этой школѣ, вышедшей изъ южныхъ училищъ, лежитъ однообразный характеръ. Подражаніе католическимъ писателямъ, господствовавшее въ то время, подавляло самородныя дарованія, изрѣдка просвѣчивающія сквозь условныя, стѣснительныя формы. Само собою разумѣется, что такое подражаніе не было живою потребностью Русской жизни; напротивъ, оно было возможно только при совершенномъ разрывѣ науки съ жизнью. Проповѣдь XVII ст. была проповѣдь ученая, сочиненная въ школѣ, по правиламъ, проповѣдь искусственная. Проповѣдники думали не столько о томъ, чтобы быть понятными каждому и дѣйствовать на жизнь, сколько о соблюденіи всѣхъ правилъ риторики, о приближеніи къ образцамъ западнымъ. Общій порокъ духовнаго краснорѣчія католическаго, отвлеченность и другія

(1) Слов. Духов. Писат.

черты его, избытокъ образовъ, символизмъ, искусственная правильность, все это встрѣчается въ нашихъ проповѣдяхъ того времени.

Въ сѣверную Россію этотъ родъ внесенъ былъ Симеономъ Полоцкимъ. Онъ считается первымъ начавшимъ читать въ церквахъ, вмѣсто твореній Святыхъ Отцевъ, проповѣди своего сочиненія, безъ разрѣшенія на то высшихъ духовныхъ властей. Патріархъ Іоакимъ не безъ причины негодовалъ на него за такое нововведеніе и даже клялъ его; но Симеонъ Полоцкій, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Царя Ѳеодора, мало обращалъ на это вниманія и напечаталъ въ придворной (верхней) типографіи два огромныхъ тома своихъ проповѣдей: Обѣдъ душевный и Вечерю душевную. Съ этого времени обычай сочинять и читать проповѣди утвердился въ Москвѣ, и южная школа, искусственная проповѣдь, въ стилѣ проповѣдей западныхъ, господствовала до самыхъ временъ Петра Великаго, и болѣе и болѣе расходилась съ народною жизнью. Къ этой школѣ принадлежитъ Стефанъ Яворскій.

Приступая къ изученію его произведеній, мы раздѣлимъ ихъ на проповѣди въ строгомъ

смыслѣ, писанныя на тексты, и на торжественныя, привѣтственныя и пр. рѣчи, читанныя на извѣстные случаи. Начнемъ съ первыхъ.

Существенное свойство и вмѣстѣ существенный недостатокъ проповѣдей Стефановыхъ есть отвлеченность. Мы не встрѣчаемъ въ нихъ рѣзко выставленнаго противорѣчія началъ христіанской нравственности съ дѣйствительностью, схваченною въ настоящую минуту, со всѣми ея чертами. Послѣдній элементъ совершенно отсутствуетъ. Слушатели, тѣ, для которыхъ слово произносится, для Стефана Яворскаго какъ будто не существуютъ. Характеръ проповѣди выражается совершенно внѣшнимъ образомъ, нѣсколькими обращеніями и воззваніями къ благочестивымъ слушателямъ. Но не видать, чтобы вся рѣчь была направлена къ живымъ лицамъ и чтобы проповѣдникъ говорилъ для нихъ и ради ихъ, а не только къ нимъ. Если исключить два или три воззванія изъ любой проповѣди Стефановой, характеръ проповѣди вполнѣ исчезнетъ и мы получимъ ученое разсужденіе или риторическое упражненіе на заданную тему.

Вотъ, за весьма немногими исключеніями, общій, отрицательный характеръ всѣхъ проповѣ-

дей Стефановыхъ, характеръ общій имъ съ проповѣдями католическими. Покажемъ теперь ихъ положительныя свойства. Сначала разсмотримъ въ нихъ проявленіе элемента мысли въ общей архитектоникѣ слова, въ расположеніи, раздѣленіи, характерѣ доказательствъ, и пр., потомъ элемента художественнаго, въ образахъ, описаніяхъ, и пр.

Общее построеніе проповѣдей Стефановыхъ отличается особенною изысканностью. Избравши для себя текстъ, онъ рѣдко устремляетъ вниманіе на то, что въ немъ есть существеннаго. Обыкновенно онъ беретъ одну его сторону, останавливается на какомъ нибудь случайномъ обстоятельствѣ, или отыскиваетъ внѣшняго его отношенія къ другому, постороннему предмету. Возмемъ въ примѣръ слово въ недѣлю Пятидесятницы, на слѣдующій текстъ: пріимите Духъ Святъ. Іоан. гл. 20, ст. 7. (1) Въ самомъ началѣ проповѣдникъ говоритъ: „хощу я на сей краткой проповѣди всякому чину приличный явити Духа Святаго образъ на воспріятіе гостя, такъ великаго... Седмодаровитаго Духа Святаго,

(1) Пропов. Ст. Яв. т. I. стр. 163. Изд. Моск. 1804.

по седми недѣляхъ отъ пасхи къ намъ приходящаго, седмь наипаче образовъ обрѣтаю въ писаніи Божественномъ.“ Именно: образъ голубя, сѣни, вина, вѣтра, огня, дуновенія и воды.

Подбирая къ каждому чину и сословію приличный для него образъ, Стефанъ Яворскій дѣлаетъ слѣдующее построеніе своего слова:

„Великому Царю нашему въ образѣ голубя: да почіетъ на немъ, яко на Христѣ своемъ, и станется ему голубицею Ноевою, сучецъ масличный превождѣленныя тишины приносящею.“

„Великимъ Государынямъ Царицамъ и Царевнамъ въ образѣ осѣненія, Царицу Небесную осѣняющаго“.

„Княземъ и боляромъ и всему Синклиту въ образѣ вина увеселяющаго и укрѣпляющаго на вѣрную службу.“

„Кавалеріи, арміи и всему воинству въ образѣ огня, сердце и стрѣльбу на непріятелей распаляющаго.“

„Морскому флоту въ образѣ вѣтра благополучнаго, къ желаемому пристанищу наставляющаго.“

„Духовному чину въ образѣ дуновенія Христова, во сже быти намъ угліемъ Серафимскимъ, въ службѣ Божіи и въ званіи своемъ горящымъ.“

„Людемъ простымъ, крестьяномъ, и всѣмъ вѣрою работающымъ въ образѣ воды, въ трудахъ прохлаждающей и жажду утоляющей.“

„Кому еще не досталося, къ чину послѣднему примѣситеся“ и пр.

Нѣкоторыя изъ этѣхъ примѣненій особенно замысловаты, н. п.:

Царицамъ и Царевнамъ Духъ Святый ниспосылается въ видѣ сѣни, потому что „обычно есть женскому полу въ сія наипаче времена, при жарахъ солнечныхъ имѣти осѣненія, или якоже вы ихъ нарицаете, солнечники для прохлады и осѣненія.“

Изображеніе Духа Святаго въ образѣ вина оправдывается тѣмъ, что когда Апостолы исполнились Святаго Духа, Іудеи говорили про

нихъ: вином исполнени суть. Сравненіе дѣйствія благодати съ дѣйствіемъ вина Стефанъ Яворскій удерживаетъ и проводитъ далѣе.

Разбирая пятый образъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ: „для чего Христосъ даяй власть на отпущеніе грѣховъ человѣческихъ своимъ Первосвященникомъ Апостоломъ, первѣе дуну на нихъ?“ и рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ: „вѣдасте, егда кто хощетъ на примѣръ сѣсти на лавкѣ, и видитъ на ней много пыли и нечистоту: въ первыхъ здуваетъ и тѣмъ дуновеніемъ очищаетъ себѣ сѣдалище, а потомъ сѣдаетъ.“

Вездѣ видно усиліе выдержать задачу до конца. Существенный смыслъ текста, главная мысль, которую слѣдовало бы развить, именно: внутреннее дѣйствіе Духа Святаго на человѣка, устранена, забыта; вмѣсто того проповѣдникъ ударился въ сторону и выставилъ передъ своими слушателями цѣлый рядъ изысканныхъ, безплодныхъ примѣненій и аллегорій. Могло ли подобное слово уяснить ихъ понятіе о благодати?

Возмемъ другой примѣръ. Въ словѣ въ недѣлю двадесять-третью по Святомъ Дусѣ, на текстъ: моляху его, да повелитъ имъ внити въ

свинія: и повелѣ имъ. Луки 8. 8. (1), Стефанъ Яворскій, объяснивъ сходство грѣшника съ свиньею, развиваетъ слѣдующимъ образомъ мысль о томъ, какими средствами можетъ человѣкъ освободиться отъ владычества діавола: „азъ нынѣ новымъ лѣкаремъ буду: напишу вамъ рецептъ, како изъ свиней выгнати діаволовъ, како ярмо діавольское съ выи сбросить и изъ власти его избавиться. На сіе дамъ изрядное лѣкарство... Обыкновеніе, или паче рещи, нужду имутъ вси немоществующіи въ скорби своей отъ врачевъ искати помощи: тогда врачь, написавши рецептъ, то есть хартицу, на нейже изображаетъ врачевства составы, посылаетъ въ аптеку, да по ней тамо уготовится лѣкарство.“ Далѣе, проповѣдникъ исчисляетъ „вся составы врачевству сему приличествующыя“ и на этомъ исчисленіи основываетъ раздѣленіе слова: „первый составъ и сей полезнѣйшій, есть желчь и сердце, къ симже и прочіе составы примѣшани будутъ: и сей есть всегдашнее воспоминаніе страстей Христовыхъ... Вторый составъ оному преждереченному долженъ примѣшатися, смирна. Смирна знаменуетъ умерщвленіе плоти... Третій со-

(1) Т. 2. стр. 164.

ставъ врачевства нашего, обоимъ преждереченнымъ противный: оная бо бяху горька, но сей сладкій есть. Медъ есть составъ сей. Чтоже намъ знаменуетъ: сладкое паче всѣхъ сладостей помышленіе всегдашнее о небѣ... Четвертый составъ есть и послѣдній нынѣшняго рецепта, на изгнаніе діавола отъ грѣшника, эсліе рута: сіе есть подобіе воспоминовенія огня геенскаго.“

Сравнительное дѣйствіе каждаго вещества и каждой силы духовной, ему соотвѣтствующей, развито подробно и доведено до самыхъ странныхъ и изысканныхъ уподобленій. Проповѣдникъ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: „имамы убо слышателіе врачевство, якоже видѣсте, зѣло полезное: вѣмы нынѣ, како изъ свиней бѣса имамы изгонити: сего лѣкарства употребляемъ во дни и въ нощи... Мы оныхъ изъ свиней изгнати можемъ, сіе пріемлете врачевство въ аптекѣ пречестнѣйшей Церкви Христовой. Отнесите въ домъ душевный и уже никоихъ насильствій вражіихъ не ужасайтеся“ и пр.

Это построеніе христіанскихъ добродѣтелей по медицинскому рецепту стоитъ самого замысловатаго изобрѣтенія схоластиковъ.

Приведемъ еще два примѣра. Въ словѣ въ недѣлю шестую по пасцѣ, о слѣпомъ, Стефанъ отыскиваетъ трудностей и полагаетъ слѣдующій вопросъ: „не дивно, яко слина Господня, отъ пречистыхъ его устъ изшедшая, имѣ силу къ уврачеванію очесъ слѣпорожденнаго: дивно яко бреніе, персть, земля, со слиною Господнею смѣшанная, соединенная, туюжъ пріятъ врачебную силу“ (1).

Вообще достойно примѣчанія, что Стефанъ Яворскій охотнѣе пишетъ на тексты историческіе, нежели на тексты догматическіе. Это предпочтеніе объясняется особеннымъ складомъ его ума и характеромъ всей школы. Отвлеченная мысль, по своей всеобщности, удобно прилагается ко всѣмъ формамъ жизни. Стефану Яворскому нужны трудности; его не занимаетъ простое, ясное примѣненіе. Напротивъ того, частный случай, фактъ, нужно еще возвести въ общую мысль или найти въ немъ символическое значеніе. При этомъ открывалось заманчивое поприще для ума, испорченнаго школьными упражненіями и воспитаннаго въ формализмѣ.

(1) Пр. Ст. Яв. т. 1. стр. 120.

Это предпочтеніе криваго пути прямому, это стремленіе, мимо прямаго значенія текста, искать сокровеннаго смысла, или, схватившись за сравненіе, насильно проводить его далѣе, эта безплодная игра ума, замѣтная во многихъ проповѣдяхъ Стефановыхъ, была результатомъ схоластики, изученія слишкомъ исключительнаго отвлеченныхъ формъ мышленія. Кромѣ этого затвержепнаго пріема, общаго почти всѣмъ проповѣдникамъ того времени, Стефанъ Яворскій имѣлъ отъ природы несчастную способность развивать въ своихъ проповѣдяхъ именно тѣ стороны, которыя могли подать поводъ къ примѣненіямъ смѣшнымъ и пошлымъ.

Рѣзкій примѣръ представляетъ слово десятое въ недѣлю вторую по Святомъ Дусѣ (1).

Проповѣдникъ сравниваетъ людей съ рыбами: „людіе рыбамъ подобни. Въ первыхъ, рыбы въ водахъ родятся, отъ водъ происходятъ: а люди христіанстіи не въ водахъ ли крестительныхъ родятся рожденіемъ духовнымъ: не отъ водъ ли крестительныхъ людіе христіанстіи происходятъ; второе, рыбы въ водахъ

(1) Пр. Ст. Яв. т. 1.

волнами бываютъ обуреваеми, между волнами житіе ихъ бываетъ; а съ людьми не тоеждели дѣлается? Не между волнами ли житіе наше скончавается: зрите Христолюбцы, како людіе подобни суть рыбамъ и рыбы людямъ... Рыбы въ водахъ погружаются, и въ нихъ плаваютъ, бѣгаютъ сюда и туда, будто за какимъ дѣломъ гоняются и скорое теченіе творятъ, аки бы по какой нуждѣ и потребѣ: а они плаваютъ бездѣлно, суетное и бездѣльное ихъ плаваніе, напрасные по водамъ труды, суетное и безкорыстное ихъ такъ скорое теченіе и движеніе. Такъ слово въ слово и человѣцы... Второе подобіе людей съ рыбами: рыба рыбу снѣдаетъ. И аще бы иного рода, на примѣръ, аще бы щука линя, либо карася, либо окуня ѣла, то бы еще не дивно: а то своего рода, щука щуку, большая меньшую снѣдаетъ, пожираетъ... Но мы рыбамъ не дивимся, тіи бо суть безсловесніи: то паче, что у насъ людей разумныхъ тоежъ дѣлается... Третье подобіе людей съ рыбами: рыбы уловляются овогда удицею, овогда же мрежею: тоежъ дѣется и съ человѣками... Христосъ ловитъ мрежами, а сатана удицею... Четвертое подобіе людей съ рыбами: рыба отъ главы начинаетъ согнивать и

смердѣть, тоежъ бываетъ и въ людехъ часто: многажды отъ главы, отъ начальника, растлѣніе происходитъ въ градахъ... Пятое подобіе людей съ рыбами: рыба въ водѣ бываетъ сильна и крѣпка, въ бѣгахъ и теченіяхъ своихъ скора, дика и неукротима... Пущай же только ее изъ воды вытягнутъ: ажъ она безсильна: ажъ она мечется, движется, кидается и сюда и туда: но всуе, уже ту смирится твое свирѣпство: здѣ конецъ твоимъ теченіямъ и бѣгамъ. Такъ слово въ слово и людіе міра сего горделивые, дерзостные, обидящіе, досадительные покамѣстъ въ мори міра сего буяютъ... Ей рыбко! памятуй на смертныя сѣти, не всегда тебѣ въ водахъ быти: пріидетъ время, егда тя извлекутъ изъ моря міра сего... Шестое и послѣднее подобіе людей съ рыбами: рыбы чѣмъ плаваніе свое управляютъ: ибо у рыбы пловущей вмѣсто кормила хвостъ. Такъ бы конче и людемъ надобѣ житіе свое исправляти. А что знаменуетъ хвостъ: хвостъ послѣдняя часть знаменуетъ, послѣдняя человѣческая четыри: смерть, страшный судъ, небо и адъ. О! да быхомъ сія послѣдняя всегда на памяти имѣли, и тѣми хвостами послѣдними корабль житія своего въ волнахъ сего свѣта управляти! никогдаже

быхомъ боялися отверстыхъ устъ кита преисподняго. И сію то мню быти тайну онаго чудеснаго дѣйствія Божія съ Моисеомъ: явися Господь Богъ Моисею, и хотящь послати его въ Египетъ къ избавленію рода Израильскаго, вопрошаетъ его: что есть въ руцѣ твоей: Моисей же рече: жезлъ. И рече ему Господь: поверзи его на землю. И верже и на землю, и бысть змій. И рече къ нему Господь: простри руку твою и ими его за хвостъ. И бысть паки въ руцѣ его жезлъ. Здѣ вопрошаю: для чего то Господь Богъ того змія велитъ за хвостъ имати: для чего не посредѣ, не за главу, но за хвостъ; змій знаменуетъ грѣхъ: глава того змія есть подущеніе и побужденіе къ грѣху: а хвостъ есть смерть и кончина. За хвостъ имати змія, есть о смерти помышляти, смерть въ незабвенной памяти имѣти. Симъ бо образомъ змій паки въ жезлъ обращается, то есть человѣкъ въ исправленіе приходитъ. Хвостомъ рыбы плаваніе свое отправляютъ: отъ послѣдней части все исправленіе въ рыбахъ. Научимся той отъ рыбъ мудрости....."

Мы могли бы привести много подобныхъ изысканныхъ примѣненій и натянутыхъ симво-

ловъ, но кажется достаточно и этого. Вообще, почти во всякой проповѣди, Стефанъ Яворскій грѣшитъ противъ правила, имъ самимъ опредѣлительно и ясно выраженнаго въ Камнѣ вѣры, въ статьѣ о душахъ Святыхъ, части 2, гл. 1, ст. 602: „притча въ тѣхъ точію истинствуетъ, яже служатъ къ намѣренію глаголющаго. Прочая же словеса въ притчи, бываютъ красоты ради повѣсти, и цѣлости ради притчи.“

Въ проповѣдяхъ, на которыя мы до сихъ поръ указывали, видѣли мы единство, правильность построенія, хотя совершенно искуственную и только наружную. Но очень много есть и такихъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ никакого единства, ни внутренняго, ни внѣшняго.

Очень часто проповѣдь движется не внутреннею силою единой, основной мысли, а слагается изъ самыхъ разнородныхъ частей, посредствомъ случайнаго сцѣпленія мыслей съ мыслями, словъ съ словами. Иногда Стефанъ Яворскій приводитъ текстъ; этотъ текстъ напоминаетъ ему другой, по чему нибудь имѣющій соотношеніе съ первымъ, за ними слѣдуетъ третій, и такъ далѣе. Все это связывается

восклицаніями. Иногда одну и туже мысль онъ повторяетъ въ различныхъ формахъ до тѣхъ поръ, пока случайный оборотъ рѣчи наведетъ его на другую мысль. Иногда факты подбираются къ фактамъ, подобія къ подобіямъ. Обо всѣхъ проповѣдяхъ этого рода можно сказать, что онѣ образуются накопленіемъ. Выписокъ дѣлать мы не будемъ; ибо очень многія проповѣди Стефана Яворскаго оправдываютъ наше замѣчаніе, особенно если обратить вниманіе на вступленія и первыя страницы.

Опредѣливши характеръ цѣлаго въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, мы должны обратить вниманіе на развитіе частей.

Изложивши мысль, Стефанъ Яворскій обыкновенно опираетъ ее на доказательствахъ, свидѣтельствахъ, уясняетъ ее примѣрами и уподобленіями. При этомъ открывается случай блеснуть начитанностью и Стефанъ Яворскій рѣдко его упускаетъ. Мы не говоримъ о цитатахъ изъ Св. писанія, твореній Св. отцевъ, объ указаніяхъ на Церковную исторію: все это на своемъ мѣстѣ въ проповѣди. Но кромѣ духовной литературы, Стефанъ Яворскій читалъ,

въ школѣ писателей древнихъ и новыхъ, философовъ, физиковъ, историковъ и пр. Обо всѣхъ предметахъ онъ имѣлъ афористическія свѣдѣнія, которыми въ то время довольствовались, зналъ множество анекдотовъ, истинныхъ и вымышленныхъ, и любилъ, кстати и не кстати, приводить ихъ. Онъ цитуетъ изъ древнихъ: Гомера, Діогена, Аристотеля, Демосѳена, Тита-Ливія, Цицерона, Виргилія, Плинія; изъ новѣйшихъ: Баронія, Комписа (Philippe de Comines) Тунинга (de Thou?) Скалигера, и пр. Въ одной и тойже проповѣди, рядомъ съ текстомъ изъ Евангелія или посланій Апостольскихъ, можно встрѣтить миѳологическое преданіе, анекдотъ объ Александрѣ Македонскомъ или о Ксерксовомъ шляхтичѣ и описаніе какого нибудь животнаго; н. п. въ словѣ въ недѣлю двадесятую по Святомъ Дусѣ (1), проповѣдникъ восклицаетъ: „се нынѣ Богъ посѣтилъ есть людей своихъ! О благополучія, о радости! О веселія нашего!“ и вдругъ прерываетъ рядъ восклицаній и начинаетъ такъ: „чтемъ въ житіи Тита Кесаря Римскаго удивительную повѣсть: собралъ онъ нѣкогда въ Сенатъ Римскій отвсюду, елико мож-

(1) Пр. Ст. Я. т. 2. стр. 100.

бѣ обрѣсти мужей премудрыхъ, и собравши ихъ, даде имъ сей свой вопросъ къ разрѣшенію: кто есть отъ боговъ большій „и т. д. Слѣдуетъ длинный разсказъ о преніяхъ въ Сенатѣ Римскомъ.

Въ словѣ въ недѣлю двадесять первую по Святомъ Дусѣ (1), Стефанъ Яворскій, желая доказать, что поучительное пастырское наставленіе нужно и премудрымъ, употребляетъ слѣдующій доводъ: „естествословъ и философъ премскусный Аристотель повѣствуетъ: что рыбы всегда въ водѣ сущіи, кромѣ природной воды, требуютъ воды небесныя, и воскормленію требуютъ росы, ею же охлаждаются: тако бо подобало премудрымъ“ и т. д.

Далѣе, въ тойже проповѣди, онъ дѣлаетъ выписку изъ Діогена, потомъ изъ Софира: „человѣкъ праздный въ гордость возносится, и аки оселъ пустынный, тако себѣ свободна рожденна чаетъ быти“. А объ ослѣ пустынномъ разсказываетъ Скалигеръ: „яко егда видитъ чело-

(1) Пр. Ст. Я. Т. 2. стр. 155.

вѣка мимоходяща, прибѣгаетъ къ нему и присматривается: егда же человѣкъ хощетъ его уловити, абіе съ великимъ воплемъ и шумомъ отбѣгаетъ. Сице начальницы и великіи господа прибѣгаютъ къ слушанію проповѣди".

Нѣсколько ниже, тѣ, которые нетерпѣливо слушаютъ поученія, находя въ нихъ обличеніе себѣ, уподобляются „нѣкіимъ безсловеснымъ звѣремъ, иже страшніи естествомъ своимъ суще, да не видятъ своего безобразія, егда жаждою объемлеми къ чистому приходятъ источнику, воду чистую мѣшаютъ первѣе ногами со дна, въ ней же бы не возмогли страшнаго своего познати образа. Творитъ тако, по свидѣтельству славнаго естествословца, именемъ Еліана, слонъ, иже да не увидитъ въ чистой водѣ нагую свою главу, мерзкія уши свои широкія, аки кожи висящія, нозѣ аки клады толстыя, всю кожу черную, безвласную, къ сему же носъ сицевъ, долгій безобразный, егда приходитъ къ водѣ пити возмущаетъ ю, да не увидитъ своея мерзости. Творитъ такожде и верблюдъ, глаголетъ Плиній естествописатель, да не узритъ въ водѣ чистой уши своя краткія, главу малую, очи черныя, шею закривленную, горбъ на хребтѣ

мерзкій... Бяше сицевъ верблюдъ Иродъ четверовластникъ“ и т. д.

Въ концѣ того же слова мы встрѣчаемъ еще одно предлинное сравненіе дѣйствія божественнаго слова на сердце человѣческое, съ волненіемъ моря: „егда солнце входитъ въ звѣзду каникулную... егда вси вѣтры утихаютъ и полунощный Борей, и быстрые Аквилоны и полуденные Зефиры“ и пр. Объясненіе этого явленія заимствовано изъ „славнаго астролога и математика Авла Геллія и Симона Магола.“

Въ проповѣди въ недѣлю двадесять третью по Святомъ Дусѣ (1), о которой мы уже говорили, сравнивается дѣйствіе, производимое воспоминаніемъ о вѣчной казни, съ „зеліемъ рутою“ описанною „начальницами врачевъ Галеномъ и Иппократомъ“.

Не менѣе изысканны и далеки отъ дѣла историческіе цитаты, приводимые Стефаномъ; н. п. въ словѣ въ недѣлю двадесять четвертую по Святомъ Дусѣ (2), говоря о вѣрѣ, онъ вдругъ

(1) Т. 2.

(2) Т. 2. стр. 207.

вводитъ слѣдующее: „повѣствуетъ исторіографъ и естествоиспытатель Плиній: что Кней Помпей, егда третій разъ торжествоваше, побѣдивши морскихъ разбойниковъ, и ихъ весьма изъ Азіи и изъ Понта изгнавши, во время торжества своего толикія показалъ богатства, еликія никогдаже въ Римѣ купно видѣни быша: маргариты дивнаго величества, три статуи златыя, короны изъ самыхъ драгоцѣнныхъ маргаритъ тридесять двѣ и пр. Но между всѣми краснѣйшій бысть престолъ изъ маргаритъ, на которомъ образъ Кнея Помпея дивнымъ художествомъ изваянъ бяше. Азъ же реку: елико тотъ образъ между прочими маргариты, толико вѣра во время торжества небеснаго дражайшая покажется“.

Въ словѣ въ недѣлю двадесятъ пятую по Святомъ Дусѣ (1), встрѣчаемъ также не кстати разсказанные анекдоты о Филиппѣ и Александрѣ Македонскомъ и доказательства на текстъ: возлюбиши Господа Бога твоего, почерпнутыя изъ Аристотеля.

Въ словѣ панигирическомъ, похвальномъ, на Святаго благовѣрнаго Князя Александра Нев-

(1) Т. 2.

скаго (1), мы находимъ описаніе тріумфовъ и наградъ за воинскіе подвиги у Римлянъ, заимствованное у Светонія и Полибія, и рядомъ съ нимъ, цитаты изъ Апостола и Апокалипсиса; далѣе анекдоты о томъ, какъ Орфеева мѣдная статуя, въ присутствіи Александра Македонскаго, точила слезы, о Муціи Сцеволѣ, о Курціи, о Геркулесѣ, воевавшемъ съ гидрою, о гигантѣ Антеѣ, сынѣ Цереры, объ Александрѣ и Діогенѣ, и пр. Все это переложено текстами, выписками изъ Святыхъ Отцевъ, легендъ, и т. д

Въ другомъ словѣ, о томъ же (2), Стефанъ хочетъ доказать, что Александръ Невскій, мужественно исповѣдавъ свою вѣру передъ ханомъ, подалъ Русскимъ добрый примѣръ, и для этого приводитъ въ примѣръ подражанія учениковъ Платона и Аристотеля, наконецъ выписываетъ изъ Діодора Сицилійскаго баснословное преданіе о Еѳіопахъ, будто бы доводившихъ нелѣпость подражанія до того, что выкалывали себѣ по одному глазу, когда начальникъ ихъ племени былъ кривъ, или подрѣзывали себѣ жилу, когда онъ былъ хромъ.

(1) Т. 2.
(2) Т. 2.

Такую точно выставку неумѣстной учености представляетъ слово на Великомученицу Екатерину первое и второе, на Апостола Андрея первое (1) и многія другія.

Въ этой странной и дикой смѣси язычества и христіанства, историческихъ отрывочныхъ сказаній, цитатовъ изъ писателей древнихъ и новыхъ и всякаго рода анекдотовъ, отразилась характеристическая черта католической проповѣди въ XVII ст., очень понятная при тогдашнемъ состояніи науки. Исторія, естествознаніе, литература, не были еще возведены на степень самостоятельныхъ наукъ; въ большей части западныхъ училищъ, и вѣроятно во всѣхъ училищахъ Русскихъ, онѣ даже не составляли предметовъ особенныхъ преподаваній; но входили отрывками въ объясненія и комментаріи на древнихъ писателей (2). Учени-

(1) Т. 3.

(2) Эту систему преподаванія удержалъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ проэктѣ о домахъ училищныхъ, ст. 9: „сіе видится быть велми благоуспѣшно, что могутъ нѣкая ученія, двое или трое вдругъ, одного часа и однимъ дѣломъ подаватися. Напримѣръ: уча Грамматики, можетъ учи-

ки получали аѳористическія свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ; память ихъ нагружалась множествомъ фактовъ безсвязныхъ и безжизненныхъ, не имѣвшихъ по себѣ никакой цѣны. Поэтому очень понятно, что они вставляли ихъ всюду, кстати и не кстати, въ томъ же безпорядкѣ, въ какомъ эти факты были имъ переданы.

Въ краснорѣчіи духовномъ такая смѣсь разнородныхъ предметовъ менѣе нежели гдѣ-нибудь у мѣста. Достоинство проповѣди ею оскорбляется, пестрота нарушаетъ единство, и, развлекая вниманіе слушателей, препятствуетъ сосредоточенію впечатлѣній. Мысль, склоняемая то туда, то сюда, перебѣгая отъ одного предмета къ другому, наконецъ утомляется и становится равнодушною.

Впрочемъ въ пользу Стефана Яворскаго можно, кажется, сказать, что въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ онъ начиналъ сознавать этотъ порокъ и отъ него освобождаться. Трудно ут-

---

тель съ нею учить купно и Географію и Исторію, понеже по регуламъ Грамматическимъ, нужно есть дѣлать екзерциціи“ и т. д. Дух. Регл. стр. 50 — 51.

вердить это рѣшительно, ибо мы не знаемъ хронологическаго порядка его проповѣдей; но вотъ доказательство. Въ первомъ томѣ проповѣдей встрѣчается слово въ недѣлю седьмую по Святомъ Дусѣ, на тему: „чесо ради не скоро мольбы наша исполнятъ Богъ“. Въ этомъ словѣ приводится сказаніе о Царѣ Мидасѣ и Сатирѣ, преданіе о Фаэтонѣ, выписки изъ Сенеки, анекдотъ о Діогенѣ и Филиппѣ; наконецъ сказка о томъ, какъ приходили волъ и верблюдъ къ Іовишу просить у него роговъ, и т. д.

Въ третьей части мы встрѣчаемъ другое слово въ недѣлю седьмуюнадесять по Святомъ Дусѣ, о молитвѣ вообще, котораго вторая половина есть повтореніе слова въ недѣлю седьмую. Но неумѣстныхъ цитатовъ и разсказовъ въ немъ гораздо менѣе. Проповѣдникъ говоритъ: „хотя и не подобало бы мнѣ на семъ мѣстѣ святомъ о баснѣхъ воспоминати Еллинскихъ; но понеже и басни суть не всегда ложь, но иногда образъ истины: часто мы просимъ тако, яко оный Мидасъ или Фаэтонъ, и т. д.“ и этимъ упоминовеніемъ довольствуется.

Кромѣ историческихъ эпизодовъ, Стефанъ Яворскій любитъ иногда рѣшать путемъ чиста-

го умозрѣнія такъ называемые имъ философскіе вопросы о томъ, почему называютъ каждую добродѣтель среднимъ между двумя пороками, почему иногда дѣйствія повидимому противорѣчатъ побужденіямъ, и т. д.

II. п. въ словѣ въ недѣлю Мироносицъ увѣщательномъ до воиновъ, подходящу походу воинскому (1), Стефанъ Яворскій задаетъ имъ слѣдующій вопросъ: „аще любите насъ, прехрабріи воини, чего ради отъ насъ разлучаетеся не точію мѣстомъ, но многажды и смертію: аще речете, яко отъ любве сія творите, и любовь ваша къ намъ понуждаетъ васъ отъ насъ разлучитися: но я вопреки реку, любовь соединяетъ, а не разлучаетъ. Вы убо какъ насъ любите, аще отъ насъ разлучаетеся? Како любовь, которой дѣло есть соединяти, васъ отъ насъ разлучаетъ? Здѣ трудность, на которую не всякъ дастъ отвѣтъ, како любовь соединяетъ и разлучаетъ. Пойдемъ къ Философіи: что на сіе речетъ? Сказуетъ Философія, яко вещи вышемѣрныя противное творятъ дѣйство съ умѣренными“ и пр.

---

(1) Т. 1. стр. 63.

Проповѣдникъ очевидно силится воздвигнуть несуществующее препятствіе, самъ себѣ предлагаетъ возраженіе, которое никому бы не пришло въ голову, и съ намѣреніемъ преувеличиваетъ его важность, для того, чтобы послѣ торжествовать надъ нимъ побѣду. Эта манера долго у насъ держалась.

Дѣло само по себѣ было ясно; но мысль, воспитанная на схоластикѣ, мало заботится о о дѣлѣ; она любитъ свое отвлеченное развитіе; мимо прямаго пути, пролагаетъ себѣ кривыя дороги, и чѣмъ замысловатѣе и хитрѣе ея извороты, тѣмъ болѣе она собою довольна.

И такъ общій недостатокъ доказательствъ въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго есть излишняя ученость, несчастная страсть черпать свои примѣры и доводы изъ предметовъ отдаленныхъ, мало знакомыхъ слушателямъ. Они лишены достоинства существеннаго, общедоступности.

Стефанъ Яворскій обладалъ ученостью и начитанностью въ такое время, когда ученость и начитанность были рѣдкостью; онъ добылъ

ту и другую трудомъ, цѣнилъ ихъ по мѣрѣ этого труда и любилъ выставлять на показъ. Самъ онъ говоритъ въ одной изъ проповѣдей своихъ: „не было бы въ сицевой чести премудрость, умъ наученный и краснорѣчіе, аще бы удобо обрѣтаемы были“ (1). Такое же чувство ученаго самодовольствія высказывается довольно наивно въ другихъ его сочиненіяхъ, н. п. въ Камнѣ Вѣры, когда, вслѣдъ за какимъ нибудь замысловатымъ доказательствомъ, онъ восклицаетъ: „сей отвѣтъ отъ наученія философскаго, могій вмѣстити, да вмѣститъ (2).

Отъ элемента ученаго перейдемъ къ элементу художественному. Мы видѣли, что Стефанъ Яворскій любилъ искать въ фактахъ, мимо ихъ прямаго значенія, иносказательныхъ смысловъ; тоже самое стремленіе повторяется въ характерѣ его описаній и образовъ; общія отвлеченныя мысли онъ охотно облекаетъ въ символы своего изобрѣтенія. Вездѣ онъ ищетъ готовыхъ символовъ или создаетъ свои.

---

(1) Т. 2. стр. 73.

(2) К. В. о призыв. Св. Ч. 2. гл. 1. стр. 511.

Въ его проповѣдяхъ преобладаетъ элементъ эпическій, притомъ на самой низшей ступени, какъ символъ и аллегорія.

Приведемъ въ примѣръ слово въ недѣлю Ѳомину (1). Текстъ есть слѣдующій: „показа имъ руцѣ и позѣ и ребра своя. Возрадовашася же ученицы видѣвше Господа.“ Что значитъ эта радость и чѣмъ она оправдывается? Смертью Христа искуплено человѣчество; изъ пяти язвъ его истекаетъ неизсякаемый источникъ благодати и спасенія. Вмѣсто того, чтобы развить эту мысль въ ея внутреннемъ отношеніи къ слушателямъ, проповѣдникъ облекаетъ ее въ цѣлый рядъ уподобленій, аллегорій и символовъ, подъ которыми, какъ подъ тяжкимъ бременемъ, на нее наваленнымъ, она исчезаетъ и гаснетъ.

Вопервыхъ, сравнивается уязвленное тѣло Христово съ раемъ и четырьмя по немъ протекающими рѣками; далѣе, съ сосудомъ пробитымъ четырьмя скважинами: „вѣдасте: егда сосудъ какой бываетъ питія многоцѣннаго и лѣкарственнаго полный, но отвсюду заключенный

(1) Т. I. стр. 37.

и скважни не имущій: чтожъ творятъ съ такимъ сосудомъ? скважню надлежитъ здѣлати, надлежитъ сосудъ провертети, кто хощетъ изъ него питія лѣкарственнаго вкусити... Отъ исполненія его мы вси пріяхомъ... кровь его на насъ и на душахъ нашихъ яко овчая купѣль, всякую болѣзнь врачующая... яко миро благовонное, яко дражайшая багряница, яко питіе, яко вино, яко роса Аермонская“ и т. д.

Потомъ сравниваются язвы Христовы съ „пяточастною дражайшею газофилакіею (сокровищницею), отъ неяже неистощимое искупленію нашему произыде сокровище. „Этому сокровищу“ присматривается казначей небесный Павелъ Святый и восклицаетъ: о глубина богатства“ и т. д.

Слѣдуетъ сравненіе съ аптекою: „заведу васъ въ аптеки, въ нихже несумнѣнно здравіе получимъ... я вамъ покажу пять притворовъ имущую и всецѣлебную виѳезду или врачебницу Христа Спасителя нашего. Пять ранъ Христовыхъ суть пять притворовъ оныя врачебныя купѣли“ и т. д. Сравненіе съ ямами: „а малая ли то вина радости, смотрѣти на ямы ранъ Христовыхъ, отъ нихже ископахомъ со-

кровище". Сравненіе съ мѣшкомъ: „аще бы нѣкій богатый пришелъ бы къ нищымъ, и вынялъ мѣшокъ полный денегъ, а оный мѣшокъ пятьми дирами самъ изъ себе сыплетъ денги убогимъ, и задержати не можетъ: о како бы радовалися нищіе онымъ дирамъ, въ мѣшкѣ онымъ скважнямъ пяточисленнымъ!" Сравненіе съ разсѣлинами, тѣсными проходами: „язвы Христовы суть тѣсные проходы: тамо притецыте обветшавшіи людіе, въ язвы Христовы тѣснитеся, яко до ветхаго человѣка отложше, въ новаго облечетеся." Сравненіе съ скважинами: „пять ранъ во Христѣ видимъ: тыя суть скважни въ двери небесныя на вшествіе наше. А какимъ образомъ вошелъ въ Царство небесное разбойникъ, рцыте ми: слышалъ онъ, что часто Христосъ въ проповѣдяхъ своихъ нарицалъ себе дверью спасенія... И тако себе думалъ: я разбойникъ! Ворамъ и разбойникамъ неприлично есть дверми входити; пожду я: не будетъ ли диры и скважни въ сей двери, чтобъ я, яко воръ и разбойникъ, по воровски, не дверми, но скважнею влѣзъ въ царство небесное. Дождался щастливый разбойникъ такъ благополучнаго времени! Виситъ съ Христомъ на крестѣ, и видя пять ранъ Христовыхъ, аки пять скважней

въ двери небесной, начатъ тѣми скважнями тѣснитися“ и т. д. Сравненіе съ камнемъ, дающимъ прибѣжище преслѣдуемому зайцу: „нападутъ ловцы на бѣднаго зайца, выпустятъ псовъ гонящихъ, которые уже отверстымъ гортанемъ бѣдное животное гонятъ и хотятъ поглотити. Прибѣгнетъ бѣдный заяцъ съ страхомъ и трепетомъ подъ камень какой великой, либо въ разсѣлину каменную впадетъ. О щастливый, который такимъ образомъ отъ смерти избавляется! камень прибѣжище зайцемъ... Камень же бѣ Христосъ, который нынѣ язвы своя дражайшія, аки разсѣлины каменныя показуетъ, да быхомъ въ нихъ имѣли прибѣжище и сокровеніе. „Наконецъ сравненія съ прекрасными чертогами царскими, съ градами, прибѣжищами крѣпчайшими, и пр. Въ заключеніе проповѣдникъ обращается къ самимъ язвамъ и говоритъ съ ними: „о непобѣдимые грады прибѣжища, дражайшыя язвы Христовы! Сохраните Императора нашего и весь домъ его отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ“ и пр.

Вотъ содержаніе слова. Рядъ аллегорій, сравненій, ничѣмъ несвязанныхъ, и болѣе ничего. Исчерпавъ одно сравненіе, проповѣдникъ съ восклицаніями повторяетъ свой текстъ и берет-

ся за другое. Усталое воображеніе проходитъ сквозь этотъ рядъ превращеній и вмѣсто одного, яснаго и полнаго образа, удерживаетъ отрывочныя воспоминанія разнородныхъ и часто безобразныхъ картинъ.

Но кромѣ безпорядка и излишняго обилія образовъ, составляющаго во всякомъ случаѣ недостатокъ проповѣди, должно еще обратить вниманіе на самый характеръ образовъ, отдѣльно взятыхъ. Религіозное и художественное чувство глубоко оскорбляется этою грубою чувственностью.

Понятно, что для тѣхъ, которымъ мысль бываетъ доступна только въ пластическомъ образѣ, которымъ нужно было символизировать Церковь для того, чтобы въ нее повѣрить, внести въ церкви раскрашенныя статуи, представить въ лицахъ страсти Христовы, и пр. могла быть нужна и проповѣдь одного стиля съ украшеніями храмовъ и съ обрядами Церкви. Католикамъ, особенно южнымъ, такая проповѣдь могла нравиться; въ западной церкви она на своемъ мѣстѣ и понятна; но никогда не признаетъ ее Православная Церковь, и никогда бы такая проповѣдь не развилась въ ней сама собою. Это была очевидно наносная порча.

Приведенные нами отрывки изъ проповѣди на Ѳомину недѣлю даютъ удовлетворительное понятіе о характерѣ пластическихъ образовъ, символовъ и аллегорій, встрѣчающихся въ другихъ проповѣдяхъ; поэтому мы не будемъ разбирать ихъ въ этомъ отношеніи.

Кромѣ эпическаго элемента, Стефанъ Яворскій допускаетъ иногда драматическую форму. И въ этомъ случаѣ онъ обличаетъ только жалкое усиліе. Драматическая форма нисколько не условливается у него самимъ содержаніемъ; это одна только форма, фигура вопрошенія, которую можно приложить ко всему. Кромѣ того, ежедневный разговоръ запросто, въ которомъ участвуетъ самъ проповѣдникъ, какъ лице вопрошающее или какъ податель совѣтовъ, неприличенъ въ проповѣди. Слишкомъ выдающееся лице проповѣдника производитъ самое невыгодное впечатлѣніе и дѣлаетъ его похожимъ на актера.

Приведемъ примѣры. Въ словѣ о Самарянынѣ (1), проповѣдникъ, дивясь тому, что Спаситель въ присутствіи Ирода пребывалъ въ

(1) Т. I. стр. 106.

упорномъ молчаніи, обращается къ самому Спасителю съ слѣдующимъ наставленіемъ: „здѣ то Спасителю мой было отозватися: здѣ еси имѣлъ мѣсто и время божественной твоей проповѣди и поученія: здѣ было укорити Ирода о ненасытномъ сребролюбіи и пр. Помню, что нарекль еси Ирода лисомъ... въ очи его подобало такъ нарещи.“

Нѣсколько ниже, по случаю словъ Спасителя, указывающаго на Магдалину: видиши ли сію жену,—Стефанъ Яворскій снова вступаетъ въ разговоръ съ Спасителемъ: „а чтожъ ту Спасителю мой, въ той женщинѣ зрѣнія достойно? Не вижу я въ ней ничтоже удивительно: аще тому велишъ присматриватися, что хорошо устроилася, червленицею (румянами) и бѣлиломъ лице умастила, чело свое, что кожу на барабанѣ вытянула, очи безстудные очернила, брови естественныя искоренивши, иные брови себѣ сдѣлала... сицевому украшенію, на прелесть очесамъ здѣланному, аще велишъ присматриватися, Спасителю мой, крикнетъ, паче же слышу ко всякому изъ насъ царствующаго пророка Давида глаголюща: отврати очи твои, еже не видѣти суеты. Однакожъ не слушаетъ пророка Христосъ“ и пр.

Далѣе: „Таколи Спасителю мой? Большее ли у тебя чудо, сія блудница кающаяся, нежели иная твоя чудеса? Большее, воистину большее!“ и пр.

Въ другомъ словѣ (1), Стефанъ обращается къ Ангелу, принесшему таинственную книгу на съѣденіе Іоанну: „О Ангеле Божій! Не вели книги твоей небесной Богослову снѣсти: пожалую, дай первѣе намъ прочести ю, да увѣмы, что въ ней написано, и да научимся чему нибудь отъ нея на пользу нашу: или ты устно намъ исповѣждь, что въ ней написано. Не слушаетъ насъ Ангелъ, ни книги прочести даетъ, ни устно, что въ ней написано сказуетъ: а конечнѣ Богослову велитъ: пріими и снѣжды ю. Богослове Святый! Отвѣщай Ангелу: никогдаже книги ядохъ, ни бо на то пишутся книги, дабы ясти ихъ, но чести. Аще книгу снѣмъ, но снѣмъ не прочетъ: то кая ми будетъ польза, не увѣдавъ, что въ ней написано. Молчитъ и Богословъ, Ангелу не прекословитъ.... Скажи Богослове Святый намъ поне сіе: есть ли нѣ-

(1) Т. I. стр. 123.

кій смакъ, яже яси? Горька ли, или сладка книга та? Здѣ отвѣщаетъ намъ“ и т. д.

Приведемъ еще разговоръ Іоанна Крестителя съ Иродомъ замѣчательный и въ другомъ отношеніи (1): „глаголетъ Іоаннъ: пресвѣтлѣйшій Государь! Въ ономъ дому сходятся пьяницы, картіожники, блудники, убійства, татьбы, клеветы творящіи: слушаетъ его въ сладость Иродъ: абіе посылаетъ слуги, разгоняетъ безчинниковъ, разсыпаетъ, казнитъ. Глаголетъ Іоаннъ: тамо на прельщеніе многимъ творятся соблазны, тамо младіи безчинствуютъ, тамо безвременные крики и вопли. На сіе Иродъ: разрушу совѣты ихъ, и т. д. Глаголетъ Іоаннъ: невинніи страждутъ въ узахъ и оковахъ напрасно заключени: многихъ бьютъ напрасно на правежѣ: мнози обидими отъ сильнѣйшихъ. Глаголетъ Иродъ: осужду, испущу, свобожду ихъ. Коснуся послѣ Іоаннъ и самаго безобразія Иродова, осяза раны его....Ваше Величество! Ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій: понеже ты подданнымъ своимъ злѣйшій образъ подаеши, отъ тебе мнози соблазняются.... Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну:

(1) Т. 2. стр. 139.

молчи, въ темницу сво! за дерзость казнь да пріиметъ!“

Подобные драматическіе отрывки часто попадаются у проповѣдниковъ западныхъ. Очень понятно, что они могли войти въ духовное краснорѣчіе и у насъ, въ то время какъ мы переняли у западныхъ народовъ ихъ мистеріи.

Въ послѣднихъ нами выписанныхъ отрывкахъ какъ будто высказывается желаніе проповѣдника сблизиться съ толпою слушателей, низойти въ ихъ сферу. Это стремленіе нерѣдко выражается и въ другихъ проповѣдяхъ; но большею частью бываетъ въ высшей степени неудачно. Существенное свойство проповѣдей Стефановыхъ составляетъ отвлеченность, отчужденіе отъ дѣйствительности. Въ Стефанѣ Яворскомъ не было ни живаго пониманія жизни, ни сочувствія къ ней. Онъ мало объ ней заботился. Для того, чтобы спуститься до нея изъ холоднаго міра отвлеченныхъ умозрѣній, ему нужно на это рѣшиться и употребить усиліе всегда замѣтное. Поэтому всякое сближеніе съ дѣйствительностью влечетъ у него за собою паденіе проповѣди; она теряетъ свое достоинство. Иногда безъискусственное простодушіе пи-

сателя, принадлежащаго къ первому періоду развитія народной литературы, заставитъ улыбнуться; но здѣсь не то. У Стефана Яворскаго недостатки не свои, а заимствованные, перенятые у другихъ. Они свидѣтельствуютъ о вліяніи испорченнаго вкуса Запада, которому онъ подчинился. Живая дѣйствительность ему не дается, и въ рукахъ его остается одна грубая ея оболочка.

Подражая проповѣдникамъ католическимъ, Стефанъ Яворскій старается иногда разсмѣшить своихъ слушателей. Н. пр. въ проповѣди на текстъ: пріимите Духъ Святъ (1), онъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе: „православніи христіане! Въ какомъ образѣ хощете Духа Святаго воспріяти? Пріимите Духа Святаго во образѣ воды. Чаю речете: О! сами хотятъ воспріяти Духа Святаго во образѣ вина, а намъ его даютъ въ образѣ воды!“

Въ другомъ мѣстѣ вотъ какимъ тономъ проповѣдникъ говоритъ о званомъ на пиръ, который „безъ всякой политики отрицается, но попросту и такъ грубо глаголетъ: жену пояхъ, и

(1) Т. 1. стр. 176.

сего ради не могу пріити. О неучтивая грубость! Уа дуракъ, грубый мужикъ, варваръ, могдавъ неоскробанный!“ Вотъ примѣръ разсказа: „два рыболовы ходятъ при мори міра сего, на уловленіе рыбъ словесныхъ: одинъ рыболовъ Христосъ, въ нынѣшнемъ Евангеліи ходяй при мори Галилейскомъ, другій рыболовъ сатана. Христосъ ловитъ мрежами, а сатана ловитъ удицею. Смотритежъ, который изъ нихъ больше уловляетъ. Ходитъ Христосъ при мори міра сего, и видя, что рыбы словесныя, то есть человѣцы гуляютъ, буяютъ, выскакиваютъ, а потомъ на злый конецъ приходятъ, на поварню адскую достаются: милосердствуетъ надъ ними и мыслитъ себѣ: уловлю я тыя рыбки себѣ, и перенесу ихъ во иныя рѣки небесныя... Тое помышляя Христосъ, вметаетъ въ море міра сего не удицу острозубную, гортань рыбы уязвляющую, но вметаетъ мрежи благодати своея, вметаетъ сѣти званія своего евангельскаго: грядите по мнѣ. Жаль мнѣ твоихъ трудовъ, сладчайшій Спасителю мой!... Се нынѣ, ходя при мори Галилейскомъ, четыре токмо рыбы уловилъ еси, Андрея и брата его Симона Петра, и паки Іакова и Іоанна сыновъ Зеведеевыхъ. Смотритъ на сіе рыболовъ адскій, сатана про-

клятый, и видя яко Христова ловитва скудна, мрежами не уловляется Христовыми, и не щастлива, чтожъ творитъ? Инымъ образомъ рыбы словесныя уловляетъ. Какъ же? Вметаетъ въ море міра сего удицу свою адскую, удицу лютую, острозубую, сквозь пронзающую, удицу смертно уязвляющую, удавляющую. Берегитесь для Бога удицы сея, рыбы словесныя! Смерть то есть, не удица, а смерть вѣчная: но рыболовъ лукавый умѣетъ ловить. Не являетъ онъ остроту и лютость удицы своея, но покрываетъ ю какимъ нибудь покровомъ и приманкою: сѣдь какую нибудь и сладость приманкою на удицы полагаетъ: ово роскошь богомерзскую, ово сладострастіе грѣховное и пр.“ (1)

Въ проповѣди въ недѣлю двадесять первую по Св. Дусѣ Стефанъ Яворскій разсказываетъ, какъ уклоняются люди отъ слушанія проповѣдей: „встрѣтитъ по случаю человѣка другъ его, совѣтуетъ ему: пойдемъ братъ въ оную церковь, во оный монастырь, тамъ послушаемъ слова Божія, тамъ читати имать Священникъ поученіе: тогда тотъ братъ начнетъ отрицатися, начнетъ тысящу притчинъ сыпати, для которыхъ невоз-

(1) Т. I. стр. 205.

можно слушать, здѣсь у него всѣ отговорки. Встрѣтитъ другаго въ пути своемъ друга, речетъ другъ его: пойдемъ братъ, у меня нынѣ погуляемъ, или у инаго друга тамъ позамедлимъ, тамъ позабавимся, тамъ пиво ренское, водка добрая, всего много: тогда братъ его, всѣ отговорки на сторону“ и пр.

Нѣсколько ниже, въ тойже проповѣди: „спросилась госпожа слугъ своихъ, чтобы имъ приказать стряпать на кушаніе, какихъ плодовъ наготовить, капусты ли или моркови, или рѣпы? Всякъ слуга сказалъ по своей ему охотѣ и прочая. Всѣмъ убо намъ тое кушанье непріятно, не по праву. Сице воистинну случается и проповѣднику“. (1)

Господствующій тонъ этихъ отрывковъ можетъ дать понятіе о томъ, каково могло быть произношеніе Стефана Яворскаго. Очень вѣроятно, что онъ также перенялъ его у католиковъ. Его изложеніе было страстно, исполнено быстрыхъ, неожиданныхъ переходовъ, еффектовъ и сопровождалось рѣзкими тѣлодвиженіями. Судя по словамъ современника, народъ стекался на

(1) Т. 2. стр. 126. и пр.

его проповѣди; но онѣ не столько проникали въ глубину души, сколько имѣли раздражительное дѣйствіе, возбуждали то смѣхъ, то слезы. Вотъ этѣ слова: „что витійства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные тому въ учителяхъ Россійскихъ обрѣстися могли: ибо мнѣ довольно случилось видѣть въ Церкви, что онъ могъ въ ученіи слышателей привесть плакать или смѣяться: которому, движеніе его тѣла и рукъ, помаваніе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ. Которое въ день Успенія въ Успенскомъ Соборѣ Графу Мусину и помнится на новый годъ въ Чудовѣ Монастырѣ Фискаламъ и другимъ государственнымъ служителямъ отъ него слышать случилось плакать и смѣяться“ и т. д. (1)

И такъ проповѣдь Стефана Яворскаго отражаетъ въ себѣ всѣ черты католической проповѣди XVI и XVII ст.

---

(1) Это мѣсто я выписалъ, какъ оно есть, изъ Пасквился нареченнаго молотокъ. Рукопись самая неисправная. Знаки препинанія не на мѣстѣ, пред-

Подражаніе западнымъ писателямъ, искусственные пріемы, у нихъ перенятые, правила, затверженныя въ школѣ, положили неизгладимое клеймо на произведенія Стефана Яворскаго и убили его природное дарованіе. А дарованіе въ немъ было и оно проявлялось, притомъ не столько въ проповѣдяхъ, большею частью искусственныхъ, сколько въ другихъ сочиненіяхъ, когда онъ забывалъ о правилахъ и говорилъ отъ души. Приведемъ въ примѣръ отрывокъ изъ Камня Вѣры, который могъ бы найти мѣсто въ проповѣди. Заключая изложеніе ученія о Святыхъ иконахъ, Стефанъ Яворскій обращается къ пастырямъ и сынамъ Церкви съ этими словами: „како оплакати имамъ нерадѣніе наше пастырское, и сыновъ православныхъ небреженіе о цѣлости Церкве Святыя. Пастырь добрый Христосъ Богъ нашъ, душу свою положилъ есть за овцы своя. Мы же пастыріе суще, ни трудовъ, ни тщанія, ни бдѣнія о стадѣ своемъ за лѣность нашу полагаемъ. И что есть вина сицеваго въ насъ небреженія, и лѣности? Иныя вины не обряще-

---

ложенія не раздѣлены, нѣкоторыя слова пропущены; но смыслъ понятенъ.

ши, точію, яко нѣсть въ насъ совершеныя любве, яже ко Христу. Кто бо Того по истинѣ любитъ, пастырь сый, не можетъ не радѣти о овцахъ, кровію Его искупленныхъ. Кто любитъ по истинѣ Царя, къ подвигомъ за царство его бываетъ не лѣностивъ."

„Сего ради, вручая стадо свое Христосъ Богъ нашъ верховному апостолу Петру, единыя любве отъ него истязуетъ. Любиши ли мя: паси овцы моя. Сіе же рече и вторицею и третицею....

„Горе мнѣ окаянному пастырю! какой отвѣтъ воздамъ о моемъ нерадѣніи? Вѣмъ отъ Евангелія, яко явившася Ангели Пастыремъ бдящымъ, и стадо свое прилѣжно хранящымъ: глаголетъ бо Лука богогласный: и пастыріе (рече) бѣху въ той же странѣ бдяще, и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ. И се Ангелъ Господень ста въ нихъ и слава Господня осія ихъ.

„Сія помышляю и вижду явственно, яко Ангели Божіи являются, и слава Господня сіяетъ не инѣмъ пастыремъ, точію бдящымъ и стрегущымъ стражу нощную о стадѣ своемъ. Мнѣ

же недостойну сущу пастырю, что будетъ за мою лѣность и небреженіе? Явится ли ми при кончинѣ моей ангелъ миренъ, вѣренъ наставникъ, хранитель души и тѣлу моему? Осіяетъ ли мя свѣтъ благодати и славы Божія? Не вмѣсто ли Ангела, узрю демона, скрежещуща на мя зубы, и душу мою поглотити хотяща? Не вмѣсто ли сіянія славы, ввержень буду во тму кромѣшную, идѣже плачь и скрежетъ зубовъ? О горе! о люте! о паство бремя неудобь носимое! о пастырское дѣло, всякаго труда и попечительства, всякаго страха и ужаса преисполненное!“

Слѣдуютъ наставленія Пастырямъ и воззваніе ко всѣмъ сынамъ Церкви, также прекрасное.

Отъ проповѣдей въ тѣсномъ смыслѣ перейдемъ къ словамъ торжественнымъ, благодарственнымъ, и пр. Мы встрѣтимъ въ нихъ тотъ же характеръ отвлеченности и отчужденія отъ современной жизни; но въ несравненно болѣе рѣзкомъ проявленіи. Иначе и не могло быть. Когда Стефанъ Яворскій проповѣдывалъ на тексты, ему было легко, отворотившись отъ дѣй-

ствительности, его окружавшей, погружаться въ анализисъ богословскихъ тонкостей или въ изобрѣтеніе символическихъ образовъ. Отвлеченность выражается въ его проповѣдяхъ — отрицательно, совершеннымъ отсутствіемъ необходимаго элемента. Но дѣйствительность преслѣдовала Стефана Яворскаго. Отъ ея требованій онъ не могъ уйти; онъ долженъ былъ читать проповѣди на важные случаи изъ современной жизни, долженъ былъ говорить объ ней. И здѣсь-то особенно выдается характеръ его слова. Въ томъ, какъ онъ смотритъ на современную жизнь и не видитъ ея, или силится перевести ее въ свой отвлеченный міръ, обнаруживается во всей рѣзкости его отчужденіе отъ живой дѣйствительности.

Нельзя не подивиться тому, до какой степени его разобщало съ нею образованіе, имъ полученное, и мертвая наука, которою онъ удовлетворился.

Это равнодушіе къ тому, что вокругъ него совершалось, особенно поражаетъ, если вспомнить, какова была его современность.

Не было въ исторіи человѣчества и, вѣроятно, никогда не повторится такого крутаго

перелома въ жизни цѣлой націи. До послѣдней своей глубины была потрясена народная субстанція; всѣ интересы, всѣ силы вызваны были наружу и приведены въ дѣйствіе; жизнь новая, искусственно ускоренная въ своемъ теченіи, кипѣла и разливалась по всѣмъ путямъ. Это было время дѣятельности небывалой, разнообразной при всей ея односторонности, шумной и вмѣстѣ правильной, покорной мысли одного человѣка.

Петръ Великій вызывалъ на новыя, имъ открытыя поприща, всѣ силы Русскаго человѣка; онъ признавалъ дарованія всякаго рода и давалъ имъ дѣло. Вездѣ заводилось новое и сокрушалось старое. Вновь набранное и едва обученное войско гнало передъ собою полки давно извѣданные и считавшіеся непобѣдимыми; предѣлы Россіи раздвигались; Русскій флагъ развѣвался на Балтійскомъ морѣ; новый городъ выросталъ изъ болота; внутреннее управленіе измѣнялось, общественная и семейная жизнь, обычаи, языкъ, одежда — все принимало новый видъ; вѣковыя преграды, раздѣлявшія насъ съ Европою, рушились, и со стороны Запада повѣяло на Россію жизнью, долго для нея чуждою.

Между тѣмъ страшная опала тяготѣла на старинѣ и на ея представителяхъ; все то, передъ чѣмъ благоговѣлъ и что любилъ народъ, въ его глазахъ было ниспровергнуто и обругано. Церковь, нѣкогда обнимавшая всю полноту жизни народной и освящавшая всѣ отношенія, была стѣснена въ своемъ вліяніи; ея спеціальная сфера дѣятельности была рѣзко очерчена; не стало патріаршества; монастыри утратили свои богатства; Москва, столица народная, утратила свое первенство.

Все это совершалось въ глазахъ Стефана Яворскаго. Въ эти годы, такъ полные важныхъ событій, онъ занималъ верховную каѳедру; на все, что дѣлалось въ Россіи, ему должно было отзываться отъ имени Церкви; между тѣмъ много ли въ его проповѣдяхъ такихъ словъ, въ которыхъ бы виденъ былъ современникъ, которыя принадлежали бы тому времени и отражали его въ себѣ? Понятно, что Стефанъ, воспитанный въ понятіяхъ XVII ст., принадлежа къ той партіи, которая, по словамъ самого Петра, не во авантажѣ обрѣталась, не могъ искренно сочувствовать преобразованію; военная слава исчезла для него передъ судьбою Церкви;

обогащеніе Россіи перенятыми у иностранцевъ ремеслами и искусствами не вознаграждало въ его глазахъ пагубнаго вліянія протестантскихъ понятій. Но въ такомъ случаѣ, почему не вырвалось изъ его груди живаго слова, звучащаго негодованіемъ; по крайней мѣрѣ, хотя бы выразилась искренняя, душевная скорбь. Ничего подобнаго, за исключеніемъ весьма не многихъ мѣстъ, мы не находимъ въ его проповѣдяхъ. Представимъ эти исключенія.

Двѣ проповѣди читаны имъ по случаю распространившихся толковъ въ народѣ о церковныхъ преданіяхъ и необходимости благихъ дѣлъ при вѣрѣ (1). Эти двѣ проповѣди суть ни что иное, какъ сокращенія статей изъ Камня Вѣры о тѣхъ же предметахъ.

Въ другомъ словѣ (2) встрѣчается слѣдующее мѣсто, имѣющее прямое отношеніе къ тогдашнему времени: „мнози скоро отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и

(1) Т. 2. Слово въ нед. шест. над. по Св. Дусѣ. Слово въ нед. двадес. чет. по Св. Дусѣ.

(2) Т. 2. Слово въ нед. трет. надес. по Св. Д.

прелагаются, и чуждыя, богомерзскія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведущія вѣры похваляютъ: свою же, юже отъ отецъ и праотецъ воспріяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ Апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко едва чуждыя узрятъ земли, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются.“

Въ словѣ — въ недѣлю девятую по Святомъ Дусѣ, Стефанъ Яворскій прилагаетъ къ Церкви Христовой слова Евангелиста: „корабль же бѣ посредѣ моря, влаяся волнами: бѣ бо противенъ вѣтръ“ и, какъ кажется, намекаетъ на современное положеніе Церкви въ Россіи; н. п. въ слѣдующемъ мѣстѣ: „о лютаго нещастія и злополучія нашего! Яко умноженія ради тяжкихъ беззаконій и непокаянныхъ грѣшниковъ, корабль Церкве и всего отечествія Христіанскаго въ морѣ міра сего страждетъ волны бѣдъ, и день отъ дне въ силахъ своихъ изнемогая, близъ есть сокрушенія и потопленія, развѣ самъ Господь ходяй по морю, въ помощь пріидетъ и запретитъ вѣтромъ и морю, и тишину сотворитъ: той бо обнадѣжилъ Церковь

свою Святую яко врата адова не одолѣютъ сй“ (1).

За исключеніемъ этѣхъ немногихъ мѣстъ, мы не узнаемъ въ Стефанѣ Яворскомъ современника, принимающаго живое участіе въ томъ, что вокругъ него совершается.

Шведы разбиты подъ Полтавою, Карлъ XII бѣжитъ къ Туркамъ, генералы его уходятъ въ крѣпости; этѣ крѣпости сдаются Русскимъ. Наши войска берутъ Выборгъ. Вотъ какъ отразились этѣ событія въ торжественныхъ словахъ Стефановыхъ: „нива державы Россійскія угобзися, класы побѣдныя благополучно собраны: плевелы же нечестивыхъ Шведовъ пожаты, а иніи въ снопы связаны... Лютый оный звѣрь Левъ, Король Шведскій, рыкаше и зіяше устами своими, хотя поглотити Россію: но прехрабрый Самсонъ нашъ Государь Царь заградилъ есть уста тому Льву, паче же растерза Льва Шведскаго.“

Далѣе проповѣдникъ описываетъ видѣніе Іоанново — морскаго звѣря и говоритъ: „звѣрь

(1) Т. I. стр. 254.

изъ моря есть Король Шведскій, имѣяй главъ седмь главнѣйшихъ Генераловъ, который пройде Польшу, Литву, разорилъ домы Божія и обнажилъ, и дерзнулъ окаянный внити въ державу Государеву. . .“

Потомъ сравниваетъ паденіе Карла XII съ паденіемъ древа, видѣннаго Навуходоносоромъ: „обиты вѣтви, то есть Генералы и Полководцы: обрушены и побиты листвія, то есть оружницы“ и пр.

Побѣда Русскихъ превосходитъ побѣду, одержанную Іисусомъ Навиномъ: „тамо безсловесныя свѣтила повелѣніемъ Божіимъ стали и помогали; здѣсь же мысленныя свѣтила, самъ Христосъ Спаситель, иже есть солнце, и луна пресвятая Дѣва Марія стали и пособствовали побѣдити гордаго сего; тамо только солнце и мѣсяцъ стояли, а здѣсь и звѣзды, то есть Россійстіи чюдотворцы и Апостоли Святіи и вси Святіи помогали.“

Побѣда совершилась въ Іюнѣ мѣсяцѣ: „благополучное убо сіе есть время мѣсяцъ Іюнь, въ онь же дарова побѣду Господь; въ семъ бо мѣсяцѣ солнце входитъ въ знаменіе дѣвицы.

Солнце Христосъ вниде въ знаменіе дѣвицы, юже видѣ Св. Іоаннъ во Апокалипсисѣ.... (1) Въ мѣсяцѣ Іуніи пребываетъ солнце въ знаменіи дѣвы. Знаменіе же то не ино есть, точію преблагословенная Дѣва Марія, которая есть облеченна въ солнце.... Глаголетъ писаніе святое, яко возсіявшу солнцу скимны, то есть львята собираются, и сокрываются въ ложища своя, сице бо пишется: скимни рыкающіи восхитити и взыскати отъ Бога пищу себѣ, возсія солнце и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ. Левъ, Шведскій Король, рыкаше по вселенной, гордящися о силѣ своей и о побѣдахъ и торжествахъ надъ многими государствами, рыкаше, хотящи и хвалящися со скимны своими, то есть съ министрами и воинствомъ, Россію нашу восхитити и поглотити; но возсіявшу солнцу.... побѣже Левъ, Король Шведскій, не потрафивъ въ ложе свое, но въ Турецкое. Скимны же его овы побиты суть, овы яты. Но и сія скимны въ ложи своемъ сущыя, то есть въ Выборгѣ, не скрышася, и неспасошася, но яты суть. Надѣемся же, яко и тыя скимны, или львята льва Шведскаго сущіи и въ крѣпчай-

(1) Т. 3. стр. 141—149.

шихъ логовищахъ своихъ, то есть въ Ригѣ, и въ Стокгольмѣ не скрьются и не удержатся предъ силою Царскою, данною отъ солнца Христа и преблагословенныя дѣвы Маріи.“

„Повѣдаютъ Историки, что левъ, когда крьется и отходитъ въ ложища своя или предъ ловцемъ уходитъ, то ошибомъ слѣдъ заметаетъ, да не познанъ будетъ: и сей левъ, Шведскій Король, аще и заметалъ слѣдъ свой, что невѣдомо гдѣ есть, обаче обрящется, будетъ въ рукахъ, явитъ его сіе наше солнце, всяко отъ свѣта явленна бываютъ, глаголетъ Христосъ.“

Въ другомъ мѣстѣ проповѣдникъ открываетъ, что Шведы, похожіе на львовъ, также очень похожи на „птицу, зовомую Кожанъ и подобную мыши, и которая ненавидитъ свѣтъ, но тьму любитъ и нощь и въ нощи летаетъ“ и т. д. (1).

Наконецъ вотъ что говоритъ Стефанъ о Петрѣ, въ присутствіи самаго Петра: „пресвѣтлый нашъ Монархо!.. Ты еси истинное правило вѣры и образъ, Ты еси воистинну Петръ

(1). Т. 3. стр. 250 — 260.

непреодолѣнный, камень вѣры прекрѣпкій. Всякъ падый на семъ камени сотрется.... Единъ только истинный подражатель Христовъ и пречистой Дѣвы Маріи есть благочестивый Государь нашъ Царь и В. Князь Петръ Алексѣевичь всея Россіи: въ немъ точію единомъ сія мудрствуются, яже и во Христѣ Іисусѣ и пречистой Матери Его.... Тѣмже за таковое Христово его смиреніе и послушаніе, еже къ Церкви Святѣй, за нюже и крови своея не щадитъ, за Давидову кротость, и Богъ его превознесе, и дарова ему имя Петръ, еже есть паче всякаго имени... Мысленный нашъ Орелъ, Царь Петръ Алексіевичь, не зажмуренными очами смотритъ выну на солнце предвѣчное Христа своего и на солнце и луну полную благодати пресвятую Дѣву Марію.... тожде и птенцамъ своимъ, людямъ своимъ Россійскимъ велитъ творити“ (1).

Заключимъ это обозрѣніе подробнымъ разборомъ двухъ словъ, составляющихъ одно длинное и многосложное аллегорическое построеніе, подъ названіемъ колесницы торжественной, четыреколесной. Въ этѣхъ двухъ словахъ стиль

(1) Т. 3. изъ разныхъ проповѣдей.

проповѣдей Стефана Яворскаго доведенъ до возможно рѣзкаго и полнаго выраженія.

Успѣхи Русскихъ противъ Шведовъ увѣнчались въ 1703 взятіемъ Шлиссельбурга. Петръ съ войскомъ своимъ на время возвратился въ Москву. По этому случаю Стефанъ Яворскій говорилъ слово, носящее слѣдующее замысловатое названіе: колесница торжественная, четырьми животными движима, отъ Ісзекіиля пророка видѣнная, на преславный же и всерадостный входъ въ Царствующій градъ Москву, непреодолѣнному враговъ поборнику, страшному брани сокрушающему громы, рыкающаго Шведскаго льва уста заграждающему, новому Даніилу, отеческаго достоянія своего неправедно восхищеннаго возвратителю, Всеавгустѣйшему Монарху и повелителю, Великодержавнѣйшему Государю нашему Царю и Великому Князю Петру Алексіевичу, всея Великія и Бѣлыя Россіи Самодержцу и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ Отчичо и дѣдичю, Государю и Обладателю и Повелителю: — по многихъ преславныхъ побѣдахъ и по плѣненіи удивительной крѣпости Слюшенбурга, или Орѣшка нарицаемой, торже-

ственнѣ возвращающемуся: — на новый годъ отъ Р. Х. 1703, художествомъ проповѣдническимъ уготованная (1).

Вступленіе составляетъ отдѣльное слово на текстъ: „обрѣзаху Его и нарекоша имя Ему Іисусъ. Лук. гл. 2.“

Проповѣдникъ спрашиваетъ, почему „даютъ Спасителеви нашему великое имя, великое титло: и нарекоша имя Ему Іисусъ, а при тѣхъ именахъ обрѣзаютъ Его, кровь изъ него источаютъ“ и отвѣчаетъ, что „намъ отсюду наука, да увѣдаемъ, яко высокое имя, великое титло не безъ страданія, не безъ терпѣнія, не безъ крове: кровію и страданіемъ преданныя суть великія имена, титлы и славы ни коея же не имутъ, аще иною купуются цѣною“. Эту мысль онъ подтверждаетъ примѣрами изъ исторіи и подобіями изъ природы неодушевленной. „Свидѣтельствуетъ о томъ же великоименитое Государство Россійское“ котораго „вся имяна и титла ни чернилomъ, ни киноваремъ, ни златомъ, ни желѣзнымъ характиромъ, ниже перомъ, но мечемъ въ крови омоченнымъ: ниже на хартіи

(1) Т. 3. стр. 140 и пр.

тлѣнію причастной, но на выяхъ непріятельскихъ, пачеже реку, въ книгахъ безсмертныя славы суть написана... Кровію сіе имя стяжася, кровію купися, отъ крове родися, кровію воспитася и возрасте кровію.“

Слѣдуетъ обращеніе къ Русскому войску: „похвала наша Россійская, прехрабріи воини; радуйтеся, веселитеся и торжествуйте православная и преславная Кавалерія Россійская... ваше то нынѣ празднество, ваша то при нышѣшнемъ Спасителевомъ обрѣзаніи слава. Изливаетъ кровь свою Кавалеръ небесный... Христосъ Господь Спаситель нашъ“.

Проповѣдникъ изъявляетъ свое намѣреніе „малымъ симъ скудоумія своего художествомъ прислужитися имъ, и Божіею помощію, тріумфальную имъ на въѣздъ составить колесницу“.

Здѣсь оканчивается вступленіе и начинается самое слово, слѣдующимъ образомъ: „только я начинаю помышляти о той колесницѣ тріумфальной, и се мнѣ предстаетъ предъ очами чудная колесница, Іезекіилемъ видѣнная, о ней же читаемъ въ пророческихъ книгахъ: и бысть рука Господня на мнѣ и видѣхъ, и се вѣтръ воз-

движеся и грядяше отъ Сѣвера, и облакъ великъ въ немъ, и свѣтъ окрестъ его. И огнь блистаяся, и посредѣ его яко подобіе животныхъ и подобіе лица ихъ: лице человѣческое, лице львово, лице тельчее, лице орлее. И видѣхъ, и се видѣніе колесъ четырехъ яко видѣніе Фарисъ на четыре страны. И колеса та бяху полна очесъ, и внегда шествоваху животная, шествоваху и колеса; егда стояху сіи, стояху и колеса: егда двизахуся отъ земли животная, двизахуся и колеса, яко духъ жизни бяше въ колесахъ."

„А о колесницѣ что глаголетъ Іезекіиль пророкъ: и видѣхъ на ней яко подобіе престола, и яко видѣніе сапфира, и образъ сына человѣческаго на немъ."

„Что ся вамъ мнитъ, слышателіе! Сія колесница изрядное, таинствъ преисполненное! Колесница мастерства не земнаго, но небеснаго."

Вслѣдъ за этимъ начинаются примѣненія.

Колесница, по толкованію Св. Отцевъ, знаменуетъ „государство, а наипаче благочестивое, православное, идѣже подобіе сына человѣческаго, то есть Христосъ Спаситель нашъ, и хвала Его

святая, благочестіе святое, проѣзжается и торжествуетъ и тріумфы творитъ.“

Проповѣдникъ узнаетъ въ этомъ Государствѣ Монархію, тривѣнечное Царство Московское.

Херувимъ, лице орлее имущій, знаменуетъ славу, стремленіе вверхъ. „Кто не вѣдаетъ орла высока быти птенца высокогнѣздящася, высоко летающа, въ высокихъ пребывающа... Сіе знаменіе орлее дѣдичное и родственное есть высокой Царской Монарховъ нашихъ Россійскихъ породъ... Что Царь, то орелъ въ высотѣ своей неудобозрительный, родъ Святъ, племя Божіе, фамилія начатокъ свой отъ самаго Бога имущая.“

Второй херувимъ, имѣющій лице львово, знаменуетъ мужество. „Звѣздочеты время жатвенное львомъ изобразили, и по ихъ разумѣнію безъ льва жатва быти не можетъ. А о Марсовой побѣдительной что возглаголемъ жатвѣ?.. Свидѣтельствуйте истиннѣ вы себѣ, которые духомъ Марсовымъ дыхаете, непреодолѣннїи Кавалери Россійстіи!... Не имѣли бысте такъ изобильнаго въ побѣдные лавры и финики процвѣтающаго жнива, аще не бы въ сердечномъ ва-

шемъ зодіакѣ яснѣло знаменіе льва, то есть мужества".

Третій херувимъ имѣетъ лице тельчее. Проповѣдникъ находитъ два свойства особенно достохвальныя въ тельцѣ: „яко яремъ на себѣ носитъ... яко пріятна Богу жертва." Тѣже свойства онъ приписываетъ воинамъ, и обращаясь къ нимъ, говоритъ: „простите ми храбріи воины, что васъ тельцами нареку, а тельцами не простыми, но херувимское имя отъ Іезекіиля пророка имущими... О коль тяжкій яремъ вы на себѣ носите терпѣливодушно, ждуще онаго неложнаго обѣтованія Христова: пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, тельцы прямы, тяжкое иго носящіе, и азъ упокою вы!.. А вѣстели, что есть смерть воинская? Жертва Богу пріятна, въ нейже тельцы закалаются" и пр.

Примѣненіе четвертаго херувима представляло большія трудности; но Стефана Яворскаго онѣ не смутили: „примѣтами только военными суть орлы, львы, тельцы, а естествомъ суть человѣцы. Но откуду познати ихъ человѣками, какая ихъ примѣта человѣческая: Іоаннъ Св. Евангелистъ повѣствуетъ о Христѣ

Спасителѣ Нашемъ: изыде Іисусъ нося терновъ вѣнецъ и багряну ризу, и рече Пилатъ: се человѣкъ! Что глаголеши беззаконный Пилате: сей ли есть человѣкъ весь въ ранахъ, весь въ крови, глава въ терніи, ризы кровію обагряны, очервлены? Не Пилатъ, но Духъ Святый во Евангеліи глаголетъ: се человѣкъ! Смотрите только прилѣжно. . . Се человѣкъ! иже между острыми мечами, копіями, аки между остроколющимъ терніемъ стоитъ неустрашенъ. Се человѣкъ, его же риза багряна, и червленица своей и непріятельской крови въ порфировиднемъ изъявляетъ образѣ.“

Все это какъ нельзя лучше идетъ къ воинамъ; „а за тѣмъ имате уже вся четыре животная четыреличныя, колесницу Божію, сію Православную Монархію движущая.“

Но этого мало; Стефанъ Яворскій открываетъ всѣ четыре лица въ одномъ лицѣ, въ Петрѣ Великомъ. „Вѣмы о томъ, яко въ единомъ лицѣ Христовомъ всѣ четыре Херувимы изобразуются. Христосъ Спаситель нашъ по наученію Отцевъ Святыхъ въ рождествѣ своемъ бяше человѣкъ: въ страданіи своемъ бяше те-

лецъ: въ воскресеніи своемъ бяше левъ: въ вознесеніи своемъ бяше орелъ. Сообразно и мнѣ лѣпо есть глаголати: въ единомъ Царскомъ лицѣ всѣхъ четыреличныхъ вижду херувимовъ.“

Онъ орелъ „по своему высокому благоразумію и остроумію“ и пр. Онъ левъ, по великодушію и мужеству. Проповѣдникъ отказывается отъ исчисленія дѣлъ Петровыхъ. Онъ умолкнетъ; но каменіе возопіютъ. „Каменіе же не иное только каменіе разрушенныхъ стѣнъ Казимерменскихъ, падшихъ столповъ Тованскихъ, изриновенныхъ забраловъ Азовскихъ, и пр. Самимъ паденіемъ своимъ поклонъ и подданство торжественнику своему изъявляютъ.“

Далѣе проповѣдникъ обѣщаетъ умолчать о взятіи фортеціи Шлюсельбургской; но представилась ему богатая игра словъ, которой онъ никакъ упустить не могъ. Онъ восклицаетъ: „о Орѣшекъ претвердый! Добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый Орѣшекъ. Бываетъ часто такъ твердый орѣхъ, яко нужда есть на сокрушеніе его каменя. Твердый былъ и сей орѣхъ, фортеца прекрѣпка... Зубовъ сей орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы

первѣе надобѣ было сокрушити, нежели орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не иный только о немъ же глаголетъ истина Христосъ: Петре! ты еси камень. Нынѣ же Снейтембургъ нарицается Слисемургбъ, то есть ключь городъ, а кому же сей ключь достался; Петрови Христосъ обѣщалъ ключи дати. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняетъ обѣщаніе Христово."

Далѣе, Петръ Великій уподобляется Іезекіи, Моисею, Геркулесу „оному кавалеру" и пр.

Петръ Великій „въ лицѣ тельчемъ" является, когда наровнѣ съ другими воинами, не уклоняясь ни отъ какихъ трудовъ, опасностей и лишеній, онъ носитъ бремя войны.

Остается показать лице человѣческое. „Евангельскій слѣпецъ, которому Христосъ Богъ отверзлъ очи, слышасте, что глаголетъ, у Марка Святаго: вижду человѣка яко древіе." Стефанъ Яворскій удерживаетъ это сравненіе и развиваетъ его: „первое, древо похваляемъ не отъ листвія, но отъ плодовъ, такъ человѣка оцѣняти подобаетъ" и пр. „Древо елико боль-

ше на себѣ имѣетъ плодовъ, толико паче къ земли есть преклоняемо: такъ человѣкъ, лице человѣческое по истинѣ носящій, елико большими отъ Бога есть почтенный дарами, толико паче ко всѣмъ есть преклонный, не гордится „и пр. Слѣдуетъ приложеніе этѣхъ свойствъ къ Петру Великому и обращеніе къ его сыну, Царевичу Алексѣю. Стефанъ Яворскій говоритъ о немъ: „не можетъ сынъ отъ себе творити ничесоже, аще не видитъ отца творяща: якоже бо отецъ творитъ, сія и сынъ такожде творитъ.... Я не творю себе пророкомъ: однакожъ и чрезъ осла Валаамова Господь Богъ древле глаголаше, тѣмже и азъ пророчествую о немъ, яко будетъ велій предъ Господемъ.“

„Продолжилъ я даже доселѣ слово мое о четыреличныхъ херувимахъ, а о колесницѣ ни слова; пора уже кончити продолженную проповѣдь, а жаль оставити, колесница изрядна. Что убо сотворю? Оставлю я сію колесницу на будущія, дастъ Богъ побѣды“ и пр.

Слово оканчивается молитвою: благодареніемъ за побѣды и благоденствіе ниспосланное въ 1702 году и прошеніемъ продолженія тогоже на лѣто наступившее.

Славенъ былъ и этотъ годъ, славно и начало 1704. Русскіе взяли Дерптъ и Нарву, и Петръ Великій снова побѣдителемъ возвратился въ Москву. Стефанъ Яворскій сдержалъ свое слово „обѣтъ свой исполнилъ, и не съ колесничнаго ряду, но съ Библіи отъ книгъ Іезекіиля Пророка, выкатилъ колесницу четырехколесную. „(1) Четыре колеса знаменуютъ четыре сословія. Первое колесо многоочитое образуютъ князья, бояре и вельможи. Второе — воины. Третье — духовенство. Четвертое и послѣднее колесо есть чинъ людей простонародныхъ. „Скрыпливое то колесо, никогда же тихо не умѣетъ ходити: всегда скрыпитъ, всегда ропщетъ. Наложатъ какое тяжало, то и станетъ скрыпѣти. Слушай же мое скрыпливое колесо то!“ и пр.

Далѣе проповѣдникъ говоритъ о необходимости взаимнаго согласія колесъ между собою и подчиненія ихъ волѣ управляющихъ херувимовъ: „проѣжжайся дражайшій Спасителю нашъ на сей твоей колесницѣ полковъ нашихъ... и аще видиши ю въ прегрѣшеніяхъ и нестроеніяхъ быти Фараоновою телегою, измѣни ю... въ Іезекіилеву колесницу“.

(1) Т. 3. стр. 185 и пр.

Въ заключеніе, Стефанъ Яворскій отыскиваетъ счастливыхъ предзнаменованій въ литерѣ Д (добро), означающей наступившій четвертый годъ восьмаго столѣтія.

Намъ слѣдовало бы теперь говорить о слогѣ и языкѣ; но характеръ того и другаго достаточно усматривается изъ приведенныхъ нами отрывковъ. Намъ остается только напомнить впечатлѣніе, которое они производятъ, и заключить его въ форму сужденія. Слогъ Стефана Яворскаго напыщенъ, цвѣтистъ, начиненъ метафорами, повтореніями, восклицаніями, вопрошеніями, и пр. Конструкція довольно проста и немногосложна; но періоды бываютъ длинны, вслѣдствіе избытка прилагательныхъ.

Языкъ: Церковно-славянскій, довольно чистый и правильный. Когда изъ торжественнаго тона рѣчь переходитъ въ тонъ простаго разговора, тогда Церковно-славянскій языкъ уступаетъ Русскому. Нѣкоторыя, въ то время насильственно введенныя, иностранныя слова попадаются довольно часто: фортеца, кавалеръ въ смыслѣ воина, коллюрія, и пр. Встрѣчаются

также слова Малороссійскія н. п. пекло, пекельный, неоскорбанный (1)

Эта пестрота языка и неровность въ тонѣ напоминаетъ смѣшеніе языка Латинскаго съ народными діалектами въ Макаронизмѣ.

Вообще должно замѣтить, что хотя языкъ XVII и XVIII ст. значительно разнится отъ языка предшествовавшихъ столѣтій и представляетъ много новаго и страннаго, но подробнаго изученія онъ не стоитъ. Это не моментъ органическаго развитія самого языка, подчиненнаго своимъ законамъ; а искаженіе, совершенно случайный, въ отношеніи къ языку, наплывъ элементовъ для него чуждыхъ, насильственное введеніе стихій самыхъ разнородныхъ. Не въ исторіи языка, а въ исторіи политической, въ указахъ Петра, должно искать на это объясненія.

Окончивъ характеристику Стефана Яворскаго какъ проповѣдника, мы должны предварить

---

(1) Вѣроятно, подобныхъ словъ въ проповѣдяхъ Стефановыхъ было гораздо болѣе; ибо по словамъ Митр Евгенія, онѣ были исправлены. Сл. Дух. Писат. Т. 2. Ст. Яв.

обвиненіе, которое вѣроятно падетъ на насъ. Преданіе XVIII стол. почтило Стефана Яворскаго славою великаго проповѣдника и поставило его на ряду съ Димитріемъ Ростовскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Результатъ же нашего изслѣдованія нетолько не оправдываетъ этого преданія, но даже противорѣчитъ ему. Поэтому очень естественно могутъ упрекнуть наше сужденіе въ односторонности, сказать, что мы выставили одни недостатки, одну темную сторону. Упрекъ съ виду справедливый. Можно бы привести много такихъ проповѣдей, въ которыхъ исчисленные нами недостатки встрѣчаются не въ той рѣзкости, или даже вовсе не встрѣчаются. Но объ этѣхъ лучшихъ проповѣдяхъ сказать нечего, какъ только то, что въ нихъ мы не видимъ обыкновенныхъ недостатковъ; положительнаго достоинства въ нихъ также нѣтъ; онѣ совершенно безхарактерны.

Темная сторона проповѣдей Стефана Яворскаго составляетъ ихъ сущность, и вотъ почему мы говорили о ней почти исключительно. Она принадлежитъ не одному Стефану Яворскому какъ лицу, а цѣлой школѣ, изъ которой онъ вышелъ. Вліяніе этой школы, развившейся подъ

авторитетами католическаго Запада, отразилось въ богословскихъ мнѣніяхъ Стефана Яворскаго, вообще во всей его дѣятельности и въ его проповѣдяхъ. Оно положило на него тотъ отпечатокъ, который составляетъ его существенное опредѣленіе. Вотъ чѣмъ оправдывается односторонность нашей характеристики.

Наконецъ должно сказать, что если Стефанъ Яворскій, не смотря на то, что онъ подражалъ западнымъ проповѣдникамъ, избѣгнулъ тѣхъ крайностей, въ которыя они впадали; то приписать это должно не столько собственной силѣ его природнаго дарованія, сколько благодѣтельному, хотя въ этомъ случаѣ болѣе отрицательному вліянію духовныхъ писателей нашей Церкви.

Ученая и искусственная проповѣдь XVII стол., развившись по отвлеченнымъ правиламъ и въ отчужденіи отъ современной жизни, разумѣется, не могла имѣть на нее никакого вліянія; а между тѣмъ, болѣе нежели когда нибудь, жизнь нуждалась въ проповѣди.

Періодъ исключительной національности клонился къ своему разрѣшенію; старый бытъ

разваливался по частямъ. Авторитетъ преданія, безпредѣльное уваженіе къ убѣжденіямъ дѣдовъ и отцевъ, это начало, которое давало древней жизни Русскаго народа единство, крѣпость, непроницаемость и вмѣстѣ осуждало ее на неподвижность, оказывалось безсильнымъ. Многое измѣнилось само собою противъ стараго порядка; а какъ скоро измѣнилось что нибудь, могло измѣниться все; ибо все прежнее безъ исключенія было равно дорого народу, все освящалъ авторитетъ преданія и недопускалъ никакого выбора. Образовались двѣ партіи равно односторонніе. Одна изъ нихъ стояла упорно за все старое, потому только, что оно было старое. Церковь осудила въ ней суевѣріе, осудило ее государство и вся современная жизнь, сама собою, безсознательно, принявшая много чуждыхъ элементовъ. Другая партія все старое отвергала, отрекаясь въ тоже время отъ преходящаго и отъ неизмѣннаго, вѣчно истиннаго, и увлекалась страстнымъ порывомъ къ подражанію. Обѣ партіи безсознательно трудились надъ рѣшеніемъ великой задачи, только въ наше время представшей во всей ясности; эта задача — возведеніе національныхъ элементовъ на степень общечеловѣческихъ.

И такъ, съ одной стороны, господствовалъ грубый формализмъ и суевѣріе, а съ другой грозило невѣріе, тѣмъ болѣе опасное, что съ нимъ совпадало западное, протестантское движеніе. Тяжелое время наступило для Церкви; трудная и высокая обязанность легла на ея представителей — бороться въ одно время съ двумя противоположными направленіями.

Послѣдствія этого порядка дѣлъ быстро обнаружились. Паденіе народной нравственности, частые мятежи поразили Петра Великаго и навели его на корень общественнаго недуга.

Для его проницательнаго ума было ясно, что благоденствіе государства условлено народною нравственностію, а нравственность можетъ процвѣтать только на почвѣ религіи. Вспомнимъ слова его, такъ вѣрно выражающія взглядъ его: „хулителей вѣры наказывать строго: они наносятъ стыдъ государству и не должны быть терпимы, поелику подрываютъ основаніе законовъ, на которыхъ утверждается клятва, или присяга и обязательство“ (1). Петръ Великій предпи-

(1) Голик. т. 3.

салъ духовенству заботиться въ особенности о развитіи въ народѣ религіозно-нравственнаго чувства, объ уясненіи нравственныхъ законовъ въ ихъ непосредственномъ примѣненіи къ практической жизни. Разумѣется, главнымъ орудіемъ при этомъ была проповѣдь. Проповѣдь получила съ точки зрѣнія Петра Великаго новое значеніе и огромную важность — для государства.

Но взглядъ Петра на религію былъ односторонень. Онъ понималъ ее только въ ея необходимости для государства, въ той очевидной пользѣ, которой онъ ожидалъ отъ нея, а не въ ея самобытности, какъ полный живой организмъ; и потому самая проповѣдь получила для него значеніе служенія не столько Церкви, сколько государству. Въ этомъ отношеніи, требованія его были протестантскія, и направленіе, которое онъ давалъ проповѣди, отзывалось протестантскою односторонностью.

Въ тоже время совершалась въ области церковнаго ученія реформа, долженствовавшая также имѣть сильное вліяніе на духовное краснорѣчіе: Ѳеофанъ Прокоповичъ, основатель осо-

бенной школы въ богословской наукѣ, сильно возсталъ противъ вліянія католическихъ преданій, вкравшихся въ нашу Церковь и ревностно трудился надъ ихъ искорененіемъ. Въ этомъ критическомъ трудѣ онъ руководствовался однимъ писаніемъ и личнымъ разумомъ. Отъ проповѣди онъ требовалъ обличенія предразсудковъ и суевѣрій и преподаванія основныхъ догматовъ Христіанства, всѣмъ доступнаго, яснаго и подкрѣпленнаго текстами. Онъ особенно предостерегалъ противъ произвольныхъ, натянутыхъ толкованій, противъ обычая, мимо прямаго смысла, искать аллегорій и символовъ, и предписывалъ строго держаться буквальнаго смысла.

Направленіе Ѳеофана Прокоповича, также односторонное, совпадало съ мыслью Петра. Петръ Великій предписалъ проповѣди имѣть въ виду практическую пользу; Ѳеофанъ допустилъ въ ней методъ личнаго изслѣдованія текстовъ.

Само собою разумѣется, что ни того ни другаго не удовлетворяла школа XVII ст. Ѳеофанъ Прокоповичъ во многихъ случаяхъ нападалъ на нее, рѣзко осуждалъ обычай подражать

писателямъ западнымъ и наконецъ издалъ наставленіе для проповѣдниковъ.

Разсмотримъ сперва что сдѣлалъ Ѳеофанъ Прокоповичь для теоріи.

Въ prolegomena (cap. X. de sacræ scrip. legitima interpretatione) къ своей богословской системѣ онъ жарко возстаетъ противъ современныхъ ему Іезуитскихъ проповѣдниковъ: „errorem hunc (sacram scilicet scripturam vagum quoddam, anceps, obscurum et non necessarium scriptum esse) confirmabat abusus concionatorum, qui nihil non detorquent, ad quod volunt. Audis enim apud Pontificios Scripturæ testimonia, incredibili sane licentia, modo huc, modo illuc rapi trahique; exemplo unum aut alterum sit: agebat quidam rabula adversus peccatum libidinis; appellavit ergo fornicantes viros equos et asinos, mulieres vero fœnum; et adduxit Scripturam: omnis inquit caro fœnum est. Alius Christi parabolam de divite homine, cui ager fœcundus factus, quique ob id ipsum minora demoliri, et excitare ampliora horrea meditabatur, totamque fiduciam suam in penu sua recondebat, ita accepit: ut per illum divitem Deum ipsum denotaret; agrum seu

segetem fertilem virtutes B. Virginis; ipsam B. Virginem vocavit horreum, quod aiebat, Deus per mortem destruit, ut amplius œdificet. Innumerabilia ejusmodi sterquilinia reperies in multis sermonariorum libris, apud Carthagenam, Didœum Nyssenum et alios; ac prœcipue apud omnium rabularum principem, omniumque ineptiarum publicum monopolam, Mlodzianovium Iesuitam Polonum. Causa tanti mali est, quod boni illi magistri non serium sacræ Scripturæ studium habuerint; neque Christum, sed se ipsos prœdicare instituerint, quanquam hoc pacto se ipsos quoque male vendant, cum nisi apud imperitos et idiotas, eloquentiæ nomen mereri nequeant: non ergo quidquam pensi habebant, hoc an illud significet aliqua Scripturae sententia; modo utcunque illam ad rem suam detorquerent. Estque eorum hœc ratio, facundas scilicet conciones suas farciendi. Sumitur codex Scripturæ, et una ipsius amplissimus ille index: Concordantiæ Biblicæ dictus; reperit ibi mox Doctor vocabulum rei suæ et percurrit longum tractum sententiarum, in quibus id ipsum vocabulum invenitur, observatque, num ad rem suam sententia aliqua trahi possit, et quam posse judicat, trahit.“

Нѣсколько ниже, читаемъ слѣдующее: „absit levitas, absit prurigo, dicam, an libido quasdam subtilitatulas venandi, et quærendi, ut aiunt, nodum in scirpo. His enim morbis qui laborant, primo non scrutantur Scripturæ sententiam, sed quidnam ex ipsa mirabile et inexpectatum eruere possint, sollicite meditantur. Deinde vix verum sensum admittunt, si non fuerit visus illis monstrosus et inepto mysterio carens: unde illud, v. gr. Petra refugium herinaceis, vel, ut nos legimus, leporibus, si accipiæs simpliciter, non admittent, imo risu explodent. Præterea singulas etiam voculas et dicta explicatione non indigentia explicant, torquent, mysteria habere dicunt, et miserum in modum excarnificant: ita laudatus supra Mlodzianovius Iesuita dictum illud Genes. 11, 15. Julit ergo Dominus hominem et posuit eum in paradiso voluptatis mire divexat verbum: tulit, explicando, vel potius implicando; et inde ostendit hominem non posse ad virtutes pervenire, sed opus habere, ut feratur. Quod quidem verum est, sed non ex isto dicto docetur. Alius Iesuita Thomas Le Blanc in illo Psalmo XXXI, 10. Quoniam tu es qui extraxisti me de ventre, mysterium effodit in voce: extraxisti: noluit, inquit Christus exire ex ventre matris suæ

sanctissimæ, et adeo ipsi placuit viscerum Virginis domicilium, ut non sponte inde prodierit, sed opus fuerit, ut extraheretur. Et Carthagena Franciscanus immaculatam fuisse Beatæ Virginis conceptionem ait testari clarissime sacram Scripturam in toto Psalm. LXXXIV. Et innumerabilia talia quivis poterit numerare. Non defuit illis ingenium, sed defuit sal ingenii, defuit judicii gravitas et constantia."

Мы видѣли, что проповѣди Стефана Яворскаго нечужды этихъ пороковъ.

Въ Духовномъ Регламентѣ отдѣльная статья трактуетъ о проповѣдникахъ слова Божія. Въ ней заключаются слѣдующія „полезныя регулы:

„1. Никто же да дерзаетъ проповѣдать, не въ сей Академіи (въ предполагаемой) ученый, и отъ Коллегіума духовнаго не свидѣтельствованный. Но если кто учился у иновѣрцовъ, тотъ бы явилъ себе прежде въ духовномъ Коллегіумѣ, и тамо его испытать, какъ искусенъ въ Священномъ Писаніи: и слово бы сказалъ о томъ, о чемъ ему повелитъ Коллегіумъ, и есть ли искусенъ покажется, то дать ему сви-

дѣтельство, что аще похощетъ быть въ чину священническомъ, мощно ему проповѣдывать.“

„2. Проповѣдали бы проповѣдники твердо, съ доводовъ Священнаго Писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бъ суевѣріе, вкореняли бъ въ сердца людская страхъ Божій. Словомъ рещи: испытовали бъ отъ Священнаго Писанія, что есть воля Божія, святая, угодная и совершенная; и тобъ говорили (1).“

---

(1) Въ дополненіе къ этой статьѣ должно взять статью, помѣщенную въ концѣ IV час. сочиненій Ѳ. П. подъ заглавіемъ: Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу Христіанскому проповѣдати долженъ, и пр.

Этѣ вещи и дѣла раздѣлены на общія, (о Богѣ, о свойствахъ Божіихъ, о истиннѣ Христіанскаго исповѣданія, о грѣхопаденіи, искупленіи, и пр.), содержащія въ себѣ довольно полное оглавленіе Христіанскаго ученія о вѣрѣ и о дѣлахъ. Замѣчательно, что о Церкви даже не упоминается.

Частныя (о господствующихъ порокахъ: ложной милостынѣ, пьянствѣ, лицемѣріи, ненавидѣніи иноземныхъ людей; о должностяхъ всякаго

„3. О грѣхахъ во обществѣ говорить, а неименовать кого, развѣ былъ бы публикованъ отъ всея Церкве.“

„4. Обычай нѣкіимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣвитъ, на проповѣди своей мстить оному, хотя не имянно, терзая славу его, обаче такъ говоря, что можно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть: а таковые проповѣдники, самыи бездѣлники суть, и оныхъ бы жестокому наказанію подвергать.“

чина и званія: мужей, женъ, родителей, дѣтей, господъ, рабовъ, судей, воиновъ, и т. д.)

„Ко всему этому прибавлено: притяжаніе, состоящее изъ четырехъ статей. Выписываемъ двѣ послѣднія:

„Не дѣлать въ праздники увѣщанія народу, чтобъ мѣсто оное, гдѣ праздникъ, подаяніемъ снабдѣвали: то бо есть безстудіе, и лицу учительскому аки бы струпъ мерзскій и силу проповѣди истребляетъ.“

„Однако же есть ли прямая нѣкая мѣста того есть нужда, а исправить ея скудость не допускаетъ, то по окончаніи проповѣди, особливымъ умѣреннымъ голосомъ и простыми рѣчами, мощно народу предложить о нуждѣ, дабы что кому Богъ на сердцѣ положитъ, благоволили по доброхотству своему милость явити.

„5. Не пригоже велми проповѣднику, наипаче юному, говорить о грѣхахъ властительски, или обличителнѣ къ лицу слышателей, такъ на примѣръ: не имѣете страха Божія, нѣтъ у васъ любве ко ближнему: не милосерди есте, другъ друга обидите. Но долженъ паче въ первомъ лицѣ, во множественномъ числѣ такъ говорить: не имѣемъ страха Божія, и пр. Ибо сей образъ слова кроткій есть, понеже и самъ проповѣдникъ въ число грѣшниковъ мѣшаетъ себе, какъ то и самая истина есть, много бо согрѣшаемъ вси.“

„6. Долженъ всякъ проповѣдникъ имѣти у себе книги Святаго Златоустаго, и прилѣжно чести оныя; ибо тако пріобучится складать чистѣйшее и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоустому равное. А Казнодѣишковъ легкомысленныхъ, каковые наипаче Полскіе бываютъ, не челъ бы.“

„7. Аще проповѣдникъ видитъ отъ слова своего въ народѣ пользу, да не хвалится тымъ. Аще же не видитъ, да не сердитуетъ, и людей за сіе да не поноситъ. Дѣло ихъ есть говорить, а обращеніе сердецъ человѣческихъ дѣло Божіе есть.“

„8. Безумно творятъ проповѣдницы, которые брови своя поднимаютъ, и движеніе раменъ являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются (1). Но благоразумный учитель елико мощно да тщится, и словомъ, и всего тѣла дѣйствіемъ таковаго себе показовать, что онъ ниже помышляетъ о своемъ остроуміи, или краснорѣчіи. И того ради часто подобаетъ мѣшать краткія оговорки, съ смиреннымъ нѣкіимъ самаго себе пониженіемъ. Напримѣръ: молю вашу любовь, да не смотрите кто глаголетъ: что бо самъ о себѣ засвидѣтельствовать могу вамъ, развѣ яко грѣшенъ есмь, вѣруйте слову Божію, ибо отъ писаній священныхъ, а не отъ моего вымысла предложить потщуся, и симъ подобная.

„9. Не надобно проповѣднику шататься вельми ,будто въ суднѣ весломъ гребетъ. Не надобно руками спляскивать, въ боки упиратися, подскакивать, смѣятися, да не надобѣ и рыдать. Но хотя бы возмутился духъ, надобѣ елико мощно унимать слезы, вся бо сія лишняя, и неблагообразна суть, и слышателей возмущаютъ.“

(1) Не критика ли это на Стефана Яворскаго?

„10. По словѣ, аще лучится въ гостяхъ быть, или въ какихъ ни есть бесѣдахъ съ людьми, не подобаетъ проповѣднику воспоминать о словѣ своемъ, и не точію слова своего хвалить, что есть великое безстудіе: но и не охужать самохотнѣ, ибо покажется, что онъ къ похвалѣ слова своего таковымъ способомъ поощряетъ прочихъ. А хотябъ кто и сталъ хвалить слово его, то прововѣдникъ долженъ показать на себѣ, что ему слышать то стыдно, и всячески отводить отъ похвалъ, и заводить иную бесѣду.“

По этѣмъ правиламъ Петръ Великій и Ѳеофанъ Прокоповичь имѣли намѣреніе обучать монаховъ и упражнять ихъ въ проповѣданіи, въ предполагаемомъ училищѣ при Александроневской Лаврѣ (1).

И такъ Ѳеофанъ Прокоповичь началъ противодѣйствіе противъ школы XVII ст. Онъ осуждалъ ее за подражаніе западнымъ писателямъ, за отчужденіе отъ жизни, за драматическое изложеніе. Онъ далъ духовному краснорѣчію новое направленіе, и положилъ ему въ основаніе слѣду-

(1) См. Пол. Соб. закон. Т. VII. Указъ отъ 1724, Генв. 20. Опред. 2. Стат. 4, 5, 6.

ющее правило: „испытовали бъ (проповѣдники) отъ Священнаго писанія, что есть воля Божія и то бъ говорили.“ Но, при допущенномъ имъ правѣ личнаго истолкованія, при его односторонемъ понятіи объ откровеніи писанномъ, это новое направленіе легко могло уклониться въ крайность протестантскую.

Теперь обратимся къ собственнымъ произведеніямъ Ѳеофана Прокоповича и будемъ говорить сначала о проповѣдяхъ въ строгомъ смыслѣ.

Проповѣди Ѳеофана Прокоповича значительно разнятся отъ произведеній прежней школы и во многихъ отношеніяхъ гораздо ихъ выше.

Даже на первыхъ его проповѣдяхъ, читанныхъ имъ въ Кіевѣ, лежитъ отпечатокъ совершенно новаго стиля (1).

Во первыхъ, много значитъ отсутствіе обыкновенныхъ въ то время недостатковъ. Въ развитіи основной мысли нѣтъ натяжки; нѣтъ усилія отыскать чего нибудь неожиданнаго, новаго и

(1) Ѳеоф. Прок. слова и рѣчи и пр. Час. III. изд 1765 г.

труднаго; рѣже попадаются неумѣстныя повѣствованія и цитаты; описаній, аллегорій, символическихъ образовъ и риторическихъ фигуръ гораздо менѣе. Драматизма и элемента комическаго почти вовсе не встрѣчается. Наконецъ изложеніе очищено отъ всего грубаго, рѣзкаго, оскорбительнаго.

Избравши текстъ догматическій, нравственный или историческій, Ѳеофанъ Прокоповичь всегда обнимаетъ его во всей полнотѣ, углубляется въ его прямой смыслъ и строго его придерживается, безъ всякихъ уклоненій въ стороны. Раздѣленіе слова на части обыкновенно бываетъ просто, не многосложно и условливается самимъ содержаніемъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Слово о ненавидѣніи грѣха, въ недѣлю 29 (1), на повѣствованіе о десяти прокаженныхъ, начинается слѣдующимъ образомъ: „Слушая съ разсужденіемъ нынѣшнюю Евангельскую повѣсть, кто не видитъ, коль великая и грубая неблагодарность была тѣхъ девяти прокаженныхъ, кото-

(1) Т. 3. ол. 22.

рыхъ исцѣлилъ Христосъ. Равно всѣ благодѣянія получили, а только одинъ изъ нихъ возвратился съ благодареніемъ. Далъ бы Богъ чтобъ и съ нами не дѣлалося тоже! Слышателіе благочестивыи. Въ великомъ множествѣ не давно мы ко исповѣди Святой приступали; всѣ, уповаю, якоже совершенно о грѣхахъ своихъ жалѣли, тако и совершенную сію Святыхъ таинъ получили силу и дѣйствіе, исцѣлены отъ скверной проказы грѣховной; однако не вѣдаю, всѣ ли надлежащее воздаютъ благодареніе всемогущему Богу за полученную милость и щедроту. Вѣрно можетъ быти, что много есть такихъ, которыи десяти прокаженнымъ подобни суть: а всякъ есть сицевый, иже, пребывъ время спасенія, помышляетъ, что время распутно жити настало, опять Бога Вседержителя раздражати волно. Чѣмъ бы слѣпоту сицевую отъ очію нашею отъяти, самъ точію вѣсть совершенный врачь душъ нашихъ; однако много надѣюсь поможетъ, когда разсудимъ, коль великое есть Божіе милосердіе, человѣка отъ грѣха свободити, а сіе самое лучше всего узнати можно, ежели разсмотримъ коль тяжкій души недугъ есть грѣхъ смертный. Ибо такъ разсуждаю, не иное что и прокаженному подало поводъ ко благодаренію, только то, что

вѣдалъ, коль тяжка была его болѣзнь, отъ которой исцѣлилъ его Христосъ сынъ Божій". Слѣдуетъ разсужденіе о мерзости грѣха въ отношеніи къ самому себѣ, о его заразительной силѣ, и пр.

Изъ этого отрывка мы узнаемъ, каковъ первый пріемъ Ѳеофана. Онъ приступаетъ къ дѣлу прямо, безъ околичностей, и съ первыхъ словъ прилагаетъ текстъ къ своимъ слушателямъ.

Замѣчательно также слово о великомъ дѣлѣ Божіи, сіе есть о обращеніи языковъ проповѣдью Апостольскою, въ день Святыхъ Апостолъ Петра и Павла (1).

Вотъ начало: „Ащебы кто весьма невѣдущій Хрістіанскія Исторіи пришелъ къ намъ въ день сей, и видя свѣтлое и торжественное прославленіе святыхъ и всехвальныхъ Апостолъ, вопрошалъ бы человѣчески о нихъ: кто и каковы были? воистинну не обрѣтая ни единыя вины, которыми въ мірѣ семъ пріобрѣтается слава, изумѣлся бы недоумѣваяся, чесо ради мужіе сіи толикую у насъ имѣютъ славу. Вопросилъ бы о благородіи ихъ и услышалъ бы, что были худородніи: вопросилъ бы о ихъ бо-

(1) Т. II, Сл. 2.

гатствѣ, и услышалъ бы, что не токмо сами не имѣли ничего, но и такому господину служили, который не имѣлъ гдѣ главу приклонити: вопросилъ бы о чести сана ихъ, и получилъ бы отвѣтъ, что единъ былъ рыболовъ, а другій шатры дѣлалъ для препитанія своего: вопросилъ бы о силѣ, и сказано бы ему, что ихъ какъ злодѣевъ нѣкіихъ гонили, вязали, били и убили.

„Изумѣлся бы любопытный, чесо ради толико у насъ славни... и нужда была бы сказывати какое и коликое дѣло Богъ совершилъ чрезъ нихъ... Проповѣданіе Евангелія міру, и имъ совершившееся обращеніе языковъ ко Христу, есть то дѣло Божіе чрезъ Апостолы содѣланное....“

Опредѣливши тему проповѣди, Ѳеофанъ развиваетъ ее слѣдующимъ образомъ.

Апостолы проповѣдывали ученіе противоположное религіознымъ вѣрованіямъ, понятіямъ и нравамъ своего времени.

Они не употребляли никакихъ внѣшнихъ средствъ.

Напротивъ того, ученость, искусство и матеріальная сила были на сторонѣ язычниковъ.

Не смотря на то, проповѣдь апостольская разошлась по всему міру и язычество пало.

Нельзя не признать въ чудесномъ распространеніи Христіанства великаго дѣла Божія.

Раздѣленіе слова основано на развитіи самой мысли. Тоже самое можно сказать почти о всѣхъ проповѣдяхъ Ѳеофановыхъ.

Слѣдуя правилу, имъ самимъ утвержденному, Ѳеофанъ Прокоповичъ заимствуетъ доказательства почти исключительно изъ Священнаго писанія; каждая мысль замыкается у него текстомъ. Историческіе примѣры, сравненія и уподобленія встрѣчаются рѣдко. Обыкновенно онъ старается объ одномъ: доказать согласіе своей мысли съ текстомъ. При объясненіи текстовъ, онъ приводитъ параллельныя мѣста, сравниваетъ однѣ съ другими, опровергаетъ возможныя возраженія, придерживаясь постоянно буквальнаго смысла (1), толкуя Писаніе изъ самаго Писанія.

---

(1) Какъ понималъ Ѳеофанъ Прокоповичъ буквальный смыслъ, см. въ богослов. системѣ prolegomena, cap. X. de sensibus S. Scripturæ.

Этотъ методъ даетъ нѣкоторымъ изъ проповѣдей его большое сходство съ учеными протестантскими трактатами. Таковы: слово о множествѣ осужденныхъ (1), слово въ день Св. Апостолъ Петра и Павла первое (2) и второе (3).

Художественный элементъ въ проповѣдяхъ Ѳеофана Прокоповича мало развитъ. Даже обыкновенныя риторическія фигуры Ѳеофанъ употребляетъ умѣренно. Его изложеніе отличается ясностью, точностью, опредѣлительностью. Онъ воздерживается отъ украшеній, не содержащихъ въ себѣ ничего поучительнаго. Тонъ его проповѣдей ровенъ, часто сухъ и однообразенъ; иногда ощутительно бываетъ присутствіе живаго чувства, но почти всегда сосредоточеннаго, сдержаннаго и никогда не доходящаго до сильнаго порыва. Возьмемъ два отрывка на выдержку: изъ слова въ недѣлю 23 ю (4): „ежели когда просто говорится о Божіи присутствіи, то можетъ быти нѣкоторымъ покажется сіе малая вещь; но когда ты живо въ мысляхъ своихъ

(1) Т. 3. сл. 23.
(2) Т. 2. сл. 17.
(3) Т. 3. сл. 2.
(4) Т. 3. сл. 19. стр. 274.

представиши, что Богъ при тебѣ присутствуетъ, всякая и малѣйшая твоя дѣла и поступки наблюдаетъ, изслѣдуетъ вся стези твоя, яко же писано есть: стезю мою и уже мое ты еси изслѣдовалъ: когда сіе, глаголю, представиши въ мысляхъ своихъ живо и ясно, то не можно отъ страха не вострепетати, а о грѣхѣ и не помыслити. Извѣстныя сему опыты видимъ почти всегда, естьли когда или громъ страшный слышенъ, или землетрясеніе бываетъ, или какое либо чудо въ очахъ нашихъ сдѣлается. Какій тогда страхъ нападаетъ на человѣка! Я такъ непремѣнно думаю, что въ оно время не согрѣшитъ никтоже: а причина тому не иная какъ только сія, что сіи вещи приводятъ намъ на мысль присутствіе Божіе.“

Изъ слова о множествѣ осужденныхъ (1): „Святый Іоаннъ Златоустый говоря проповѣдь ко Антіохійскому народу, послушайте, коль страшное изрекъ опредѣленіе: много ли, вы думаете, находятся въ нашемъ градѣ, которыи спасутся? непріятная во истинну вещь, которую я хочу сказати, однако скажу. Едва могутъ

(1) Т. 3, сл. 23 стр. 300—302.

изъ толикихъ тысящей выбратися сто, которыи спасеніе получатъ. Но и о тѣхъ сомнѣваюся; ибо коль великая злоба вкоренилася во младыхъ, коль великое нерадѣніе въ старыхъ, нѣтъ ни единаго, который бы о семъ имѣлъ попеченіе. Не вѣдаю какъ кого другаго, а мене едва и не до отчаянія приводятъ сія слова, когда я прилѣжно оная размышляю. Не могль такъ великій учитель, не разсудя прежде въ тонкость, что только на мысль ему пришло, толь необиновенно глаголати, а наипаче въ толь важномъ дѣлѣ: конечно онъ прежде рачительно позналь и разсмотрѣлъ всю Антіохію, всѣ обычаи, всѣ нравы и дѣла людскія. И какъ обыкновенно, когда споръ бываетъ во счисленіи, ежели малое число хочемъ показати, для большей вѣрности считаемъ такъ, какъ бы наиболшее быти могло, много святый Златоустъ, сказавши сто, конечно въ себѣ размышлялъ, что едва есть и пятьдесятъ. Ежели же въ томъ градѣ, гдѣ въ то время толь много и толь часто покаянія проповѣдникъ вопіялъ ежедневно, въ томъ градѣ, въ которомъ много примѣровъ всегда новыхъ святостію просіявшихъ мужей и слышати и видѣти можно было отъ окрестныхъ монастырей и пустынь; въ томъ градѣ, въ ко-

торомъ и самое Хрістіанъ имя сперва услышалось, и не малое побужденіе людямъ подавало къ добрымъ дѣламъ, а наипаче во времена не застарѣлыя, въ полчетверта ста лѣтъ отъ Рождества Хрістова, едва едино сто могло собратися избранныхъ въ толь великомъ множествѣ: ибо во Антіохіи считалось тогда со сто тысящъ жителей и болѣе: о плачевнаго нещастія нашего! что думати должно о нынѣшнихъ, когда застарѣлъ міръ во злобѣ, когда многіи помышляютъ, что уже тѣ минули, а теперь не тѣ уже настали времена, чтобъ о спасеніи пещися; когда искоренена любовь; не видно добрыхъ примѣровъ; престали духовныя поученія; горячность и ревность ко благочестію, аки мразомъ нѣкіимъ поражена, оледенѣла; когда и самыи мальи дѣти великія грѣхи дѣлати умѣютъ, а и старые неумѣютъ принести покаянія; когда напослѣдокъ едва не всѣ люди неслыханными беззаконіями противу Духа Святаго согрѣшаютъ: одни здравому ученію не вѣрятъ, хотя обманути совѣсть свою; другіи раздражаютъ Бога, надѣяся на милосердіе его; иныи на подобіе въ конецъ отчаянныхъ все стараніе и попеченіе о спасеніи своемъ отложили, или лучше сказати бросили. О коликая се пагуба! коль великое, а подлинно

неминуемое паденіе человѣческаго рода! не знаю, что бы здѣ сказалъ Златоустый! не примѣнилъ ли бы словъ своихъ не ко одному только городу, но ко всему міру, то есть, что во всемъ мірѣ теперь развѣ только сто сыщется, которыи не будутъ на вѣчную казнь осуждены.

Не горестная ли сія вѣдомость? не тяжестное ли и непротивное уму нашему размышленіе? Пишетъ Иродотъ о славномъ оном Царѣ Персидскомъ Ксерксѣ, что шествуя съ безчисленнымъ воинствомъ на Грецію, восхотѣлъ смотрѣти на все оное войско съ высокаго нѣкоего мѣста. Коей ради причины на возвышенномъ холмѣ поставлены ему были пребогатыя и великолѣпныя креслы, откуда Ксерксъ увидѣвши весь Еллиспонтъ кораблями покрытый, всѣ брега морскія, сколь далеко зрѣніе его простиралось, воинствомъ занятыя, сперва, какъ говоритъ писатель, возвеселился, и щастливымъ себя называлъ, но въ малѣ потомъ вздохнулъ и облился слезами. Спрашивалъ его Артаванъ, единъ изъ вельможъ двора его: противныя, говоря, о Царю! двѣ вещи ты вдругъ дѣлаешъ, прежде ты веселился видя толь многочисленное воинство, потомъ теперь плачеши. Отвѣтствовалъ

Ксеркъ: подумалъ я, говоритъ, что изъ толь великаго множества людей по прошествіи ста лѣтъ не будетъ ни единаго. Ежели же Ксерксу изъ очей исторгнула слезы такъ малая трата, что одно только войско, сколь бы оно велико ни было, временною смертію во сто лѣтъ отъ земли живыхъ потребится"..... (Конца не достаетъ).

Въ этомъ тонѣ написаны почти всѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича.

Впрочемъ, мы не должны забывать, что получивъ образованіе одинаковое съ своими современниками, отъ однихъ и тѣхъ же учителей и по однимъ правиламъ, онъ долженъ былъ, въ извѣстной степени, заплатить дань общимъ понятіямъ и вкусу своего времени. Нѣкоторыми чертами, изрѣдка попадающимися въ его проповѣдяхъ, онѣ связываются съ прежнею школою, которой Ѳеофанъ Прокоповичъ положилъ конецъ. Такъ н. п. въ проповѣди въ недѣлю Православія мы встрѣчаемъ натянутое въ высшей степени и очень неудачное приложеніе повѣствованія о Раавѣ, жительницѣ Іерихона, къ православной Церкви (1); въ словѣ на день Свя-

(1) Т. 3. Сл. 24. стр. 312 и пр.

таго Владиміра, впрочемъ принадлежащемъ къ однѣмъ изъ лучшихъ, попадается такого рода фраза: „скажу слово великое и дивное, но истинное; колико женъ отверглъ отъ себе Владиміръ Святый, толико пламенныхъ стрѣлъ діавольскихъ сломилъ, толико столповъ демонскихъ опроверже, толико сѣтей хищнаго душъ ловителя растерза, толико рукъ страшному бойцу адскому отсѣче, толико погуби огнедышущихъ зміевъ адскихъ.“ (1) Въ этомъ множествѣ уподобленій отразилось вліяніе старой школы.

Иногда попадаются тривіальныя выраженія и обороты, н. п. „на чужія грѣхи свиніею поглядываемъ, а сами себѣ хороши мнимся быти, хотя и по уши въ грязи.... (2) Какъ же было вкусно слышати, что чрезъ Жидовина спастися подобаетъ, а мимо его не возможно, яко же проповѣдалъ Петръ.... Сего слова и Жидовскій желудокъ сварити не могъ.... (3) Влекутъ грѣшника вони сатанинскія, туды носъ суетъ.“ (4) Въ словѣ на Полтавскую побѣду чи-

(1) Т. 3. Сл. 26. стр. 343.
(2) Т. 2. Сл. 2. стр. 24.
(3) Т. 2. стр. 27.
(4) Т. 3. Сл. 22. стр. 275.

таемъ слѣдующее обращеніе къ Мазепѣ: „скверное лице, мерзская машкара, струпъ и студъ твой малая Россіе, измѣна Мазепина.... (1) Левъ Свѣйскій поскоряе поджалъ хоботъ свой подъ себе, и пр. (2).

Должно однако замѣтить вообще, что даже тривіальныя выходки и простонародныя выраженія у Ѳеофана Прокоповича имѣютъ характеръ отличный отъ тѣхъ же недостатковъ у другихъ проповѣдниковъ, и вообще не въ такой степени оскорбительны. Во первыхъ, тонъ его проповѣдей менѣе напыщенъ и ближе подходитъ къ разговорному языку, такъ что переходъ отъ слога торжественнаго къ простонародному не такъ крутъ. Во вторыхъ, въ уклоненіяхъ и недостаткахъ Ѳеофана Прокоповича все-таки чувствуется присутствіе жизни; видѣнъ живой человѣкъ, способный забыться, придти въ гнѣвъ или разсмѣяться и сказать лишнее слово; тогда какъ у Стефана Яворскаго и у другихъ проповѣдниковъ, при тѣхъ же темныхъ сторонахъ, нѣтъ этой жизни.

---

(1) Т. 1. стр. 155.

(2) Т. 1. стр. 192.

Но, не говоря объ отрицательныхъ свойствахъ, главное, положительное достоинство проповѣдей Ѳеофановыхъ, то, которое обличаетъ въ нихъ новое направленіе, есть ихъ своевременность, ихъ живое отношеніе къ дѣйствительности. Ѳеофанъ Прокоповичь хорошо зналъ состояніе умовъ, предразсудки и убѣжденія Русскаго народа. Онъ внимательно слѣдилъ за его развитіемъ, не спускалъ съ него глазъ, вслушивался въ его толки и ничѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти всѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича направлены противъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ и суевѣрій. Его дѣятельность, во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ: упрека, иронiи и самой язвительной сатиры. Приведемъ примѣры.

Во многихъ случаяхъ Ѳеофанъ Прокоповичь развиваетъ ученіе объ искупленіи, оправданіи, отношеніи закона къ благодати. Ему по

опыту было извѣстно, какъ были недостаточны и односторонни понятія народа объ этихъ предметахъ. Въ словѣ въ день Рождества Христова (1) онъ опровергаетъ этѣ понятія: „иніи бо точію помышляютъ, яко Сынъ Божій истинными своими ученми и наставленіи устрои намъ спасеніе, подобнѣ яко премудрый нѣкій учитель человѣка проста и невѣжлива творитъ себѣ подобна мудреца, не умъ ему вливая во главу, но готовый въ немъ отъ естества умъ яснымъ ученіемъ объясняя. Но сіе аще и сотвори Господь нашъ, обаче не главное Его есть се дѣло о нашемъ спасеніи, сея бо похвалы неотъемлютъ ему и саміи безумнѣйшіи Магометане, и не требѣ было бы Богу воплощатися ради сего единаго, понеже ученіе довольно бы совершилъ и чрезъ самыхъ слова своего служителей „и пр.

Въ другомъ мѣстѣ, онъ нападаетъ на формализмъ, на тѣхъ „которіи въ попеченіяхъ житейскихъ погрязше, ни о чемъ не помышляютъ, что къ животу вѣчному вѣдати и содержати нуждно; а однако Христіанскимъ именемъ украшаютъ себе, но именемъ токмо а не дѣломъ.

(1) Т. 1. Сл. 6. стр. 123.

Ибо что видятъ Христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити, напримѣръ, въ церковь, хранити посты уставленныя, весело проводити праздники, вжигати свѣщи, употребляти крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ какъ мартышки, внѣшній видъ только Христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго духовнаго отнюдъ не имѣя; вся бо вышереченныя и другія церковныя обряды подобаетъ исполняти не телѣснѣ токмо“ и пр. (1).

Въ той же проповѣди встрѣчаемъ сильную выходку противъ псевдоученыхъ: „и жалостно и смѣшно видѣти когда человѣкъ перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ богословская дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о Бозѣ, о Ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо, и что не любо Богу, и что хранити надобно къ щастію, и что къ обереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя псалмы или молитвы къ дѣлу сильнѣйшія, и прочія безмѣстныя басни: да о всемъ томъ такъ

(1) Т. 2. Сл. 17. стр. 247. смот. также т. 1. сл. 12. стр. 217. т. 2. сл. 1. стр. 6.

смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третьяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священная писанія, а думаетъ о тетраткахъ Аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ: часто на Святыхъ Отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости неполучилъ, кто, и гдѣ они, многажды въ раздорахъ брѣдивъ довольно восклицаетъ: глубина богословіи! Велпкое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ Колмыки архитектуры. Какъ же разумному человѣку не смѣшно слышати подобныя погудки?“

Нѣсколько ниже Ѳеофанъ возстаетъ противъ глупой спеси и систематическаго невѣжества знатныхъ родовъ: „любителей невѣжества умствованіе есть, что всякое спасительное вѣдѣніе политическому человѣку есть непристойно: извѣствуемся о семъ отъ того, что часто, когда рѣчь есть о наставленіи благородныхъ дѣтей, слышимъ голосы, что дѣтей таковыхъ священному писанію обучати не надлежитъ, и что поповское то дѣло: попамъ о томъ мороковать должно. О голосы безумныя! О рѣчи безстудныя и богопротивныя! тебе же господине добрый, для того, что господинъ ты,

стыдно знати спасительный о насъ промыслъ Божій? Не пригоже тебѣ и твоимъ дѣтемъ вѣдати Христа за васъ распятаго? Не до васъ есть желательное слово Павла Святаго: да дастъ вамъ Богъ разумѣти преспѣющую разумъ любовь Христову? Не къ вамъ простирается слово Святаго Петра: Господа же Бога освятите въ сердцахъ вашихъ, и пр.“

Вотъ еще живая сатира на нравы высшихъ сословій: „когда слухъ пройдетъ, что Государь кому особливую свою являетъ любовь, какъ вси возмутятся, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служити ему, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало, тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя, тотъ выводитъ рода древность изъ за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ; такъ, что уже многіи въ народѣхъ Государи народное сіе безуміе нарочно себѣ въ забаву употребляютъ. Но, хотя бы и прямо кто и достойно возлюбленъ былъ отъ толикихъ лицъ, тебѣ что изъ того? То чуждее, то не твое щастіе. Да однакожъ: да чтожъ однакожъ? чтобъ слово доброе заложилъ, или

хотя бы не повредилъ. Правда. А съ тѣмъ, кто въ такое добро вбрелъ, что дѣлается, тотъ уже и самъ себя забывъ кто онъ, не вѣдомо что о себѣ мечтаетъ. Между тѣмъ отъ зеркала не отступитъ, и дѣлаетъ экзерцицію, какъ бы то честно и страшно являти себе, какъ то и сидѣти, и похаживати, и постанвати, и поглядывати, и поговаривати (1).“

По случаю проповѣдей Ѳеофана Прокоповича, мы должны упомянуть объ одномъ изъ его сочиненій, которое, хотя и не имѣетъ внѣшней формы проповѣди и составляетъ цѣлую книгу, не менѣе того носитъ внутренній характеръ проповѣди и подходитъ вполнѣ подъ ея опредѣленіе. Мы говоримъ о толкованіи Христовой проповѣди о блаженствахъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ опредѣляетъ смыслъ каждаго блаженства и опровергаетъ ложныя толкованія, господствовавшія въ его время. Всю эту книгу очень легко раздѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ проповѣдей.

Мы заимствуемъ изъ нея нѣкоторыя черты тогдашняго быта, вѣрно подмѣченныя и обли-

(1) Въ дополненіе къ этой картинѣ смот. Т. 1. сл. 12. стр. 221.

чающія въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ сатирическое начало. Вотъ н. п. портретъ ханжи: „суть таковіи, которыхъ опасный человѣкъ не трудно познаетъ, сіе же наипаче потому, что или преизлишше смиряются, или дѣйствія нѣкая природѣ своей противная показуютъ. Голову, напримѣръ, на едино плечо преклоняютъ, голосъ отончеваютъ, осклабляются безвременно, воздыхаютъ часто и безъ причины, и прочая. Далъ бы Богъ, дабы умудрился иногда простый народъ, и хотя бы отъ сихъ удобопознаваемыхъ лестцовъ оберегалъ себе.“

Далѣе сильная выходка противъ безпечности и жалкаго успокоенія духовенства: „прелестніи суть миротворцы, или миросказатели и оніи, которіи не попускаютъ проповѣдати въ народѣ, каковая у насъ вражда съ Богомъ, и междособная съ ближними, за умноженіе прегрѣшеній иссякшей любви у многихъ, и за оскудѣніе ученій, нашедшей тмѣ невѣдѣнія пути спасеннаго, и умножившымся суевѣріямъ. Такови суть отъ духовнаго чина оніи, которіи оберегая себе, да не стыдно имъ будетъ яко невѣжди суть, и въ своемъ званіи нерадивіи, еще и искуснѣйшей отъ нихъ братіи завидя,

обыкли на дѣло учителское прерѣцати: на что намъ учители, и ученія; на что проповѣди; православніи христіане есмы, сіяетъ благочестіе, церковь святая процвѣтаетъ. Таковыя ихъ рѣчи мнятся быти мирныя, не велятъ ничего опасатися, вводятъ въ совѣсти человѣческія безпечаліе и тишину. Но мнимый се и мечтанный миръ проповѣдуете о друзи! лицепритворное, а не сущую вещь показуете. Что бо ползуетъ, что въ книгахъ православныи догматы, аще оныя намъ невѣдоми суть; что ползуетъ, что въ писаніи заповѣди, аще ихъ или не вѣдаемъ, или не творимъ."

Много встрѣчается въ книгѣ о блаженствахъ такихъ мѣстъ живыхъ, сильныхъ, сообщающихъ ясное понятіе о томъ времени и доказывающихъ, какъ вѣрно понималъ его Ѳеофанъ Прокоповичь. Въ отношеніи къ исполненію этѣ мѣста лучшія. Тогда одушевляется Ѳеофанъ Прокоповичь, когда онъ обращается непосредственно къ живымъ лицамъ и нападаетъ на предразсудки, суевѣріе и невѣжество.

Можетъ быть, насъ упрекнутъ въ натяжкѣ и въ желаніи выдержать насильно основную мысль этой характеристики; но нельзя не за-

мѣтить, что иронія и сатирическое начало, проглядывающее въ проповѣдяхъ Ѳеофана Прокоповича, напоминаетъ писателей первыхъ временъ реформаціи. Они также имѣли дѣло съ устарѣлыми понятіями, предразсудками, съ невѣжествомъ, упорнымъ въ отрицаніи всякаго совершенствованія, и также смотрѣли на все это съ чувствомъ своего превосходства, своей силы, ручавшейся за успѣхъ борьбы.

Чувство соболѣзнованія къ противникамъ и вмѣстѣ досада на продолженіе ихъ неразумнаго сопротивленія — вотъ тѣ условія, въ которыхъ находились и Ѳеофанъ Прокоповичъ и первые реформаторы западные. Очень понятно, что изъ нихъ могло возникнуть сатирическое начало.

Вниманіе Ѳеофана Прокоповича къ живой дѣйствительности, способность понимать современную жизнь и дѣйствовать на нее, открываютъ въ немъ дарованіе оратора, призваннаго на общественное служеніе. Это дарованіе должно было развиться въ полной силѣ и на свободѣ въ его торжественныхъ и похвальныхъ словахъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ — ораторъ гораздо выше Ѳеофана — проповѣдника. На эту новую сто-

рону его дѣятельности мы должны теперь обратить вниманіе.

Мы знаемъ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ получилъ одинаковое образованіе съ другими учеными и проповѣдниками своего времени. Вѣроятно, не хуже ихъ онъ умѣлъ распространять предложеніе, обставлять его общими мѣстами и на заданную тему нанизывать риторическія фигуры. Но школьный формализмъ и отвлеченная наука не могли сковать его дарованія. Здоровая природа вынесла его изъ этой колеи. Слухъ о томъ, что творилось на Сѣверѣ, доходилъ до Кіева; ожиданіе великаго обновленія и всеобщее безпокойство, предчувствіе переворота, питали въ немъ природную потребность дѣятельности, которой не удовлетворяла должность преподавателя въ Академіи. Между тѣмъ идея обновленія, сперва заключенная въ духѣ одного Петра, потомъ въ сферѣ все еще тѣсной его окруженія, мало по малу расширяла свой кругъ; наконецъ она захватила Ѳеофана Прокоповича и вынесла его на поприще, ему предназначенное.

Мы уже говорили о томъ, какое значеніе могъ имѣть въ то время проповѣдникъ, одарен-

ный живымъ пониманіемъ требованій тогдашней Россіи. Ѳеофанъ Прокоповичь понялъ эти требованія, но односторонно. Онъ съ жаромъ предался преобразовательному стремленію и посвятилъ всѣ свои силы на служеніе той мысли, которую олицетворилъ въ себѣ Петръ Великій.

Послѣднему такой человѣкъ, какъ Ѳеофанъ, былъ нуженъ. Подвизаясь одиноко на пути своемъ, онъ зналъ, что очень немногіе сознавали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренно почти всѣ его осуждали. Не такого повиновенія требовалъ Петръ. Онъ хотѣлъ, чтобы вся Россія по убѣжденію приобщилась къ его стремленіямъ, чтобы народъ пересталъ смотрѣть на его дѣла, какъ на личныя прихоти, и чтобы поняли всѣ, что не для одного себя, а для общей пользы онъ трудился, отмѣнялъ старое и заводилъ новое. Это уваженіе къ общему мнѣнію, эта потребность имѣть его для себя, въ Петрѣ Великомъ и при его желѣзной волѣ очень замѣчательна. Но слишкомъ много лежало на немъ другихъ, разнообразныхъ заботъ. Практическая дѣятельность поглощала его и не оставляла времени самому

отдавать отчетъ въ своихъ начинаніяхъ и оправдывать ихъ. Онъ искалъ человѣка, способнаго понять его, искренно и сознательно ему преданнаго, глубоко убѣжденнаго въ разумной необходимости его стремленій, который взялъ бы на себя отъ имени его говорить съ народомъ. Ѳеофанъ Прокоповичь отозвался на это призваніе. Онъ посвятилъ свое слово Петру Великому и сталъ посредникомъ между нимъ и народомъ. Посвященный во всѣ виды Петра, его совѣтникъ и помощникъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразованія— вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Ѳеофана Прокоповича, его задача какъ оратора.

Этимъ общественнымъ значеніемъ, которое онъ имѣлъ безспорно, Ѳеофанъ рѣзко отличался отъ другихъ ученыхъ проповѣдниковъ своего времени.

Словомъ привѣтственнымъ на пришествіе въ Кіевъ Петра Великаго, читаннымъ въ Со-

Фійской Церкви, Іюля 5го 1706 года (1), открывается великолѣпный рядъ торжественныхъ и похвальныхъ словъ Ѳеофана. Это слово замѣчательно, какъ памятникъ первой встрѣчи его съ Петромъ. Несмотря на многіе недостатки, нельзя не признать въ немъ искренняго выраженія радости. Очень кстати Ѳеофанъ Прокоповичь окружилъ себя воспоминаніями старины и связалъ древнюю славу Россіи съ настоящею.

Въ годъ Полтавской битвы, въ проѣздъ Петра Великаго черезъ Кіевъ, Ѳеофанъ Прокоповичь произнесъ длинное похвальное слово или Панигирикосъ о преславной надъ войсками Свѣйскими побѣдѣ, и т. д. (2) Вотъ содержаніе.

Въ началѣ встрѣчаются условныя и обычныя фразы: великое дѣло не нуждается въ прославленіи, оно говоритъ само за себя; слово безсильно, но можно ли молчать, когда сердце исполнено радости, и пр.

Вслѣдъ за этимъ, ораторъ приступаетъ къ дѣлу и начинаетъ съ изображенія могуще-

(1) Слова и рѣчи Ѳ. П. часть 1. сл. 1.

(2) Ч. 1. сл. 2.

ства и многочисленныхъ средствъ, которыми располагалъ Карлъ XII. Это составляетъ содержаніе первой части.

Шведы между всѣми народами Нѣмецкими слыли лучшими воинами и пріобрѣли право считать себя непобѣдимыми и презирать другихъ. Но напрасно они презирали Россію: „всуе презираше крѣпкія о Господѣ силы Россійскія: не безсиліемъ бо православное сіе царство толико разширися, яко вся западныя государства противу величествія его суть, аки рѣки противу безмѣрнаго окіана, и уже прилично о немъ рещи оное псаломское слово: (простре розги его до моря, и до рѣкъ отрасли его) не безсиліемъ дивыя народы, Казанскія, Астраханскія, и Сибирскія царства, и иныя на востокъ и западъ, на полудне и сѣверъ лежащія многочисленныя грады и страны укроти, и державѣ своей подверже. Обыди кто, или паче облети умомъ, наченъ отъ рѣки нашей Днѣпра до береговъ Евксиновыхъ на полудне, оттуду на востокъ до моря Каспійскаго и Хвалынскаго, даже до предѣлъ царства Персидскаго, и оттуду до далечайшихъ предѣловъ едва слухомъ къ намъ заходящаго царства Китаехинскаго, и от-

туду на глубокую полунощь до Земли новой, и до береговъ моря ледовитаго, и оттуду на западъ до моря Балтійскаго, даже паки долгимъ земнымъ и воднымъ протяженіемъ пріидеши къ помянутому Днѣпру: сія бо суть предѣлы Монарха нашего: Сія же вся не безсиліемъ, якоже рѣхъ, ни ужемъ дѣломѣрнымъ; но развѣ храбрымъ и мужественнымъ оружіемъ можаху опредѣлитися.“ Многіе успѣхи Русскихъ, предшествовавшіе Полтавской побѣдѣ, могли бы разувѣрить Шведовъ. Впрочемъ ихъ ослѣпленіе удвоивало силу и дерзость и безъ того уже мужественнаго врага. Къ нравственной силѣ присоединялись и матеріальныя средства — награбленное богатство и пр. Война происходила въ предѣлахъ Россіи: „всѣмъ вѣстно есть, како тяжчайшая брань есть въ предѣлѣхъ своего отечества, нежели въ чуждихъ: внутренній страхъ и боязнь, разбѣгаются и крыются жители, престаютъ купли, оскудѣваютъ мытницы, отечества имѣніемъ питается и богатѣетъ супостатъ, и ничего не щадитъ, яко чуждаго; но и кромѣ потребы и нужды своей разграбляетъ и разоряетъ. Словомъ рещи, яко же лютѣйшая и не скоро врачуемая болѣзнь есть внутренняя, въ самой утробѣ крыющаяся, не-

жели вреды на верху тѣла: тако и брань внутрь земли нежели за предѣломъ.“ Вторженію непріятелей способствовала измѣна. Мазепа подъ личиною непоколебимой вѣрности умѣлъ скрыть свои замыслы и выдалъ Россію иноплеменникамъ. Возмутительныя посланія отъ него расходились по всѣмъ городамъ. Ждали помощи отъ Орды и Польши. Въ присутствіи столькихъ враговъ, съ разныхъ сторонъ угрожавшихъ отечеству, наше войско должно было раздѣлиться на части. Наше положеніе было самое невыгодное.

И не смотря на все это, Карлъ XII побѣжденъ, Петръ и Россія торжествуютъ побѣду. Описаніе Полтавской битвы наполняетъ вторую часть.

„Довольно бо было бы къ совершенной славѣ твоей, аще бы толикаго супостата съ поля токмо согналъ еси: нынѣ же что видѣ поле Полтавское? О поле благополучное! О поле достойное побѣдительными знаменьми и торжественнымъ нѣкіимъ зданіемъ украшенно быти, на вѣчную память толь преславной побѣды! что бо видѣ? и кій позоръ на себѣ показа?

Ужасъ бяше видѣти возмущенный и небесъ досязающій отъ праха и дыма военнаго облакъ: ужаснѣе зрѣти безчисленная сѣмо и овамо летающая блистанія, и слышати непрестанныя страшныя громы: реклъ бы кто, яко не на земли, но на небеси творится брань, и яко не оружіемъ, но молніемъ поражаютъ себе противныи полки. Но въ таковой тмѣ и куреніи ясно на весь міръ блесну слава Россійскихъ воевъ, и посредѣ толикихъ Марсовыхъ волнъ не поколебася мужественное Твое и Твоего, Пресвѣтлѣйшій Монархо, воинства сердце: егда бо отъ нестерпимаго громогласія стеняше земля, егда окрестныя страны страхомъ движахуся, егда шумяху лѣсы прогоняемымъ отъ огня и грома воздухомъ, и на арматныя рыканія страшнымъ рыкомъ отвѣщеваху горы, и закры лице солнцу дымъ съ прахомъ смѣшенный, единому токмо оставшу свѣту, его же оружныя огни издаяху; тогда не подвижеся храбрость и мужество Твоего воинства, не испусти вопля, ни гласа, внимаше всѣмъ вождовъ своихъ велѣніямъ и мановеніямъ, не преступи ни малой черты ратнаго чина и закона, зряше безчисленныя сопротивъ идущія на ся смерти, и не отврати очесъ, не воспяти слѣда, но паче устремися, и

смерть на смертоноснаго супостаса нанесе: видяше себе средѣ онаго огня быти, нань же издалеча зрящихъ оледенѣваютъ сердца: обаче лучше еще разже ревность свою по Бозѣ и Царѣ, по Вѣрѣ и вѣрности, по Церкви и Отечествѣ: ревностію же тоею толикую въ себѣ зазже дерзость, еликой не чаяше видѣти гордый супостатъ, и не надѣяшеся слышати міръ весь: довлѣетъ бо рещи, яко первыя еще полковъ Твоихъ лицѣи не множае десяти тысящей въ себѣ имущія не стерпѣша вси вои Свѣйскіи, и забывше непобѣдимую свою титлу, хребетъ на студныя язвы обратиша. Яко и о нихъ уже воспѣти подобаетъ, еже иногда воспѣ Псаломникъ о сынахъ Ефремлихъ: сынове, рече, Ефремли наляцающе и стрѣляюще луки, возвратишася въ день брани. Тіи обращаютъ хребетъ, иже славяхуся нестерпимое имѣти лице: тіи въ бѣгство обращаются, ихже издалеча бѣжаху многіи иныи народы. О силы! О славы твоея Россіе!“

„Что же речемъ о собственной Твоей храбрости, великій великихъ мужей Вожде и великихъ супостатовъ Побѣдителю, Всероссійскій Монархо? егда не слово токмо твое и повелѣ-

ніе въ полки твоя на брань препоясавшіяся посылалъ еси (еже единое по царственному чину довлѣяше), но совершая царственное, купно совершилъ еси и воинское дѣло, самъ высокимъ лицемъ Твоимъ въ лице супостату противно сталъ еси, самъ на первыя мечи, и копія, и огни устремился еси: страшный и славный позоръ! Возрадовася и купно вострепета Россія, узрѣвши сіе: возрадовася, видящи толикое мужество Царя своего, вострепета же, единаго смертію вся умрети боящися. О блаженства, рече, моего! колікую отселѣ имѣти буду славу, егда услышитъ міръ, и чести будутъ въ исторіяхъ послѣднія вѣки, каковъ и коликъ во бранехъ показася Царь мой: обаче о лютѣ мнѣ, аще не покрыетъ его невидимымъ щитомъ своимъ десница Вышняго! Его бо единою язвою вся уязвленна, Его единаго (еже да отвратитъ Господь) убіеніемъ вся убіенна буду. Но собысться на тебѣ, Богомъ хранимый мужу, обѣщанное Псаломникомъ Божіе заступленіе: падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, къ тебѣ же не приближится. Посредѣ острія мечовъ, посредѣ огненныхъ градовъ, посредѣ многотысящныхъ всюду летающихъ и свирѣпѣющихъ смертей, ни смерть, ни язва не

не приближися къ Тебѣ. Большее нѣчто реку: приближилася бяше (еже не безъ страха и трепета воспоминаемъ), приближилася бяше смерть явная къ Богомъ вѣнчанной главѣ Твоей, егда желѣзный желудь пройде сквозѣ шлемъ твой но яко не вреди главы, еяже вредомъ вся бы повредилася Россія, отсюду явѣ есть, яко ты живеши въ помощи Вышняго: явѣ есть, яко Господь силъ поборствуетъ по тебѣ: и аще когда, нынѣ явѣ показася, яко осѣняетъ надъ главою Твоею въ день брани: явѣ же есть, яко еще и всего рода нашего не отрину отъ лона своего, но хранитъ въ подкриліи милости своея, и щитомъ силы своея заступаетъ. Не единъ нынѣ отечества и православія нашего истинный любитель, поколебшійся первѣе отъ страха толь сильнаго супостата, нынѣ же толикаго твоего и общаго благополучія достигшій, не единъ, глаголю, благодушествуя воспѣваетъ со Псаломникомъ: коль благъ Богъ Израилевъ, правымъ сердцемъ: мои же вмалѣ не подвижастѣся нозѣ, вмалѣ не проліяшася стопы моя.“

„Аще бо лѣть нынѣ о семъ страшномъ Твоемъ случаѣ любомудрствовати, мню, яко не иной ради вины попусти Господь видимой смерти при-

ближитися ко главѣ Твоей, но не коснутися: развѣ дабы извѣстно показалъ защищеніе свое, имже Тебе и Твое царство сохраняетъ. Не былъ еси убо одѣянъ въ желѣзо, ни обложенъ твердою бронею, не имѣлъ еси ни щита, ни шлема мѣднаго, но аки нерушимою стѣною, и адамантовымъ забраломъ ограждено бяше Царское лице Твое невидимою силою Вышняго. Господь силъ сокрушаяй брани мышцею высокою бысть Тебѣ столпъ крѣпости отъ лица вражія, и вещію здѣ показася, яко аще подобная дерзость и не безъ порицанія бываетъ въ иныхъ царяхъ, бѣдою своею бѣду на царство наводящихъ: обаче въ Тебѣ единомъ незабвенныя памяти и вѣчныя славы достойна обрѣтеся: ниже бо отъ неразсужденія произыде, ниже отчаяніемъ возжеся, но тайною силою сильнаго во бранехъ Бога поощренна есть. Той введе Тебе во страшный бой, иже и ополчися съ Тобою: той подвиже сердце Твое итти въ пламень военный, иже и щитомъ своего заступленія огради тебе."

Въ третьей части разсматриваются результаты и плоды побѣды.

Могущество и гордость враговъ сокрушены навсегда. Истреблена лучшая часть Швед-

скаго войска. Знамена, оружіе, воинскіе запасы въ нашихъ рукахъ. Остальная часть Шведской арміи на берегахъ Днѣпра положила оружіе и взята въ плѣнъ. Полтавская побѣда даровала Россіи миръ, безпечаліе и изобиліе. Отъ настоящаго Ѳеофанъ Прокоповичь обращаетъ взоры въ будущее. Замѣчательно это живое движеніе: „что же прочее? О благословенія на насъ твоего Боже нашъ! мнитъ ми ся, яко свѣтаетъ уже день той, воньже проклятая унія, имѣвшая въ отечество наше вторгнутися, и отъ своихъ гнѣздилищъ изверженна будетъ: святая же Православно — Каѳолическая Вѣра, юже отъ малой Россіи служители діавольскіи изгнати хотяху, и во иныя страны благополучнѣ прострется. Будетъ то укрѣпляющу Богу десницу Твою, Пресвѣтлѣйшій Монархо, будетъ не сумнѣваемся, будетъ надѣемся тако, аки и получихомъ (1).“

Слово заключается молитвою. Для того, чтобы оцѣнить этотъ панигирикъ, должно вспомнить, каковы были рѣчи, произносимыя въ то время на важныя событія другими проповѣдни-

(1) Это была мысль Князя Меншикова. См. сл. похвальное въ честь его, т. 1. стр. 68.

ками, н. п. Стефаномъ Яворскимъ. Мы видѣли, что онъ говорилъ обо всемъ, кромѣ того, что совершалось въ его глазахъ. Ѳеофанъ Прокоповичь первый сталъ изображать живую современность, не переводя ея въ символы и аллегоріи.

Другое Ѳеофаново похвальное слово о баталіи Полтавской, читанное въ 1717, построено по томуже плану и состоитъ изъ тѣхъ же трехъ частей. Въ немъ находится всѣмъ извѣстное обращеніе къ Петровой шляпѣ, пробитой пулею (1).

Слово похвальное на рожденіе Царевича Петра Петровича (2) распадается на двѣ части. Въ первой говорится о выгодахъ наслѣдственной, самодержавной Монархіи. Во второй, относящейся собственной къ Россіи, о благополучіи „которое основано есть на особѣ царствующаго.“ Представимъ изъ нея замѣчательный отрывокъ: „здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ ко-

(1) Т. 1. стр. 159.
(2) —— сл. 5.

торый первѣе устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ не долгаго времени? и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Возримъ на сѣдалища правителская? новый Сенаторовъ и Губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нуждѣйшихъ прибыло вновь. Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія идѣже и надежды не имѣяху, уже аріѳметическія, геометрическія, и прочія философскія искуства, уже книги политическія, уже обоей архітектуры хитрости умножаются. Чтоже речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи дер-

жати очи и мысли намъ довлѣетъ; аще и а-мое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ коликихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы воистинну никіиже мастеры совершити сего, всуе бы было тектонское искуство и труды, аще бы не предстала здѣ Монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ таковому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати и свезти матерію; аще бы не явила себе здѣ велелѣпная щедрость, еже бы не жалѣти толикихъ иждивеній; аще бы не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися толикаго и толь труднаго а еще новаго дѣла; аще бы не воспламенилося здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и въ семъ не попустити отъ иныхъ прочіихъ быти упослѣжденну. И, да многая минувше, едино главнѣйшее изречемъ, на таковый сей трудный, новый, преславный заводъ, недовольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныи, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и по-

ле теченію ихъ подобающее, инако бы все суетное было. Здѣ же кто невидитъ, что державѣ Россійской подобало простретися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ, самая правда на брегы Ингріи и Карелiи хищеніемъ льва Свѣйскаго давно отъятыя; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная, и прогна далече звѣря онаго полунощнаго, протяже владѣкіе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы; державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію. Се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничтоже было прочее, единъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ его Царскаго Величества.“

„А ты новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ, и о самой истинѣ неувѣ-

давъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ такозое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіесть, тщательствомъ Монарха нашего испразднися оная древняя пословица Сарматская: не разомъ Краковъ будовано. Или бо великое время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ Римскій Императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю. Нашему же Пресвѣтлѣйшему Монарху тщета была бы а не похвала сіе пригласити; исповѣсти бо воистинну подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ, и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостьми, правилами и правительми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.“

„Но еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій, (аще и тако уже того минути мы не возмогли) и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако не возможно есть въ краткомъ времяни предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикермень, разруши Азовъ, и дракона асійскаго устраши; возяренъ же непра-

веднымъ терзаніемъ льва Свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Ингріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Карелiи, въ Финландіи, и въ чужихъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Елбингѣ Прускомъ и на мѣстахъ прочіихъ; дерзнувша же встрѣстися на полѣ ратномъ, преславно побѣди подъ Калишемъ, на черной Напѣ, подъ Пропойскомъ, подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ? Не довлѣютъ воистинну преславной оной викторіи тысяща устъ Риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многія, донелѣже міръ стоитъ. Но и иныя побѣды прочія пространныхъ проповѣдей достойныя суть, обаче здѣ единымъ ихъ точію, якоже рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бы кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то чтожъ есть викторіями исполнити?“

„А что во первыхъ воспомянути подобало, и что всей толикой славѣ основаніе, есть регула воинская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ, чрезъ сіе дѣло, чтолибо и гдѣлибо

Россійскимъ оружіемъ достохвалное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо, за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.“

„И таковыхъ то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всѣхъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое и извѣстное Россійскаго щастія свидѣтельство; минувше бо многія оттуду произшедшія пользы домашнія, да помыслитъ всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ; не буде бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ мниміи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче мнѣніе было таковое, и изъобличила была то не единократно Россія своимъ оружіемъ, но не доволно и несовершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ

точію, но и всему Россійскому народу содѣла Пресвѣтлый нашъ Монархъ? то, что которыи насъ гнушалися яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыи безчестили, славятъ, которыи грозили, боятся и трепещутъ, которыи презирали, служити намъ не стыдятся, многіи въ Европѣ коронованныи главы, не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотно; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежнія своя о насъ повѣсти, затерли історійки своя древнія, инако глаголати и писати начали: поднела главу Россія свѣтлая, красная, силная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ но истиннымъ словомъ все сіе: зависть славою Россійскою побѣжденна есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣры уже въ свѣтѣ не обрящетъ, точію имать грызти персты своя, и утробою снѣдатися.“

Сравненіе Россіи старой съ Россіею новою встрѣчается во многихъ торжественныхъ словахъ Ѳеофана Прокоповича. Это одна изъ его любимыхъ темъ.

Поѣздка Петра Великаго за границу и требованіе, чтобы примѣру его подражали другіе,

какъ всякое дѣло новое, неслыханное, оскорбляло господствовавшіе предразсудки и многимъ не нравилось. Ѳеофанъ Прокоповичь это зналъ. По случаю пріѣзда Государева, онъ произнесъ два слова, въ которыхъ онъ объяснилъ необходимость его путешествія и оправдалъ путешествія за границу вообще. Въ первомъ словѣ, поздравительномъ отъ лица всего Русскаго народа (1), онъ говоритъ: „аще избраннѣйшая нѣкая Божіимъ промысломъ собывшаяся съ нимъ и воспомянутся здѣ отъ части, и воспомянути бо благословная вина есть, не яко во извѣстіе подающи тое, еже всѣмъ извѣстно, и отъ всея Европы знаемо есть; но ово да услышитъ Россія, какову и колику пользу себѣ чрезъ путешествіе Царя Самодержца своего получила, ово же да и предбудущихъ вѣковъ роди отъ памяти услышатъ. Внутрь убо Европы самодержавствующу Царю Самодержцу нашему, не нужда собственная или самохотѣніе кое бяше ему различныя Европскія иностранныя страны прохождати, и тѣмъ услаждати собе. Кое же и услажденіе отъ ежедневныхъ трудовъ и непокоя? а ктому и кромѣ сего уже не единою

(1) Т. 1. сл. 10.

довольно, тыя пройде и провидѣ. Но цѣлость всенароднаго отечественнаго добра, сіесть: да ожесточенное и окамененное въ долголѣтной войнѣ нынѣшней сердце супостата Свѣя, или желательнымъ премирнаго рукодаянія союзомъ умягчитъ, или крайнею благополучною побѣдою упразднитъ. И надѣемся яко будетъ то, Господу поспѣшествующу, и десницу помазанника своего утверждающу, будетъ тако, якоже отъ трудолюбиваго тщанія его и познаваемъ и видимъ явственно. То убо наипаче понуди его изыти отъ дому и отечества своего. Изыде убо, что же? пройде многія провинціи, пройде множайшія грады, пройде Фландрію, Брабандію, Мекленбургію, Померанію, пріиде въ великую Германію; Германія же, якоже глаголютъ, первая царица есть Европы, въ ней же толь преславныя и пребогатыя суть провинціи, толь прекрѣпкіи и прекрасныи градове, толь веселыя поля и населенія ихъ, толь частыя премудрыхъ ученій Академіи, толь преизрядныя художества и остроумніи художники. Сію аще кто видитъ, провинцій прочіихъ госпожу видитъ, царствъ всѣхъ знамя, странъ всѣхъ матерь видитъ. Въ Германію аще кто приходитъ, познаваетъ чинное общенароднаго правительства устроеніе, обычаевъ доброту,

разума и бесѣды сладость, познаваетъ храбрость, науку и остроуміе.“

Въ другомъ словѣ, въ недѣлю осьмую надесять (1), мы встрѣчаемъ слѣдующее, прекрасное мѣсто: „якоже бо рѣка далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чегожъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіами слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ прочіимъ убыточно есть. Чегожъ инаго? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе, искусства. Не всуе бо славный оный стіхотворецъ Еллинскій Оміръ въ началѣ книгъ своихъ Одіссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улиса вождя Греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая; многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ. Отсюду умножается главная оная мудрость, еже отъ тва-

(1) Т. I. сл. II.

ри познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или паче Божіе: невидимая его, отъ созданія міра, творенми помышляема, видима суть, и присносущная сила его и Божество. И сію то философію свою сказалъ быти Антоній великій, егда вопрошающимъ его языческимъ Философомъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и реклъ: сія есть книга моя. Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ въ очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? или той, который странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Что есть ли бы не иную какую давало пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокія, которымъ вѣденіе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанія твари восходитъ мысль, якоже рѣхъ, къ познанію Творца, и толико выше къ познанію Бога восходитъ, елико множайшая созданія познаетъ.... Сверхъ того, перегринація или странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не

слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ, егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити; не мало бо и ложнѣ повѣствуется: много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда, самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искуствомъ увѣдавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ, таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши Греческихъ стіхотворцевъ и историковъ книги добрѣ разумѣти, посѣти и обыди Пелопоннисъ и Аттику, что нынѣ Морреею нарицаютъ. А къ лучшему уразумѣнію ветхозаконныхъ исторій не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотреніе Іудеи и Сиріи, кольми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голыя только древнихъ дѣлъ мѣста смотримъ, но и самыя народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы, и правительства образы ясно видимъ. Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія, и учится кротости, видитъ вины благополучій, и учится правилу, видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательству, зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки

въ зерцалѣ, своя собственныя, и своего народа и исправленія и недостатки; сами бо себе въ самѣхъ же насъ не вѣмъ какъ то не ясно познаемъ, и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость. Особенно же дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе... Не видимъ на картѣ какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оныя надежда и въ чемъ боязнь, каковое искуство людей, и каковыя сего и онаго народа сердца, не видимъ на картахъ, которыя угодныя, и которыя трудныя мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталій и прочая симъ подобная. Странствованіе едино все тое, какъ на длань показуетъ, и живую Географію въ памяти написуетъ, такъ, что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ лѣтая имѣлъ оныя предъ очима.“

На многіе случаи Ѳеофанъ Прокоповичъ говорилъ о значеніи верховной власти. Полное ученіе его объ этомъ предметѣ изложено въ

словѣ въ недѣлю цвѣтную „о власти и чести Царской, яко отъ самаго Бога въ мірѣ учинено есть, и како почитати Царей и онымъ повиноватися людіе долженствуютъ; кто же суть, и колікій имѣютъ грѣхъ противляющіися имъ.“ Проповѣдано въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 6, въ 1718 г. (1). Это слово, по содержанію своему и по отношенію къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, очень важно. Кромѣ того, оно кажется намъ однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ. Мы разберемъ его подробно.

Введеніемъ связывается предметъ проповѣди съ тѣмъ случаемъ изъ жизни Христовой, который празднуетъ Церковь въ недѣлю цвѣтную: „о чемъ нынѣшнее время и благовременнѣ и безвременнѣ проповѣдати намъ повелѣваетъ, того вину подаетъ торжественный во Іерусалимъ входъ Хрістовъ. Видимъ, коликая въ народѣ радость, коль благопріятное срѣтеніе, на самый слухъ пришествія Мессіина движется весь градъ, мнози постилаютъ по пути ризы своя, мнози рѣжутъ и приносятъ ваіа, побѣдительная знаменія: вси вопіютъ торжественный гласъ осанна!

(1) Т. 1. сл. 14.

и малыи отроцы тожде творятъ. Негодуютъ о семъ Архіерее и книжницы, но не успѣваютъ; рвутся завистію святіи фарісее, и пресѣщи торжество тщатся, но не могутъ.“

Такъ встрѣчали Іудеи Того, въ комъ они видѣли не болѣе какъ Царя земнаго. „Но что ни мыслили о Мессіи Іудее, обаче и тако предложеніе наше имѣетъ здѣ мѣсто. Имѣемъ бо образцы въ словѣ Божіи, отъ Божіей чести и любве заимствовати вину къ чести и любве человѣческой, не въ равенство, но въ прикладъ... Достодолжно убо есть, да отъ нынѣшней торжественной почести Царю Ісраилеву возданной пріимше вину, послужимъ словомъ простымъ и яснымъ нуждѣ нашей, за грѣхъ во времена сія въ Россіи приключившійся. Нуждѣ, глаголю, нащей да послужимъ, не малую бо часть людей въ таковомъ невѣжествѣ пребывающую видимъ быти, яко не знаютъ хрістіанскаго ученія о властехъ мірскихъ. Пачеже о самой высочайшей державѣ не знаютъ, яко отъ Бога устроена и мечемъ вооружена есть, и яко противитися оной, есть грѣхъ на самаго Бога, не точію временной, но и вѣчной смерти повинный; но мнози помышляютъ быти сіе отъ промысла

просто человѣческаго, или отъ превозмогшей силы, и яко боятися властей за гнѣвъ ихъ точію сильный и страшный, и не за совѣсть боятися подобаетъ.“

Вслѣдъ за этимъ проповѣдникъ приступаетъ къ дѣлу и начинаетъ съ отрицанія ложнаго ученія о верховной власти.

Еще во времена Апостольскія родилось мнѣніе, будто Христіанская свобода (многими криво понятая) отрѣщаетъ отъ повиновенія властямъ. Апостолы опровергли и осудили это ученіе.

„Суть же и въ нынѣшнія времена, онымъ послѣдующіи: якоже Папа себе и клиръ свой отъ властей державныхъ изимающій, но и мечтающій данную себѣ власть даровати, и отъимати скипетры царскія, и якоже Анаваптисты человѣку христіанину имѣти власть запрещающіи: которая буесловія въ словѣ послѣдующемъ сама разорятся. Еще точію о нашихъ нѣкіихъ мудрецахъ нѣчто воспомянемъ: суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго нѣкоего въ мысли

своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и не богопротивно, на примѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро: лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми: самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочіихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ: хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, не благополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ... И сіи наипаче славы безчестити не трепещутъ, и всяку власть мірскую, не точію не за дѣло Божіе имѣютъ, но и въ мерзость вмѣняютъ, не вѣдуще бо, что есть смиреніе истинное, что есть нищета духовная; но по внѣшнему виду тое разсуждающе, все еже велико и славно есть, презираютъ, и въ грѣхъ ставятъ: и тако о державѣ верховной ниже помыслити хотятъ, быти ю праведну и отъ Бога узаконенну.

„Однако и сіи не безоружни являются: мнятся нѣчто имѣти богословское отъ священнаго писанія, не аки бы отъ писанія несразу-

мѣннаго совратилися (какъ то инымъ случается), но къ своей готовой злобѣ привлекли непознанное писаніе. Самаго Хріста, глаголютъ, слово есть: яко еже есть высоко въ человѣцѣхъ, мерзость есть предъ Богомъ: отъ сего наводятъ мудрость, силу, славу и всякую власть человѣческую мерзску быти предъ Богомъ. Видимъ высоту богословную, слышателіе! ктожъ не видитъ, коль сильна она и дѣйственна простымъ и невѣжливымъ, наипаче, егда умягченнымъ словомъ, и лицемъ умиленнымъ съ воздыханіемъ и покиваніемъ главы провѣщавается? тако Ангелъ тмы, преображается во Ангела свѣтла.“ Ѳеофанъ Прокоповичь раскрываетъ подлинное значеніе этого текста и обращаетъ его на самихъ противниковъ.

Слѣдуетъ положительная часть, изложеніе Христіанскаго ученія о верховной власти.

Необходимости верховной власти научаетъ законъ естественный. „И се всѣхъ законовъ главизна. Ибо понеже съ стороны одной велитъ намъ естество любити себе, и другому не творити, что намъ не любо, а съ другой стороны злоба рода растлѣннаго разоряти законъ сей не

сумнится: всегда и вездѣ желателенъ былъ стражъ, и защитникъ, и силный поборникъ закона, и той есть державная власть. Не приходитъ сіе многимъ на мысль, да для чего? Для того, что безопасно подъ таковыми стражами пребывающе, не разсуждаютъ добра своего, яко обычнаго. Аще же бы кто внѣ таковаго строенія пожити съ людми хотѣлъ, увѣдалъ бы тотъ часъ, какъ не добро безъ власти... Извѣстно убо имамы, яко власть верховная отъ самаго естества начало и вину пріемлетъ: аще отъ естества; то отъ самаго Бога создателя естества... Отъ сего же купно явѣ есть, яко естество учитъ насъ и о повиновеніи властемъ должномъ.“

Обратимся къ слову Божію писанному. Изъ множества текстовъ о нашемъ предметѣ изберемъ нѣкоторые: мною Царіе царствуютъ и силніи пишутъ правду (Псал. II. ст. 7.) Да увѣдятъ живущіи, яко владѣетъ Вышній Царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ дастъ е. (Дан. гл. 4. ст. 14.) Якоже устремленіе воды тако и сердце Царево въ рукѣ Божіей (2. Притч. гл. 21. ст. 12.) Повинитеся всякому человѣчу созданію Господа ради: аще Царю, яко преобладающу, и пр. (1 Пет. гл. 2. ст. 13 и пр.) Вся-

ка душа властемъ предержащымъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть (Рим. гл. 13. ст. 1.) Тѣмже потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. (тамже ст. 2. 4. 5. 6.) Ѳеофанъ Прокоповичь выказываетъ всю силу этѣхъ словъ. Далѣе онъ приводитъ выраженія изъ Св. Пис. которыя „украшаютъ Царей лучше нежели порфиры и діадимы: бози и христы (Ис. 81 ст. 6. Коринѳ. гл. 8. ст. 5. Исход. гл. 22. ст. 28.)

И такъ власти державныя суть дѣло самого Бога.

Другой вопросъ: „каковую должни есмы властемъ честь, любовь, вѣрность, каковый страхъ и повиновеніе“ рѣшается на основаніи предъидущаго. Если верховная власть основана Богомъ, то это самое обязываетъ ей повиноваться. Приводятся тексты: „повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не точію благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ (Пет. гл. 2. ст. 18.) и пр. Приводятся примѣры изъ Еврейской Исторіи — Саула и Давида и изъ первыхъ вѣковъ Христіанства, изъ временъ гоненій. Ка-

толики объясняютъ повиновеніе Христіанъ въ то время слабостью, невозможностью сопротивленія. Это мнѣніе опровергается историческими свидѣтельствами.

„Аще убо тако есть, аще и строптивымъ владыкамъ и невѣрнымъ должни суть Христіане повиноватися; то колико должни суть все тое правовѣрнымъ и правосуднымъ Государемъ? оныи бо суть Господія, сіи же и отцы: и что глаголю? сей, и вси, и всякія самодержцы отцы суть; въ которой бо оной заповѣди даси мѣсто сему долженству нашему, еже почитати отъ души, и за совѣсть власти, аще не въ сей: чти отца твоего. Тако вси богомудріи учителіе твердятъ, тако самъ законодавецъ Моисей толкуетъ: и что больше? власть есть самое первѣйшее и высочайшее отечество; на нихъ бо виситъ не одного нѣкоего человѣка, не дому одного, но всего великаго народа житіе, цѣлость, безпечаліе.“

За этимъ слѣдуетъ очень замѣчательное мѣсто, въ которомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ опровергаетъ ученіе католиковъ о независимости духовнаго чина отъ свѣтской власти и излагаетъ свое ученіе: „помыслитъ бо кто, и мно-

гіи мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, имянно же священство и монашество. Се тернъ, или паче рещи жало, но жало се змінно есть, Папѣжскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ, священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное Государство.

„А якоже иное дѣло воинству, иное гражданству, иное врачамъ, иное художникамъ различнымъ, обаче вси съ дѣлами своими верховной власти подлежатъ: тако и пастыріе, и учителіе, и просто вси духовніи имѣютъ собственное свое дѣло, еже быти служители Божіими, и строители таинъ его, обаче и повелѣнію властей державныхъ покорены суть, да въ дѣлѣ званія своего пребываютъ, и наказанію, аще не пребываютъ: кольми паче аще общаго себѣ съ прочіимъ народомъ долженства не творятъ. Можетъ быти, подумаетъ кто, что се уже чрезъ излишество говоримъ; но молю, послушай первѣе терпѣливно, аще имамы на сіе доводы сильныи, и потомъ суди какъ хощеши.

„Еще прежде закона писаннаго, устроевая Богъ Моисея вождомъ быти Ісраилю, егда по-

сылаетъ его къ Фараону, и придаетъ въ помощь Аарона на священство намѣреннаго, заповѣдуетъ Моисею, да будетъ въ Бога Аарону.

„Аще же посмотримъ на церковь ветхозаконную, нѣтъ мѣста сумнѣнію, извѣстно бо, что тамъ все священство, и Левиты царемъ Ісраильскимъ во всемъ подчинены были.“

Слѣдуютъ примѣры изъ ветхозавѣтной Исторіи и изъ новозавѣтной: „Самъ Христосъ велитъ даяти Кесарева Кесареви, се же велитъ Архіереомъ и книжникамъ и старцемъ, якоже докладно пишетъ о томъ Марко святый и Лука. Аще же тако въ ветхомъ, почто и не въ новомъ завѣтѣ? законъ бо сей о властехъ не обрядовый есть, но нравоучительный, въ самомъ десятословіи корень имущій, и того ради непремѣнный, но вѣчный, съ пребываніемъ міра сего пребывающій.

„Обаче и особо вопросимъ новаго завѣта. И здѣ яснѣе еще видимъ истину. Кромѣ бо того, что самъ Господь даде властемъ дань отъ себе, и что Павелъ на судъ Кесаревъ позываетъ, и что Петръ посланіе свое первое въ немъ же по-

читати Царя учитъ, пишетъ не точію къ мірскимъ, но и ко священству, якоже явѣ есть отъ главы пятой.

„Кромѣ сихъ и симъ подобныхъ, непобѣдимое слово Павлово есть: всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется: чесо бо ради глаголетъ всяка душа? развѣ да всѣхъ подвержетъ властемъ, безъ выбору, безъ выключенія. И трудно ли было бы придати? всяка душа кромѣ пресвитеровъ или пастырей. Егда же кругомъ объемлетъ: всяка душа, како можетъ изъимати оттуду священство; развѣ яко тако мудрствуетъ страсть наша.“ Цари созывали Соборы, управляли ими, давали уставы и повелѣнія Епископамъ и Пресвитерамъ и наказывали ихъ за проступки. Этимъ оканчивается догматическое изложеніе ученія о верховной власти.

Далѣе проповѣдникъ, въ порывѣ негодованія, обращается къ Русскимъ, не признающимъ власти или оскорбляющимъ ее: „увы окаянства! увы злоключенія временъ нашихъ! Да какое негодованіе равное возъимѣемъ здѣ? кіими слезами не плачемся? кіимъ сердцемъ довольно возревнуемъ? коль противное дѣло толь твердой

истинѣ показали намъ нынѣшняя времена? державной власти Царю богоданному, не честь умалити, еже и самое къ вѣчному осужденію довольно, но и скипетра и житія позавидѣти схотѣлося: но кому похоть сія? не довлѣли мски и львы, труды и прузи, туды и гадкая гусеница.“

„До того пришло, что уже самыи бездѣльніи въ дѣло! да въ дѣло и мерзское и дерзское! уже и дрождіе народа, души дешевыя, человѣки не къ чему иному, точію къ поядѣнію чуждихъ трудовъ родившіися, и тѣ на Государя своего и тѣ на Христа Господня! да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: откуду ми сіе? Возобновилася намъ, воистину исторіа о Давидѣ, на его же и слѣпіи, и хроміи бунтъ поднели. Помыслятъ, да чтожъ онъ блюзнеритъ? не на худость но на совѣсть смотрѣлъ бы. Хорошая совѣсть, и зерцало представимъ ей.“

„Два человѣка вошли въ Церковь, не помолитися но красти: одинъ былъ въ честномъ платьѣ, а другій въ рубищѣ и лаптяхъ: а договоръ былъ у нихъ, не во общую корысть сбирать, но что кто захватитъ, то его; лапотникъ искуснѣйшій былъ, и тотъ часъ во олтарь да

на престолъ, и обираючи заграбилъ, что было тамъ, взяла зависть другаго, и аки бы съ ревности: ни ли ты, рече, боишся Бога, въ лаптяхъ на престолъ святый схватился? а онъ ему: не кричи братъ, Богъ не зритъ на платье, на совѣсть зритъ. Се совѣсти вашей зерцало о безгрѣшники! полагати совѣсть на языцѣ, и тогда совѣстію хвалитися, когда плакати и стенати подобаетъ. Да аще треба и сны видѣти людемъ на бѣду, себѣ прочее спите волхвы! Ей не чувственъ, что не обоняетъ въ васъ духа аѳеистскаго."

Отъ обличенія мятежниковъ Ѳеофанъ переходитъ къ увѣщанію тѣхъ „ихже мощно, общенароднымъ именемъ называти: о Россіе!" Проситъ не обращать вниманія на личность его, недостойнаго вѣщателя истины, но принять отъ него истину и увѣровать въ нее, какъ вѣримъ мы Евангелію, кто бы не читалъ его.

Если самъ Богъ предписываетъ повиновеніе властителямъ строптивымъ; то чѣмъ оправдаются тѣ, которые дерзаютъ подымать руку „на Монарха благовѣрнаго, и толико Россію пользовавшаго, яко отъ начала Государства Всероссійскаго, еликія могутъ обрѣстися исторіи, сему

равнаго не покажутъ; ибо, понеже на двоихъ сихъ вся Государская должность виситъ, на гражданскомъ, глаголю, и воинскомъ дѣлѣ: кто у насъ когда обоя сія такъ добрѣ совершилъ, яко же сей? во всемъ обновилъ, или паче отродилъ Россію. Чтожъ, сіе ли отъ насъ награжденіе будетъ ему? да его же промысломъ и собственными труды, славу и безпечаліе всѣ получили, той самъ имя хульное и житіе многобѣдное имѣетъ? кая се срамота? кій студный порокъ? страшенъ сый непріятелемъ, боятися подданныхъ понуждается! славенъ у чуждихъ, безчестенъ у своихъ! И когда многими попеченіи и подвиги самъ себѣ безвременную старость привлекаетъ, когда за цѣлость отечества, вознерадѣвъ о своемъ здравіи, аки скороходнымъ бѣгомъ самъ спѣшитъ къ смерти, тогда нѣкіимъ возмнился долго жити! аще бы не законъ Божій обуздовалъ насъ, самый таковаго неблагодарствія студъ силенъ былъ бы обуздати! Такъ сего единаго на себѣ пореченія вси народи не терпятъ, еже Государю своему невѣрнымъ явитися; ибо вопреки въ великую вси себѣ вмѣняютъ славу, еже и умрети за Государя! ты ли едина о Россіе отъ всѣхъ народовъ въ семъ останешися? Прежнихъ лѣтъ иноземныи писателіе, аще и во

многихъ неисправленіяхъ народъ нашъ поносили, обаче въ вѣрности къ Государю своему такъ славятъ, что его во образъ прочіимъ представляютъ. Егда же все прежнее поношеніе толикою славою истребилъ уже Петръ, тогда прежняя вѣрности слава увядати начнетъ? Щастіе ли таковое Россіи, сже бы не имѣти полной славы? Удивляются сему саміи лютѣйшіи враги наши, и хотя и пріятны имъ сіи о насъ вѣсти (угождаютъ бо зависти ихъ); однакоже таковое неистовство обругаютъ и поплюютъ. И смотримъ, дабы не выросла въ мірѣ притча сія о насъ: достоинъ Государь толикаго Государства, да не достоинъ народъ таковаго Государя.“

„Но не награждается единымъ студомъ грѣхъ сей, влечетъ за собою тучу и бурю, и облакъ страшный безчисленныхъ бѣдъ. Не легко со престола сходятъ Царіе, когда не по волѣ сходятъ. Тотъ часъ шумъ и трусъ въ Государствѣ: большихъ кровавое междоусобіе, меншихъ добросовѣстныхъ вопль, плачь, бѣдствіе, а злонравныхъ человѣкъ, аки звѣрей лютыхъ отъ узъ разрѣшенныхъ, вольно всюду нападеніе, грабительство, убійство. Гдѣ, и когда нуждею перенесся скипетръ безъ многой крови, и лишенія лучшихъ

людей, и разоренія домовъ великихъ? И якоже подрывающе основаніе, трудно удержати въ цѣлости храмину: тако и здѣ бываетъ: опровергаемымъ властемъ верховнымъ, колеблется къ паденію все общество. И сія болѣзнь въ Государствахъ мало когда не бываетъ къ смерти ихъ, якоже можно видѣти отъ всемірныхъ исторій. Но коихъ мы требуемъ исторій? не сама ли Россія довольная себѣ свидѣтельница? Мню бо, яко не тако скоро забудетъ, что претерпѣ по злодѣйствіи Годуновомъ, и какъ не далеко была отъ крайняго своего разрушенія! О аще бы, паки глаголю, и невѣдомъ намъ былъ законъ Божій, недовольно ли было бы къ наученію сіе едино искуснѣйшее слѣдующихъ видѣніе? Но то зло неудобь врачуемое, яко бѣснующіися человѣцы, ниже взираютъ на бывшая, ниже будущая разсуждаютъ, но нѣкіимъ лестнымъ мечтаніемъ услаждающеся, слѣпо устремляются къ погибели своей.“

„Того ради тое наконецъ представляемъ всякому, еже во всякихъ дѣлахъ и начинаніяхъ нашихъ первѣе, и послѣжде, и непрестанно помышляти долженствуемъ, и ученію нынѣшнему аки свойственная печать потребна есть: се же

есть неумытный и неизбѣжный судъ Божій.... Избѣгнутъ бо таковіи меча царскаго, понеже за гнѣвъ повинушася, обаче не избѣгнутъ суда Божія, понеже не повинушася за совѣсть. Гдѣжъ вы будете, которыи и гнѣвъ Царскій, и совѣсть вашу презрѣвше, на скипетръ и на здравіе властей дерзаете? есть ли вамъ ужасъ или ни? намъ всѣмъ ужасъ есть, дабы за сіе не ускорилъ гнѣвъ Божій, и временнымъ своимъ отмщеніемъ на отечество наше.“

Но Ѳеофанъ не хотѣлъ окончить угрозою и тяжелымъ предчувствіемъ; отъ настоящаго онъ обращается къ будущему и прекрасно заключаетъ свое слово этою молитвою: „Но лучшая, лучшая промышляй о насъ Боже нашъ! предвари насъ милосердіемъ своимъ! Ко многому неблагодарствію, и сіе приложихомъ, яко многихъ благодѣяній твоихъ въ Петрѣ намъ показанныхъ не познахомъ, исповѣдуемъ убо недостойныхъ себе быти, егоже неблагодарніи явихомся. Обаче не въ единомъ мірѣ грѣхъ нашъ, и милость твоя, не сотвори съ нами по беззаконіямъ нашымъ, ниже по грѣхомъ нашымъ воздаждь намъ. Господи спаси Христа твоего, и услыши его съ небесе святаго твоего. Господи спаси Царя

и услыши ны: возвесели его о спасеніи твоемъ: предвари его благословеніемъ благостыннымъ: да обрящется рука твоя всѣмъ врагомъ его: да обрящетъ десница твоя вся ненавидящыя его: вознесися Господи силою твоею, воспоемъ и поемъ силы твоя, аминь.“

По случаю морской побѣды, одержанной надъ Шведами въ 1720 г. Іюля 27 дня, Ѳеофанъ Прокоповичь произнесъ похвальное слово о флотѣ Россійскомъ (1) „о сихъ великихъ, дивныхъ, крылатыхъ, оруженосныхъ древесахъ.“ Извѣстно, сколько пожертвованій, трудовъ и неусыпныхъ стараній стоило Петру Великому устройство флота. Но не всѣ понимали его необходимость. Ѳеофанъ Прокоповичь уясняетъ ее слѣдующимъ образомъ: „да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля, водная моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ, къ питію ли? Довлѣли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть, (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Ве-

(1) Т. 2. Сл. 3.

ликій въ своемъ шестодневіи) что премудрый міра создатель, промышляя человѣкомъ взаимное друголюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякія плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оніи на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже невозможно было людемъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего не любящій, не любитъ добра своего, и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.“

„Но обще о пользѣ флота много бы глаголати, но ненуждно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно Россійскому государству нуждный и полезный есть морскій флотъ. А въ первыхъ,

понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣти флота? не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая надъ рѣкою или езеромъ положена, и не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣти бы кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ, нѣкій Тантал стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И по тому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.“

„Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ, и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жити, и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?“

„Земный непріятельскій приходъ издалече слышенъ, и нескоръ, есть время приготовитися,

и предварити его, не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ тотъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, узрѣвше ихъ, не мощно бы уготовити трактаментъ для нихъ: какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроити подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выдетъ? на который городъ нападетъ? какъ многіи поморскіи городы, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли, разорении, не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія; однакожъ настращавъ и поругався отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начаешся, отходящаго нельзя догоняти. Кратко рещи: поморію флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ

трудно связанному человѣку дратися съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходитися съ крокодилами.“

„Также то трудное было бы тебѣ о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія; не былъ бы укрощенъ на лучшее, но только раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержати на долго единою земною силою? великое сумнительство; есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испраздднилася бы слава толикихъ викторій; не меншая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевати, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Ингріи, Кареліи, Финландіи множество и воинства, и имѣнія и хлѣба: паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя: нынѣ же что? наготствуетъ: скудѣетъ

и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, что бы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе: и вмѣсто того, что бы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждее себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не вельми щастливымъ торгомъ. Видиши о Россіе пользу флота твоего; не только бо готова и сильна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣла еси не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны."

Въ слѣдующемъ году, Февраля 14 дня, Ѳеофанъ Прокоповичъ, при открытіи Синода, говорилъ слово (1), во многихъ отношеніяхъ замѣчательное. Оно можетъ служить дополненіемъ къ Духовному Регламенту. Выписанное нами изъ книги о блаженствахъ обращеніе къ духовенству съ упрекомъ въ безпечности здѣсь повторяется. Оно проникнуто чувствомъ глубокой скорби: „но о окаянныхъ временъ нашихъ! суть, и мнози суть, которіи всепагубнымъ безпечаліемъ ученія, проповѣди, наставленія Христіанская, то есть, единый свѣтъ стезямъ нашимъ, отвергати не стыдятся, къ чему де намъ

(1) Т. 2. сл. 4.

учителѝ, къ чему проповѣдники? Слава Богу Христіане есмы и православніи; шелъ бы другой къ Жидомъ, Магометаномъ, и прочіимъ невѣрнымъ, и тамъ бы проповѣдалъ: у насъ, слава Богу! все хорошо, и не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Но такъ себе и прочіихъ льстятъ сіи окаянницы, яко же иногда во Іерусалимѣ народъ и священство крайнимъ безуміемъ, и безсовѣстіемъ ослѣплены и гнѣва Божія находящаго по проповѣди Пророка Іереміи невидящіи льстили себе сладкимъ льщеніемъ. Миръ, миръ, и не бѣ миръ, яко же помянутый Пророкъ сѣтуетъ."

„Какій бо у насъ миръ? какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребезаконнѣйшій, думаетъ себе быти честна и паче прочіихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи сучецъ усматриваемъ во очесахъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло, что и пріемшіи власть наставляти и учити людей сами Христіанскаго перваго ученія, еже Апостолъ млекомъ наричаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ тая мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ во-

дятъ, саміи грубѣйшіи невѣжди богословствуютъ, и догматы смѣха достойныя пишутъ, ученія бѣсовская предаютъ, и во преданіи бабіимъ баснемъ скоро вѣруется, прямое же и основательное ученіе не точію не получастъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія, вмѣсто возмездія пріемлетъ. Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше. О лютая времена! о преокаянныя, всебѣдственныя, непрестаннаго плача достойныя дни наши!“

Ништадтскимъ миромъ заключилась война съ Швеціею, начавшаяся для насъ бѣдствіями и окончившаяся успѣхомъ, превышавшимъ всѣ надежды. Петръ Великій хотѣлъ, чтобы вся Россія, вмѣстѣ съ нимъ отважившаяся на страшную войну и претерпѣвшая всѣ неразлучныя съ нею бѣдствія и пожертвованія, вмѣстѣ съ нимъ возрадовалась сознательно и поняла, что́ даровала ей эта тяжелая война.

Желаніе Петра Великаго выражаетъ Ѳеофанъ Прокоповичь въ началѣ слова о состоявшемся между Имперіею Россійскою и короною Шведскою мирѣ и пр.; (1) „долгъ великій ле-

(1) Т. 2. сл. 5.

житъ на всѣхъ, какъ духовныхъ пастыряхъ, такъ и мірскихъ начальникахъ, и прочіихъ, кто либо и извѣстнѣе вѣдаетъ, и яснѣйше сказати можетъ о Богомданныхъ намъ въ прошедшей войнѣ поспѣшествахъ и благополучіяхъ. Долгъ на всѣхъ таковыхъ лежитъ, бесѣдами, разговорами, проповѣдьми, пѣніи, и всякимъ сказанія образомъ толковати и изъясняти въ слухъ народа, что мы прежде войны сея были, и что уже нынѣ? какова была Россіа, и какова есть уже? коликую сотвори съ нами измѣну десница Вышняго?“ Ѳеофанъ Прокоповичь сравниваетъ состояніе Швеціи съ состояніемъ Россіи передъ началомъ войны. Всѣ выгоды были на сторонѣ первой. Не смотря на то, побѣда осталась за нами: „тако съ нами удивилъ милость свою Господь, что всѣхъ мнѣнія и чаянія аки бы рѣки вспять возвратилися.“ Особенное дѣйствіе промысла, возвеличавшаго Россію проповѣдникъ видитъ въ чудесномъ сохраненіи Петра отъ напастей, отъ враговъ внѣшнихъ и домашнихъ. Многое Петръ совершилъ для Россіи. Ѳеофанъ Прокоповичь указываетъ на выгодные результаты послѣдней войны: „аще бы не сей сосѣдъ нашъ, но инъ кто либо къ войнѣ возбудилъ Россію, все не то было бы, что

уже есть: мало то, что отнятыя нѣкія страны не были бы возвращены: но то большее, что не умѣла бы еще Россіа и трактовати и воевати со Европейскими народы не разумѣла бы намѣреній, претенсій, и хитростей ихъ, не вѣдала бы силъ и регулъ воинскихъ, не отворила бы себѣ моря сѣвернаго и къ честной съ лучшимъ свѣтомъ коммуникаціи, и къ безопаснѣйшему предѣловъ своихъ охраненію; и яко не великая польза въ храминѣ закутати стѣну южную, есть ли скважни не здѣланы отъ вѣтра полунощнаго, тако и намъ, хотя бы сдѣлалось безпечаліе отъ иныхъ странъ, но остался бы великій страхъ отъ сильнаго и разорительнаго Сѣвера. Нынѣ Божіимъ премилосердымъ промысломъ чрезъ сію войну получила Россіа все лучшее, изучилася недовѣдомыхъ себѣ, земный и водный путь къ пользѣ и славѣ своей отворила, и великимъ безопасіемъ оградила отечество свое.“

Долгъ благодарности къ Богу и Царю, чрезъ котораго возвеличена Россія, обязываетъ всѣхъ, вопервыхъ: трудиться надъ сохраненіемъ и приращеніемъ полученныхъ благъ. Многихъ трудовъ стоило устройство регулярнаго войска; да не впадетъ же оно въ пренебреженіе: „всуе

думаютъ, аще кіи легкодушники думаютъ, что можетъ Россіа по прежднему, безъ правильнаго воинства безпечальна пребывати. Дѣялось тако, хотя и то на малое время, ово забвеніемъ, ово нерадѣніемъ, ово же презорствомъ окрестныхъ народовъ: отселѣ, когда такъ высоко рамена оружеиосная своя подняла, и на весь свѣтъ показала Россіа, когда саміи сильнѣйшіи, чего никто не надѣялся, дознали, когда народи Европейскіи, чего боялися, да не когда будетъ у насъ, дождалися, воинства регулярнаго, страшной артиллеріи, флота морскаго, яко зѣло о своемъ нерадѣніи раскаяваются, тако, аще бы узрѣли насъ въ прежднюю грубость и невѣжество отпадшыхъ, воистинну не токмо исправитися не допустятъ, но и свободно жити не дадутъ. Нужда убо, нужда есть исправленное Петромъ Великимъ оружіе держати, крѣпко, искусно и неусыпно. И се не мое ученіе: учатъ насъ многія разоренныхъ, таковымъ оружія небреженіемъ, Государствъ приклады: учитъ насъ преважнѣйшее и присной памяти достойное слово Самодержца нашего, который поздравленъ отъ подданныхъ своихъ толикою дѣлъ своихъ славою, предложилъ имъ и сіе въ отвѣтѣ своемъ, да бы не вознерадѣли, и въ мирномъ состояніи, о искусствѣ

воинскомъ, и аки перстомъ показалъ горкій, и всѣмъ страшный таковаго нерадѣнія плодъ, паденіе Грекоримской Имперіи.“ Во вторыхъ: „да будетъ въ правительствующихъ лицахъ прилѣжное разсужденіе и попеченіе о томъ, какъ бы лучше, и коими угоднѣйшыми средствіи произвести всенародную пользу, обрадованіе, облегченіе? Изряднѣйшее сіе нашего къ Богу благодарствія было бы дѣйствіе. Когда бо человѣколюбивый Богъ, по тяжкой и многолѣтной войнѣ благословилъ насъ толь честнымъ, радостнымъ и славнымъ миромъ; явѣ есть, что не по достоинству нашему, но по своему благоутробію, милосердствуетъ еще о народѣ семъ, утѣшитися же и обрадоватися благоволитъ ему. Како же обрадуется народъ миромъ, аще сладкихъ плодовъ его не причастится? Мира плоды отъ внѣ, безпечаліе отъ нашествія, и безопасніи къ чуждымъ странамъ, купли ради и политическихъ пользъ многихъ, исходы и входы: но сія уже благополучнымъ Самодержца нашего оружіемъ получили мы. Плодъ же мира отъ внутрь, есть умаленіе народныхъ тяжестей: что будетъ, есть-ли не будетъ расхищеніе Государственныхъ интересовъ: плодъ мира есть своей всякому чести и имѣнія цѣлость, щитомъ правды сохра-

няема: что будетъ, естьли не будетъ въ судѣхъ тлетворныя страсти и злодѣйственныхъ взятковъ: плодъ мира есть общее и собственное всѣхъ изобиліе: что будетъ, естьли переведется многое множество тунеядцовъ, искоренятся татьбы и разбои, и искусство економическое заведется: плодъ мира есть, всякихъ честныхъ ученій стяжаніе: что будетъ, естьли отложа высокое о насъ мнѣніе, гнушатися начнемъ грубости и невѣжества, и дѣтямъ нашымъ лучшаго во всемъ (ревнуя прочіимъ честнымъ народамъ) исправленія возжелаемъ. Но не моего искусства есть о семъ подробну разсуждати: искуснѣе о семъ разсудятъ высокоправительствующія сословія.“

Извѣстно, что Петръ Великій уставилъ праздновать новый годъ съ 1 го Января. Многимъ это нововведеніе не нравилось. Ѳеофанъ Прокоповичь, въ словѣ на 1725 годъ (1), оправдываетъ его: „новый годъ отъ сего дне начинаемъ: Слава Богу; но не слава Богу у лжебратіи нашей раскольщиковъ. Ибо ихъ учители, желая славитися видомъ всякія премудрости,

1) Т. 2. Сл. 8.

не довольно себѣ имѣютъ показывати искусство свое въ богословіи, чудныя воистинну составляя догматы, и священнымъ писаніемъ нарицая тетрати невѣдомыхъ авторовъ. Еще къ тому служитъ имъ и Фисика о зачатіи, напримѣръ, младенца во чревѣ матерьнемъ, и Грамматика, о нарѣчіи вѣкомъ, а не вѣковъ, и о имени Іисусовѣ, и Географіа, о земномъ раи, о Римахъ, о Вавилонахъ, и Ариѳметика, о аллилуіи, и Архитектура, о дѣланіи крестовъ, и Музыка, о церьковномъ пѣніи, и Мануфактура, о камилавкахъ и клобукахъ, и еще не знаю какая хитрость о сложеніи перстовъ, буде то не Хиромантіа: такъ много знаютъ оніи господа. Что же? чудо было бы, естьли бы они оставили Хронологію: не оставили; ибо перенесенное отъ Септемвріа на Генварь новолѣтіе, которое уставилъ державнѣйшій Монархъ нашъ лучшаго ради сословія съ народами Европейскими въ контрактахъ и трактатахъ, такожъ и для порядку чиновъ Государства своего, наипаче же для исчисленія лѣтъ отъ пришествія въ міръ Сына Божія, ставятъ въ великую ересь панамари апостати, и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицаютъ. Се видимъ, и Хронологи они суть изрядніи и было бы сіе людемъ ученымъ къ смѣху

и забавѣ угодное, якоже и есть. Но понеже простый народъ и симъ смущаютъ, испровержемъ сіе краткимъ да яснымъ доводомъ."

Нѣтъ непреложнаго закона, который бы обязывалъ начинать годъ съ того или другаго дня. „Въ вещахъ же среднихъ (adiaphora) каковое есть новолѣтіе, естьли что опредѣляютъ власти верховныя, всякаго подданнаго совѣсть одолжается къ послушанію. Праздновать новолѣтіе всего приличнѣе, когда празднуемъ пришествіе въ міръ Сына Божія."

Два слова произнесены Ѳеофаномъ Прокоповичемъ на смерть Петра Великаго. Первое, говоренное имъ при самомъ погребеніи его, въ 1725 г. Марта 1, (1) кратко, отрывисто и состоитъ почти изъ однѣхъ восклицаній. Оно часто было цитовано, какъ образцовое, и пользуется славою, по нашему мнѣнію, незаслуженною. Такое слово, какого мы могли бы ожидать отъ проповѣдника, въ первую минуту скорби, подъ вліяніемъ внезапнаго удара, едвали было возможно при условіяхъ того времени. Духовное

(1) Т. 2. сл. 9.

краснорѣчіе было до такой степени стѣснено и сжато школьными правилами и условными требованіями еще не очищеннаго вкуса, что проповѣднику, всегда находящемуся подъ вліяніемъ понятій и требованій своихъ слушателей, былобы слишкомъ трудно возвыситься до безъискусственной простоты выраженія. Говорить свободно, безъ приготовленія, языкомъ простымъ, показалось бы дерзостью, неумѣстнымъ нововведеніемъ. Къ томуже, въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ какъ лицѣ, элементъ мыслительности преобладалъ надъ чувствомъ. Его критическое направленіе, обсуживаніе, анализъ, выражающійся во всѣхъ его трудахъ, не допускалъ въ немъ сильнаго порыва. Онъ былъ гораздо болѣе способенъ постигнуть мыслью значеніе великаго человѣка, оцѣнить его и представить его характеристику, нежели выразить свою личную скорбь о его утратѣ. Поэтому, второе, длинное слово Ѳеофана Прокоповича на похвалу Петра Великаго, произнесенное имъ въ день его тезоименитства, Іюня 29, 1725 г., удалось ему гораздо лучше перваго (1). Здѣсь, всѣ черты, служащія къ изображенію дѣлъ и личности

(1) Т. 2, Сл. 10.

Петра Великаго, разсѣянныя во многихъ рѣчахъ, собраны вмѣстѣ и слиты въ одинъ образъ, обставленный блистательными его принадлежностями. Это слово кажется намъ однимъ изъ лучшихъ. Представимъ его содержаніе и выпишемъ нѣкоторые отрывки.

День рожденія Петра Великаго мы привыкли встрѣчать съ радостью; теперь онъ сталъ для насъ днемъ скорби. Но побѣдимъ безполезную горесть, исполнимъ долгъ благодарности къ Богу и къ Петру, посвятимъ этотъ день на воспоминаніе его подвиговъ. Проповѣдникъ проситъ слушателей и въ особенности Екатерину, присутствовавшую при этомъ, укрѣпиться духомъ терпѣнія „еже бы слышащимъ толикая благая, которыхъ совершитель оставилъ насъ, въ конецъ душею не ослабѣти. „Этимъ оканчивается вступленіе.

Слѣдуетъ раздѣленіе: „посмотримъ на двойственную должность и дѣло, первое, яко просто царя, второе, яко царя Христіанскаго.“

Цари призваны дѣйствовать на двухъ поприщахъ, на военномъ и на гражданскомъ.

I. Изображеніе военныхъ подвиговъ Петра Великаго. Говорится о рано пробудившейся въ немъ склонности къ воинскимъ занятіямъ, объ учрежденіи регулярнаго войска, о построеніи флота, о войнѣ съ Турціею и Швеціею (повторяется все сказанное въ словѣ на Полт. побѣду и на Ништад. миръ, въ томъ же порядкѣ).

II. Петръ принадлежитъ къ числу немногихъ Государей, умѣвшихъ соединять съ войною попеченія о гражданскомъ устройствѣ и внутреннемъ исправленіи. Упоминается о его путешествіяхъ, предпринятыхъ для блага всей Россіи: „что же, самъ ли только лутчій сталъ, самъ ли себѣ только добръ и совершенъ показался? Вѣмы воистинну духъ мужа сего, что единоличное свое и собственное добро, естьли бы не сообщилъ всему отечеству своему, никогда бы въ добро себѣ не поставилъ, прямая то была глава Россійская, не превосходствомъ точію власти, но и самымъ дѣломъ, якоже бо глава, здѣланныя въ себѣ духи живительныя по всѣмъ членамъ и составамъ раздаетъ, тако и сей Монархъ, наполненъ бывъ разными исправленіи, наполняти тѣми же и вся чины отечества своего прилѣжно потщался. И мало ли тща-

ніемъ своимъ здѣлалъ? что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? естьли на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нуждное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, одѣяніе, и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и пированія, и прочія благопріятныя обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ нашъ научилъ? и чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же рещи о Ариѳметикѣ, Геометріи, и прочихъ математическихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти Россійстіи съ охотою учатся, съ радостію навыкаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ цирклик, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а есть ли бы гдѣ нѣкое явилося Ариѳметическое или Геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано. Что о Архитектурѣ речемъ, каковое было, и каковое нынѣ видимъ строеніе? было таковое, которое насилу крайней нуждѣ служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра, и мраза охраняти могло: а нынѣшнее сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и велелѣпіемъ свѣтлѣется. Что еще и о воинской, и о корабельной Архитектурѣ?

того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не умѣли.“ Исчисляются его учрежденія, имѣвшія въ виду народную пользу и безпечаліе; таковы: Бергъ-Колл., Каморъ-Колл., Коммерцъ-Кол., различные заводы, фабрики, и пр. Правительство Юстиціи, Вотчинная Коллегія, Адмиралтейство и пр. Онъ основалъ Петербургъ: „врата на мори, когда оно везетъ къ намъ полезная и потребная: замокъ томужде морю, когда бы оно привозило на насъ страхи и бѣдствія. Вся же та какъ къ пользованію нашему, такъ и охраненію изобрѣтенная, введенная, здѣланная, дабы и правильно, и крѣпко содержатися могли, и о томъ неусыпное было Петрово попеченіе: что ни обрѣтается въ уставахъ и законахъ исправнѣйшихъ въ Европѣ Государствъ ко исправленію отечества нашего угодное, все то выбирати и собирати тщался, и самъ къ тому много отъ себе придалъ, и довольныя регламенты, и многія скрижали законныя сочинилъ.“

Вслѣдъ за этимъ, Ѳеофанъ приступаетъ ко второй части. Предметъ ея — Петръ, какъ Государь-христіанинъ: „когда рѣчь есть о Государѣ Христіанскомъ, невозможно не вопросити, каковъ онъ былъ и въ дѣлахъ къ другому оно-

му вѣчному и безконечному житію надлежащихъ, ибо хотя непосредственное званіе сіе есть чина пастырскаго, однакожъ высочайшее сего смотреніе положилъ Богъ на предержащія власти. И яко не должни царіе воинствовати, развѣ или за нужду, или за охоту свою, а дабы порядочно дѣйствовало воинство, смотрѣти должни: и яко упражнятися купечествомъ не царское дѣло, а дабы обманства въ купляхъ не было, наблюдати дѣло царское есть, тожде разумѣти о ученіяхъ философскихъ, и о разныхъ мастерствахъ, и о земледѣліи, и о своей прочей економіи: тако, хотя проповѣдію слова утверждати благочестіе на царехъ не лежитъ долгъ, однакожъ долгъ ихъ есть и великій о томъ пещися, дабы и было, и прямое было ученіе Христіанское, и церкви Христовой правленіе. Много о семъ учитъ насъ Священное Писаніе, наипаче же въ царскихъ исторіахъ, гдѣ въ повѣствованіи житія царей, иныхъ за доброе церкви управленіе похваляетъ, а другихъ за нерадѣніе или развращеніе правовѣрія обличаетъ. И по таковаго царскаго долженства исполненію Константинъ великій нарицается у Евсевіа Кесарійскаго превосходителнѣ Епископъ.“ Петръ Великій постоянно заботился о томъ, чтобы раз-

сѣять мракъ невѣжества и просвѣтить суевѣровъ. Исчисляются мѣры, имъ принятыя. Онъ искоренялъ предразсудки: „возбуждалъ аки отъ сна чинъ пастырскій, дабы суетная преданія исторгали, въ обрядахъ вещественныхъ силѣ спасительной не быти показывали, боготворити иконы запрещали, и учили бы народъ духомъ и истиною покланятися Богу, и храненіемъ заповѣдей угождати ему.“ Ненавидѣлъ лицемѣріе, любилъ простосердечіе: „вѣчной памяти имѣемъ мы наставленіе его. Бывшей бо въ Синодѣ конференціи, о кандидатахъ на архіерейскія степени, сіе премудрѣйшее изрекъ слово: понеже, рѣче, трудно у насъ изыскати къ таковому дѣлу совѣршеннѣ угоднаго, то который явится не лукавъ, не коваренъ, не лицемѣръ, но простосердечный, тотъ буди намъ и угодный и достойный. И воистинну слово сильное: ибо простосердечный Христіанинъ духомъ Божіимъ водимъ есть, и потому, и безъ многокнижнаго ученія, къ своему и къ братнему исправленію умудрится.“ Онъ требовалъ отъ каждаго строгаго исполненія христіанскихъ обязанностей, устроивалъ школы, издавалъ поучительныя книги, уставы, учредилъ Синодъ.

Попеченія и виды Петра не ограничивались настоящимъ временемъ; онъ заботился и о будущемъ: „но о благоутробнѣйшаго отца, и бодрѣйшаго Монарха нашего! устроивъ намъ и утвердивъ вся благая, къ временной и вѣчной жизни, полезная и нуждная, вѣдая же, что все то на немъ, яко на главномъ основаніи стоитъ, помышляя же всегда, чего мнози вовсе забываютъ, что хотя и по составу тѣла, и по силѣ державнаго достоинства своего крѣпокъ и твердъ есть, однакожъ по перстному естеству, нетлѣніе въ первомъ прародителѣ погубившему, смертенъ есть человѣкъ, возъимѣлъ прилѣжное попеченіе, какъ бы все отъ него устроенное не токмо при немъ, но и по немъ цѣло пребывало, и его бы самаго долговременіемъ превзошло, и тако утвердившеся, нерушимо происходило бы во многія вѣки: и се то прямое царское и отеческое попеченіе.“ Петръ оставилъ Россіи Екатерину, призванную продолжать его дѣла: „и тако Петръ оставляя насъ, не токмо оставилъ намъ неисчетная богатства своя, что уже довольно показали мы, но и оставляя насъ, не оставилъ насъ.“

За характеристикою Петра какъ Государя, слѣдуетъ изображеніе Петра Великаго какъ

лица. Многія черты схвачены вѣрно: „сія же вся отъ насъ предложенная, прочіимъ издалече его видѣвшимъ, или только слышавшимъ, паче мѣры удивительна покажутся, а вамъ всѣмъ, которіи изблизка знали его во всемъ дѣйствующа и пекущася, обхожденіемъ же и бесѣдами услаждалися, мню, яко сіе о немъ слово наше не токмо не дивное, но и не довольное, и скудное является. Вѣсте бо, каковая живость памяти, острота ума, сила разсужденія была, какъ ему не мѣшало безчисленное прежднихъ случаевъ множество, что когда ни дѣялося, къ дѣлу настоящему вспомянути, какъ скоро и чисто и довольно на трудныя предложенія и вопросы отвѣтствовалъ, какъ ясныя и полезныя, на темныя и сумнительныя доклады, подавалъ резолюціи: и понеже въ мірѣ семъ коварномъ, много утайкою и лестію дѣется, не токмо между чуждыми себѣ, но и между своими и домашними: вѣсте, како онъ тайно строимая постизалъ догадами, и что быти хощетъ, и куды выдетъ, аки бы пророчески доходилъ, и опасѣвомъ своимъ благовременнѣ предварялъ, и како, гдѣ подобало, знаніе свое покрывалъ, что политичестіи учители диссимуляціею нарицаютъ, и въ первыхъ царствованія полагаютъ регу-

лахъ. Дивно всякому было разсуждающему, гдѣ онъ и отъ кого тако умудренъ, былъ; понеже ни въ какой школѣ, ни въ какой академіи не учился. Но академіи ему были грады, и страны, республики, и монархіи, и домы царскія, въ которыхъ гостемъ бывалъ: учители были ему, хотя и сами про то не вѣдали, и къ нему приходящіи послы и гости, и его угощающіи Потентаты и управители. Гдѣ ни быти, съ кѣмъ ни побесѣдовати случилося ему, то едино смотрѣлъ, да бы оное соприсутствіе не праздно было, да бы не отъити, и не разойтися безъ нѣкія пользы, безъ нѣкоего ученія. Много же еще ко всему пособило ему, что изучився нѣкіимъ Европскихъ языковъ, во историческихъ и учительскихъ книгахъ частымъ чтеніемъ упражнялся: и отъ таковыхъ то ученій происходило, что разговоры его, о коемъ либо дѣлѣ, изобилніи, хотя немногорѣчивіи были, и о чемъ ни произошло слово, тотъ часъ слышати было отъ него разсужденія тонкая, и доводы сильныя, и между тѣмъ, повѣсти, притчи, подобія со услажденіемъ купно и удивленіемъ всѣхъ присутствующихъ. Но и въ разговорахъ богословскихъ и другихъ слышати и самъ не молчати, не токмо, какъ прочіи обыкли, не сты-

дился, но и съ охотою тщался, и многихъ въ сумнительствѣ совѣсти наставлялъ, отъ суевѣрія отводилъ, къ познанію истины приводилъ, что не токмо съ честными дѣлалъ, но и съ простыми и худыми, наипаче же когда случилося съ раскольниками: и готовое ему на то, аки всеоружіе было, изученныя отъ священныхъ писаній догматы, наипаче Павлова посланія, которая твердо себѣ въ памяти закрѣпилъ. И таковая Петрова дарованія намъ добрѣ вѣдущимъ, и изъ блискаго и частаго сообществованія видѣвшымъ не дивна, но развѣ недостаточная есть, якоже помянулося, вся вышереченная повѣсть о воинскихъ, гражданскихъ и церковныхъ дѣлахъ и попеченіяхъ его.“

Славу Петра признала и провозгласила вселенная. Приводятся многія свидѣтельства иностранцевъ.

Благодать Божія видимо на немъ почила. Она хранила его невредимымъ среди бѣдствій, ему угрожавшихъ, и не оставила въ послѣднія минуты жизни. Проповѣдникъ разсказываетъ кончину Петра Великаго и влагаетъ ему въ уста слово къ Россіи, на которую устремлены его взоры съ высоты неба.

Въ заключеніе, Ѳеофанъ обращаетъ утѣшительное слово къ Екатеринѣ и ко всей Россіи: „уповай на Его, на Негоже единаго уповалъ Петръ, и который сохранилъ Петра во всѣхъ путехъ его, сохранитъ и тебе. О буди Господи милость твоя на насъ, яко же уповахомъ на тя! сей гласъ присно къ тебѣ возносилъ Петръ нашъ, сей мы отъ глубины сердца воздвизаемъ. И не престани миловати помазанницу твою, нашу Самодержицу, и горесть ея на сладость претвори, и укрѣпи державу ея, и при ней все отечество наше, миромъ, безмятежіемъ, изобиліемъ плодовъ земныхъ, и всякихъ благъ исполненіемъ благослови. Аминь.“

На этомъ мы окончимъ обозрѣніе торжественныхъ словъ Ѳеофана Прокоповича. Царствованіе Петрово было лучшимъ временемъ въ его поприщѣ, какъ оратора; въ присутствіи Петра раскрывалось его дарованіе во всей полнотѣ. Позднѣйшія произведенія Ѳеофана очень важны, какъ историческіе памятники; но онѣ не прибавляютъ ни одной черты къ его характеристикѣ, какъ оратора. До конца своей жизни онъ былъ вѣренъ самому себѣ, повторялъ тѣже самыя

начала, примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ, служа постоянно дѣлу преобразованія.

О слогѣ Ѳеофана Прокоповича, послѣ многихъ, представленныхъ нами выписокъ, говорить почти нечего. Мы уже замѣтили въ немъ умѣренность въ употребленіи фигуръ, сравнительно съ проповѣдниками того времени. Ѳеофанъ Прокоповичь рѣдко прибѣгаетъ къ фигурамъ и образамъ; за то немногія картины, у него встрѣчающіяся, отличаются особенною полнотою, окончанностью, округленностью. Укажемъ на сравненіе мужа твердаго въ напастяхъ съ скалою посреди моря: „видѣлъ ли еси како шумящія моря волны устремляются біющи на камень, и пр. (1)

Тонъ проповѣдей и торжественныхъ словъ Ѳеофана Прокоповича довольно ровенъ, также въ сравненіи съ современными ему писателями.

Въ построеніи періодовъ и въ словосочиненіи замѣтно сильное вліяніе Латинскихъ прозаиковъ. Ѳеофанъ Прокоповичь хорошо писалъ

(1) Т. 1. сл. 10. стр. 184.

по Латыни, можетъ быть даже лучше нежели по Русски. Многія рѣчи его имъ самимъ переведены на Латинскій языкъ (1); притомъ такъ близко, такъ слово въ слово, такъ ловко Русскій текстъ подходитъ подъ Латинскую конструкцію, что невольно приходитъ на мысль, не сочинялъ ли Ѳеофанъ своихъ проповѣдей на Латинскомъ языкѣ и не перекладывалъ ли онъ ихъ послѣ того на Русскій?

Періоды его большею частью длинны, не вслѣдствіе многословія, но обилія вставочныхъ предложеній и сложности конструкцій. Часто попадаются чисто Латинскіе обороты.

Формы языка — Русскія, смѣшанныя съ Церковно-славянскими. Иностранныхъ словъ множество. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли во всеобщее употребленіе, другія отвергнуты, н. п. фундаторъ, квалитеты, перегринація, трактаментъ, конфузія, викторія, фабула, аттакованіе, фортеца, акція, френетикъ, суккурсъ, ексавторовано (выдумано) куражъ, мусимъ (вѣроятно отъ Нѣмецкаго müssen: признати мусимъ, что Шведскій

(1) См. Miscellanea sacra.

народъ многимъ временемъ предварилъ насъ, и пр. т. 2. сл. 5. стр. 74) експеріенція, навигація, економски, диссимулація, генерально сказати, ексемпли, малконтенты, антецессоръ, прогностикъ, презервативы, тріангулъ, и пр. Замѣчательны нѣкоторыя искусственно составленныя русскія слова: наличіе краснопретворенное, въ смыслѣ внѣшняго вида украшеннаго, многонародіе, образорѣчіе, вмѣсто фигуральнаго выраженія. Простонародныхъ словъ мало, н. п. огурство ослушаніе. Слово: обличать, Ѳеофанъ иногда употребляетъ вмѣсто давать ликъ, форму, и обличаться, вмѣсто принимать ликъ, облекаться въ форму. Послѣднее значеніе очень можетъ быть удержано, тѣмъ болѣе, что оно заключается въ самомъ словѣ и очень вѣрно и опредѣлительно выражаетъ такое понятіе, для котораго теперь мы употребляемъ два слова и болѣе.

ТЕЗИСЫ.

1.

Краснорѣчіе не имѣетъ мѣста въ области искусства. Рѣчь не есть художественное произведеніе.

2.

Краснорѣчіе должно быть изучаемо какъ средство.

3.

Проповѣдь есть посредничество между Церковью и частными лицами.

4.

Проповѣдь слагается изъ элемента общаго и элемента частнаго. Оба необходимы.

5.

Проповѣдь должна быть словомъ лица къ лицамъ, должна быть проникнута личнымъ характеромъ.

6.

Проповѣдь католическая отражаетъ въ себѣ отношеніе частныхъ лицъ къ Церкви въ католицизмѣ.

7.

Проповѣдь протестантская есть плодъ отрицанія объективной Церкви.

8.

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго замѣтно вліяніе проповѣдей католическихъ.

9.

Ѳеофанъ Прокоповичь основалъ новую школу проповѣдниковъ, заключавшую въ себѣ возможность уклоненія въ протестантскую односторонность.

10.

Ѳеофанъ Прокоповичь особенно замѣчателенъ какъ ораторъ свѣтскій.